

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ISSN 1726-1139

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2015. № 4(76)

Научно-практический журнал

Выходит ежемесячно

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека)

Сведения, касающиеся изданий и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям **“Ulrich’s Periodicals Directory”**

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 199004, Санкт-Петербург,
В. О., 8-я линия, д. 61
Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Факс: (812) 335-42-16
E-mail: antonova-ev@szipa.ru, uk@szags.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2015
- © Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2015
- © Редколлегия журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2015
- © Все права защищены

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Шамахов В. А.** — директор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса (Санкт-Петербург) — председатель совета, главный редактор;
- Елисеева И. И.** — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);
- Еремеев С. Г.** — доктор экономических наук, профессор, декан факультета политологии СПбГУ, сопредседатель Российского Общества Политологов (Санкт-Петербург);
- Сморгунов Л. В.** — доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Субетто А. И.** — доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург);
- Комаровский В. С.** — доктор философских наук, профессор, председатель Совета Учебно-методического объединения кафедр политологического профиля РАНХиГС и региональных академий государственной службы (Москва);
- Макаров В. Л.** — доктор физико-математических наук, профессор, академик Российской академии наук, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Квинт В. Л.** — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), председатель совета;
- Крастиньш А. В.** — почетный доктор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможи Рижского технического университета (Латвия);
- Лезеан Э.** — PhD, доктор философии по политическим наукам (Франция);
- Хань Лихуа** — профессор, директор Института Конфуция при Российском гуманитарном университете (Москва), профессор Института международной экономики Университета международного бизнеса и экономики (Пекин, Китай);
- Вольман Х.** — PhD, доктор права, профессор (Германия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Косов Ю. В.** — доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург), заместитель главного редактора;
1. *По политическим наукам:*
- Акопов С. В.** — кандидат политических наук, доцент (Санкт-Петербург);
- Волков В. А.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Вульфович Р. М.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Колесников В. Н.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Малькевич А. А.** — кандидат политических наук, доцент (Омск);
- Полякова Т. М.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Теребнёв Л. В.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
2. *По истории*
- Вершель В. П.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Ежова Г. В.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Исаев А. П.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Лушин А. И.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Морозов В. И.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Шумилов М. М.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
3. *По экономике*
- Запорожан А. Я.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Карнатова Л. Г.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Куклина Е. А.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Халин В. Г.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Ходачек В. М.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Цыгалов Ю. М.** — доктор экономических наук, профессор (Москва);
- Яновский В. В.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург).

EDITORIAL COUNCIL

- Shamakhov V. A.** — Director of North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class (St. Petersburg) — Chairman of the board, Chief Editor;
- Eliseeva I. I.** — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg);
- Eremeev S. G.** — Doctor of Science (Economics), Professor, Dean of the Faculty of Political Science of the Saint-Petersburg State University, Cochairman of the Russian Association of Political Experts (Saint-Petersburg);
- Smorgunov L. V.** — Doctor of Science (Philosophy), Professor (St. Petersburg);
- Subetto A. I.** — Doctor of Science (Philosophy, Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, President of Noosphere Public Academy of Sciences, Vice-President of the St. Petersburg office of Academy of Problems of Quality, Member of Presidium of Petrovsky Academy of Sciences and Arts (St. Petersburg);
- Komarovsky V. S.** — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Chairman of the board of educational and methodological Association of chairs of a Political Sciences Profile of a RANEPa and regional academies of public administration (Moscow);
- Makarov V. L.** — Doctor of Science (Physics and Mathematics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic-Mathematical Institute (Moscow)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

- Kvint V. L.** — Doctor of Science (Economics), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Doctor of North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow), Chairman of the Board;
- Krastins A. V.** — Honored Doctor of North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), Professor, Director of Institute of the International Economic Relations and Customs of the Riga Technical University (Latvia);
- Lezean E.** — PhD in Political Sciences (France);
- Han Lihua** — Professor, Director of Institute of Confucius at the Russian Humanities University (Moscow), Professor of Institute of the International Economy of University of the International Business and Economy (Beijing, China);
- Wolman H.** — PhD, Doctor of Science (Jurisprudence), Professor (Germany)

EDITORIAL BOARD

- Kosov Yu. V.** — Doctor of Science (Philosophy), Professor (St. Petersburg), Deputy Chief Editor (St. Petersburg);

1. Political Sciences

- Akopov S. V.** — PhD in Political Sciences, Associate Professor (St. Petersburg);
- Volkov V. A.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
- Vulfovich R. M.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
- Kolesnikov V. N.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
- Malkevich A. A.** — PhD in Political Sciences, Associate Professor (Omsk);
- Polyakova T. M.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
- Terebnev L. V.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

2. History

- Vershel V. P.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);
- Ezhova G. V.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);
- Isaev A. P.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);
- Lushin A. I.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);
- Morozov V. I.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);
- Shumilov M. M.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg).

3. Economics

- Zaporozhan A. Ya.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Karanatova L. G.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Kuklina E. A.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Halin V. G.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Khodachek V. M.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Tsygalov Yu. M.** — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);
- Yanovskiy V. V.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg).

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ СЛУЖБА

- 8 КУГАЙ А. И.**
Россия в условиях диктатуры геополитических проектов
- 14 ГРИЦАЙ Г. И.**
Государственная аккредитация в законодательстве Российской Федерации
- 26 ВАСИЛЬЕВА Н. А., БАХТУРИДЗЕ З. З.**
Особенности вхождения постсоветских республик в систему международных отношений (на примере Грузии)
- 35 МЕРКУЛОВ П. А., СМИРНОВА Ю. М.**
Конституционно-правовая природа правотворческой деятельности органов местного самоуправления

ЕВРАЗИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- 41 ФРОЛОВ В. Е.**
Роль международных политических институтов в интеграционных процессах евразийского региона

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

- 46 ЦАЦУЛИН А. Н.**
Подготовка кадров для рыночной экономики и потребительское восприятие соотношения «цена—качество—сроки» образовательной услуги
- 59 ПЛОТНИКОВ В. А., ФЕДОТОВА Г. В.**
Государственная бюджетная политика в условиях кризиса: региональный аспект
- 70 ЗАПОРОЖАН А. Я.**
Проблемы и тенденции развития межбюджетных отношений в России
- 80 ПЕРЕКРЕСТ В. Т., КУРЗЕНЕВ В. А., ПЕРЕКРЕСТ И. В.**
Концептуально-аналитическое моделирование рынка труда России
- 94 ТЯПУХИН А. П., ТЯПУХИНА О. А.**
Классификация торговых посредников и варианты их использования в цепях поставок
- 107 ХЛУТКОВ А. Д., КРУГЛОВА И. А.**
Транснациональный бизнес и вопросы международной экономической безопасности в современной мировой экономике

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

- 114 ИВАНЕНКОВ С. П., КУСЖАНОВА А. Ж.**
Социальное самочувствие и жизненные планы современной молодежи
- 123 КИМ М. Н.**
Редакция СМИ: базовые принципы организации и управления
- 130 ЦИНЧЕНКО Г. М.**
Межпоколенные практики
- 137 СИЗОВА И. Л., ЕРМИЛОВА А. В., ХУСЯИНОВ Т. М.**
Потенциал социализации студентов в классических университетах России

- 153 ОВСЯННИКОВ Ю. Н.**
Идеи полицейстики в советский период развития административно-правовой науки
- 146 КРАСНОЛУЦКИЙ Г. Н.**
Этиология коррупции в России

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

- 167 ЛЫТКИНА Л. В.**
Технологии анализа журналистского текста
- 176 ШИШКИНА Л. И.**
Креативность и творчество: соотношение понятий
- 183 СТЕЦКЕВИЧ Е. С., СТЕЦКЕВИЧ М. С.**
«Конституционная революция» в Англии (1828–1832) и англиканский епископат

A LINEA

- 191 ГУЩ В. В.**
Участие народов Дагестана в Великой Отечественной войне
- 198 БОР А.**
Особенности корпоративного управления монгольскими компаниями

CIVIL AND MUNICIPAL SERVICE

- 8 KUGAY A. I.**
Russia in the Conditions of Geopolitical Projects Dictatorship
- 14 GRITSAY H. I.**
State accreditation in the legislation of the Russian Federation
- 26 VASILYEVA N. A., BAKHTURIDZE Z. Z.**
Characteristics of Entering Former Soviet Republics into the System of International Relations Referencing Georgia as an Example
- 35 MERKULOV P. A., SMIRNOVA Yu. M.**
Constitutional and Legal Nature of Law-making Activity of Local Governments

EURASIAN STUDIES

- 41 FROLOV V. E.**
The Role of International Political Institutions in the Integration Processes in the Eurasian Region

POWER AND ECONOMY

- 46 TSATSULIN A. N.**
The Staff Training for Market Economy and the Consumer's Perception of the Ratio "Price—Quality—Timeline" of Educational Service
- 59 PLOTNIKOV V. A., FEDOTOVA G. V.**
The State Budgetary Policy in the Conditions of Crisis: Regional Aspect
- 70 ZAPOROZHAN A. Ya.**
Problems and Tendencies of the Interbudgetary Relations Development in Russia
- 80 PEREKREST V. T., KURZENEV V. A., PEREKREST I. V.**
Conceptual and Analytical Modeling of Labor Market of Russia
- 94 TYAPUKHIN A. P., TYAPUKHINA O. A.**
Classification of the Trade Intermediaries and the Variants of their Using in Supply Chains
- 107 KHLUTKOV A. D., KRUGLOVA I. A.**
Transnational Business and Issues of International Economic Security in the Modern Global Economy

SOCIETY AND REFORMS

- 114 IVANENKOV S. P., KUSZHANOVA A. Zh.**
Social Health and Life Plans of Modern Youth
- 123 KIM M. N.**
Mass Media's Editorship: Basic Principles of the Organization and Management
- 130 TSINCHENKO G. M.**
Inter — generational Practices
- 137 SIZOVA I. L., YERMILOVA A. V., HUSYAINOV T. M.**
Potential of Socialization of Students at Classical Universities of Russia

- 153 OVSYANNIKOV Yu. N.**
Ideas of Police Science during the Soviet Period of Development of
Administrative Law Science

HISTORY AND CULTURE

- 167 LYTKINA L. V.**
Technologies for Analysis of the Journalistic Text
- 176 SHISHKINA L. I.**
Creativity and Creation: Value Concepts
- 183 STETSKEVICH E. S., STETSKEVICH M. S.**
The Constitutional Revolution in England (1828– 1832) and Anglican
episcopate

A LINEA

- 191 GUSHCH V. V.**
The Participation of the Peoples of Dagestan in the Great Patriotic War
- 198 BOR A.**
Features of Corporate Management Mongolian Companies

Россия в условиях диктатуры геополитических проектов

Кугай Александр Иванович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры истории и политологии
Доктор философских наук, профессор
Kugay3@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена анализу природы геополитических вызовов, вставших перед Россией. Инструментом беспрецедентного политического и экономического давления на Россию является теория и практика репрессивных социальных проектов, нацеленных на переформатирование наций, государств, образованных не по проекту США и его сателлитов. Сегодня основной упрек радикальной оппозиции политическому курсу нынешней России выражен в том, что мы не идем в ногу со странами «передовой демократии». Дело здесь в том, что большинство государств в современном мире не обладает реальным суверенитетом. Даже развитые западные государства, присоединившиеся из-за ситуации на Украине к кампании США против России вопреки собственным жизненно важным интересам, продемонстрировали, что таким суверенитетом не обладают и могут рассматриваться если не как оккупированные Америкой территории (что, впрочем, если вспомнить географию размещения баз США за пределами их собственных границ, верно и в прямом смысле этого слова), то как политические колонии, находящиеся в вассальной зависимости от Вашингтона. Госдеп США утверждает императив: «То, что хорошо для США, хорошо и для всего мира». Отсюда сегодня в ЕС важна не правда, а то, что США считает правдой. Американский проект «Украина» нацелен на препятствие осуществлению естественных интеграционных процессов на территории СНГ, ослабление и переформатирование России, вытеснение ее с рынков Евросоюза, со странами которого у России установились взаимовыгодные экономические отношения. Россия выстоит и добьется еще большего признания в мире, если будет нести миру общечеловеческий «проект Правды», в которой, в конечном счете, заинтересованы и авторы антироссийского проекта, поскольку лишь Правда, включающая право народов и наций на самоопределение, может лежать в основе миропорядка, адекватного вызовам XXI в.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

геополитика, Россия, санкции, Евросоюз, Украина, социальный конструктивизм, диктатура геополитических проектов

Kugay A. I.

Russia in the Conditions of Geopolitical Projects Dictatorship

Kugay Alexander Ivanovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of History and Political Science
Doctor of Science (Philosophy), Professor
Kugay3@yandex.ru

ABSTRACT

This article analyzes the nature of the geopolitical challenges faced by Russia. Tool of unprecedented political and economic pressure on Russia is the theory and practice of repressive social projects aimed at reformatting nations, states, formed not on the draft United States and its satellites. Today, the main reproach of the radical opposition political course of present-day Russia is expressed in the fact that we do not keep up with the countries of “advanced democracy.” The point here is that the majority of states in the modern world has no real sovereignty. Even developed Western countries that have joined because of the situation in Ukraine to the US campaign against

Russia against its own vital interests, demonstrated that such sovereignty do not have and can be considered, if not as occupied territory of America (which, by the way, if you remember the geography of placing US bases beyond their own borders, it is true in the literal sense of the word), then as political colonies are vassals of Washington. The US State Department claims imperative "What's good for the US is good for the world." Hence today in the EU is important, not the truth, but that the United States believes the truth. American project "Ukraine" is aimed at impeding the implementation of the natural integration processes in the CIS, and reformatting the weakening of Russia, its displacement from the EU market, with the countries which Russia has established mutually beneficial economic relations. Russia will stand and will achieve even greater recognition in the world, if the world will be common to all mankind Project Truth, which, ultimately, the authors are interested and anti-Russian project, as the only truth, including the right of peoples and nations to self-determination, can be the basis of an adequate world order calls XXI century.

KEYWORDS

Geopolitics, Russia, sanctions, EU, Ukraine, social constructivism, the dictatorship of geopolitical projects

Очевидно, большинство геополитических вызовов, вставших перед Россией, возникли не случайно, но являются продуктом усилий государств, политической и интеллектуальной элиты по созданию необходимого социального продукта. В качестве социального конструкта может быть все что угодно: война, традиция, нация и т. д. Теория социального конструктивизма, являющаяся наиболее востребованной методологией в современной социологии и политологии, опиралась на исторические практики конструирования полиэтничных наций.

Так, «16 мая 1532 г. английское духовенство официально признало Генриха VIII верховным главой церкви, а сэр Томас Мор подал в отставку с поста лорда-канцлера. 6 июля 1535 г., после того, как его обвинили в измене, великий ученый и автор „Утопии“ был обезглавлен. До самого конца он настаивал на единстве христианского мира. В 1559 г. будущий епископ Лондонский Джон Эйлмер подхватил как знамя поразительное заявление епископа Латимера, что у Бога есть национальность... он заявил, что „Господь — англичанин“ и призвал своих соотечественников благодарить его по семь раз на дню за то, что Он создал их англичанами, а не итальянцами, французами или немцами» [1, с. 61]. Таким образом происходило внедрение в сознание заселявших остров народов континентальной Европы архетипа, представляющего Англию как богоизбранный народ и знак божьей любви.

Схожим способом конструировались французская, американская и остальные западноевропейские нации: вначале возникали государства, а затем — нации как социально-политическое объединение различных этносов.

Исключение из правил составляет, пожалуй, Германия, где национальному государству предшествовали общий язык, однородная культура германских народов. Государство являлось инструментом собирания германских земель.

В России, так же как и в Германии, первоначально нация складывалась естественным образом. Даже признав правомерность норманнской теории по части «призвания варягов», она обнаруживает свою несостоятельность в качестве объяснения происхождения русского народа. К моменту призвания варягов у нас были города, княжеские династии, общий язык и однородная культура — все признаки зарождающейся национальной государственности. Древнерусское государство образовалось как необходимость сплочения восточнославянского народа, в целях его выживания и воспроизводства. Подобно воде, структуру которой образует два атома водорода и один кислорода, русский народ представляет собой православно-церковное, культурно-историческое, этнографическое единство трех его ветвей — белорусов, малороссов и великороссов, которые, по образному определению Е. Евтушенко, «нельзя разделить как смешанную кровь». Украинцы, белорусы и русские традиционно рассматривали себя как трансграничную часть единого русского народа, воспринимая

друг друга не как друзей, которых выбирают, а как братьев. Потому что выбор сделан был нашими предками. И хороши родители или плохи, но нормальные (если нравственно не ущербные) дети от них не отрекаются.

Показательна в этом смысле оценка метафизического и социокультурного единства единого «общерусского народа», сделанная экс-президентом Украины Л. Кучмой: «Все, что было в жизни украинского, русского или белорусского народов до 1917 г. — „общерусское или отечественное“». Раздельный счет идет с 1917 г. — времени, когда начался процесс политического обособления (отхода) трех народов, который завершился в 1991 г.» [2, с. 323].

Таким образом, если, к примеру, Англия и США — проекты, то Россия — страна. В то же время, применяя у себя социальный конструктивизм в качестве инструмента построения нации, во внешней политике политическая элита Запада использует социальные технологии как орудие разрушения идентичности и суверенитета неугодных, сложившихся не по их проекту народов, наций и государств. Поэтому Россию, со времен Ивана Калиты своими размерами и природными богатствами поражающую взор и вызывавшую зависть любого иностранца, всегда пытались ослабить, расчлнить и покорить.

Реализуемый сегодня против России проект «Украина» во многом — «перепевы» прошлого. Как и в годы Великой Отечественной войны, ставка сделана на ультраукраинский русофобский национализм. Приведя посредством вооруженного переворота русофобов к власти, Вашингтон, как главный архитектор проекта, по сути «впарил» в Украину ублюдочную копию Третьего рейха. Естественно, Вашингтону хотелось, чтобы Россия покорно смирилась с утверждением русофобской власти на исконно русских землях, с утратой Севастополя — иконостаса русской воинской доблести, с выдворением ее флота, присвоением ее военной инфраструктуры натовским альянсом, на вступление в который нацелено проамериканское правительство нынешней Украины. Наверняка просчитывался и тот сценарий, который реально осуществился: возврат русского Крыма в Россию, восстание Новороссии против насильственной украинизации, реакция России и те беспрецедентные санкции, которыми она будет обложена за сохранение своего суверенитета. Бросая на Донбасс украинскую армию, Вашингтон, по сути, объявил войну России, целью которой является истощение ее финансово-экономических ресурсов и на этой основе раскачивание общественно-политической ситуации, стимулирование «оранжевой» революции посредством управляемых санкций, изоляции и дипломатического давления.

Сегодня основной упрек радикальной оппозиции политическому курсу нынешней России выражен в том, что мы не идем в ногу со странами «передовой демократии». Дело здесь в том, что большинство государств в современном мире не обладает реальным суверенитетом. Даже развитые западные государства, присоединившиеся из-за ситуации на Украине к кампании США против России вопреки собственным жизненно важным интересам, продемонстрировали, что таким суверенитетом не обладают и могут рассматриваться если не как оккупированные Америкой территории (что, впрочем, если вспомнить географию размещения баз США за пределами их собственных границ, верно и в прямом смысле этого слова), то как политические колонии, находящиеся в вассальной зависимости от Вашингтона. Госдеп США утверждает императив: «То, что хорошо для США, хорошо и для всего мира». Для его превращения в жизнь Америка, в первую очередь через систему прямого и косвенного давления на европейские банки и промышленные компании, «построила» своих военно-политических союзников, являющихся, наряду с Китаем, ее основными конкурентами на мировом финансово-экономическом рынке. Отсюда сегодня в ЕС важна не правда, но то, что США считает правдой. Американский проект «Украина» нацелен на препятствие осуществлению естественных интеграционных процессов на территории СНГ, ослабление и переформатирование России, вытеснение ее с рынков Евросоюза, со странами которого у России установились взаимовыгодные экономические отношения.

На 51-й Мюнхенской конференции по безопасности вице-президент США Байден недвусмысленно обнародовал подлинные причины противостояния с Россией: «Мы должны позаботиться о том, чтобы ни одна страна, ни Россия, ни какая-либо другая страна, не могла бы использовать энергоносители в качестве оружия, чтобы завоевывать другие государства. Мы давно знали о том, что зависимость от единственного энергетического потока несет в себе эту проблему. Это действительно большая проблема. Теперь настало время решить ее»¹. Секрет Полишинеля: альтернативу России по поставке углеродов странам ЕС призваны составить США. Сочиненная Вашингтонской партией войны против России задает ритм «еэсовскому» антироссийскому маршу. Кураторы войны организуют повестку дня. Исходя из того, что основу НАТО составляет Пентагон, Америка встала на путь прямого запугивания Европейского союза модернизированной Российской армией. «США пора выйти из НАТО — пусть Европа сама защищается от Путина» — таков заголовок статьи, опубликованной в «Washington Times» известным американским адвокатом Брюсом Фейном².

Демонизация Путина является и основным ферментом сплочения украинских ультра националистов. Есть такой анекдот: умирает старый бандеровец и говорит окружающим: — «Берегите Путина. Берегите!..» — «???» — «Это единственное, что нас объединяет».

Таким же образом и киевской власти Донбасс нужен только для войны с ним. Раздуваемая официальной пропагандой ненависть к «проклятым пророссийским сепаратистам-террористам» является фундаментом сохранения нынешнего украинского политического режима. Если бы нынешняя украинская власть могла, она бы и воздух Донбассу отключила.

Следует признать, что технологии социального конструктивизма, опирающиеся на тотальную дезинформацию, зомбирование, запугивание населения, насильственное подавление пророссийской оппозиции, демонстрируют впечатляющие результаты на Украине. Устами Киева глаголет Вашингтон. Нет такой лжи, на которую не способен был бы нынешний Киев, и нет такой лжи Киева, на которую не готов заткнуть свои уши Запад. Осуществляется программа сепарирования Украины от России не только на уровне культуры и цивилизации, но и на этноконфессиональном и религиозном уровнях. Активно подчеркивается, что Украина — это не православная страна, а христианская. Говорят, проще вытащить человека из СССР, чем СССР из человека. Не в обиду будет сказано нашим украинским братьям — потомкам запорожских казаков, но в терминологии авторов знаменитого письма турецкому султану ситуация складывается таким образом, что евроамериканские социальные конструкторы наяву вознамерились вывести две новые породы украинцев — «еврохохлопов» и «хохлоуев американских», планируя ими заменить население Украины.

Желто-голубой террор питается идеями национального превосходства, декларируемой защитой целостности государства, курсом на благоденствие в «демократическом» и «свободном» Евросоюзе, куда Украина нацелена войти, правда, не понятно, каким образом, разве, что — «вперед ногами»... Самый большой урон от санкций в отношении России выпал на Украину. Помощь Украине от Запада — это инъекции в протез. Понятно, что оживить сегодня ее сможет только Россия.

Если в Киеве не желают признавать, что духовно и исторически русские и украинцы — единый русский народ, украинцы — живущий на его окраине (у-края), то должны принять очевидное, что нынешняя Украина двухобщинное русско-украинское

¹ Байден: Путин должен убраться из Украины [Электронный ресурс]. URL: <http://fakty.ictv.ua/ru/index/read-news/id/1541871> (дата обращения: 14.03.2015).

² Брюс Фейн: «США пора выйти из НАТО — пусть Европа сама защищается от Путина» // Washington Times [Электронный ресурс]. URL: <http://novorus.info/news/policy/29492-bryus-feyn-ssha-pora-vyyti-iz-nato-pust-evropa-sama-zaschischaetsya-ot-putina-washington-times.html> (дата обращения: 14.03.2015).

государство. И ультра национализм является первым врагом его целостности. Если они так жаждут сохранить Украину, то в первую очередь следует обеспечить права живущих в ней русских.

Таким образом, современная геополитика — игра, в которую заставляют играть всех, даже тех, кто не желает и не умеет. И заставляют жестоко! Хорошо об этом сказал Евгений Примаков в своем резонансном докладе «О некоторых проблемах российского федерализма»: «Может ли Россия в крайней ситуации ввести свои регулярные воинские части в помощь ополченцам? Отвечаю: категорически нет. Если бы такое случилось, это было бы выгодно США, которые использовали бы такую ситуацию, чтобы держать под собой Европу на целый век. Вместе с тем такая позиция с нашей стороны не означает отказа от поддержки ополченцев, которые добиваются учета особенностей Юго-Востока Украины в структуре украинского государства»¹. Можно оспаривать позицию Примакова относительно сохранения Донбасса в составе Украины. Поскольку это не согласуется с выбором жителей ДНР и ЛНР, звериная агрессия киевских властей на Юго-Востоке Украины сродни принудительному склонению к браку путем избиения и поджога квартиры избранницы. Но то, что Америка использует любой повод для приведения Евросоюза к «общему знаменателю» и шельмования России — очевидно.

Надо признать, многие это понимают и в США, а некоторые представители американского истеблишмента об этом заявляют публично. Так, Пол Крейг Робертс — кавалер Ордена Почетного легиона, республиканец, бывший помощник по экономической политике министра финансов США в статье «Финансовые махинации на рынке — новый тренд: будет ли это продолжаться?» отмечает: «Наибольший вред российской экономике наносят не санкции и не атака на рубль. Наибольший вред наносят ей ее же неолиберальные экономисты. Неолиберальная экономика не просто слегка нелогична. Это идеология, которая насаждает стране американский экономический империализм. Следуя за неолиберальными программами, российские экономисты выступают пособниками в атаке Вашингтона на российскую экономику. Судя по всему, Путин, вместе со своими внутренними противниками, попался на идею атлантических интеграционалистов о „глобальной свободной торговле“. Глобализм уничтожает суверенитет любой страны, за исключением той, что владеет мировой резервной валютой и контролирует систему. Неолиберальная экономика — это „негодная экономика“. И при этом она является инструментом американского финансового империализма, что делает неолиберальных российских экономистов пособниками этого самого империализма. Остальные суверенные страны, исключая европейские, постепенно понимают, что западные экономические институты любят вводить в заблуждение, и что, доверяя им, они ставят под угрозу национальный суверенитет. Вашингтон намерен разрушить Россию и превратить ее в вассальное государство, как Германию, Францию, Японию, Канаду, Австралию, Великобританию и Украину. Если Россия хочет выжить, то Путин должен защитить страну от западных экономических институтов и прозападных экономистов. Для США слишком рискованно противостоять России в военной сфере. Вместо этого Вашингтон использует свои взаимовыгодные отношения с западными финансовыми институтами, чтобы атаковать неосторожную Россию, открывшуюся финансовым хищникам Запада»².

Приведем еще одно высказывание Пола К. Робертса — на события в Донбассе, представленное в статье «Санкции и авиакомпании»: «Независимо от исхода ин-

¹ *Примаков Е. М.* О некоторых проблемах российского федерализма [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tpp-inform.ru/official/5385.html> (дата обращения: 14.03.2015).

² *Робертс Пол Крейг.* Финансовые махинации на рынке – новый тренд: будет ли это продолжаться? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.paulcraigroberts.org/2014/12/17/financial-market-manipulation-new-trend-can-continue/> (дата обращения: 14.03.2015).

цидента с малазийским лайнером, он демонстрирует опасность мягкой политики Путина по отношению к текущей американской жесткой интервенции на Украину. Решение Путина отвечать на провокации Вашингтона дипломатией, а не военными методами, дают Путину козырь в рукаве, в виде поддержки противников санкций в сферах европейского и американского бизнесов. Однако, не заканчивая про-спонсированный Вашингтоном конфликт на Украине, Путин оставляет открытой дверь для коварных махинаций, на которых специализируется Америка. Если бы Путин принял просьбу бывших российских территорий на востоке и юге Украины вернуться в состав России-матушки, то этот хаос закончился бы в течение нескольких месяцев. Путин не выиграл от того, что отказался посылать войска на бывшую российскую территорию, потому что официальная позиция Вашингтона гласит, что российские войска уже орудут на Украине. Если факты не соответствуют плану Вашингтона, то он от них избавляется. Американские СМИ обвиняют Путина в насилии на Украине. Основанием для санкций являются не факты, а обвинения Вашингтона. Россия, похоже, загипнотизирована Западом и хочет быть его частью. Это стремление играет на руку Вашингтону. России не нужен Запад, однако Европе Россия нужна. Сейчас одним из вариантов для России является выжидание, пока Европа не рассудит ситуацию»¹.

Первый канцлер Германской империи О. Бисмарк сформулировал рецепт покорения России: «Русских невозможно победить. Но русским можно привить лживые ценности и тогда они победят сами себя». Он оказался прав. Россию разрушали не столько оружием поражения, а сколько оружием соблазнения, как это случилось в феврале 17-го и в 90-е гг. прошлого столетия, а ныне происходит с Украиной.

Россия выстоит, если антироссийскому проекту противопоставить национальный проект, опирающийся на национальные ценности, патриотизм, творческий потенциал (одни наши киборги наводят ужас на Пентагон), ратный труд, доблестное служение нашего народа, богатейшие природные ресурсы нашей страны. Россия адекватно ответит на геополитические вызовы современности, если не станет маршировать под барабанную дробь Вашингтона, отдавая свой суверенитет взамен на его лояльность, но осуществит реструктуризацию национальной экономики, обеспечит защиту своих соотечественников от принудительного отказа от своей русской социокультурной идентичности, сохранит духовное единство Русского мира и Евразийского союза. Россия добьется еще большего мирового признания, если будет нести миру общечеловеческий «проект Правды», в которой, в конечном счете, заинтересованы и авторы антироссийского проекта, поскольку лишь правда, включающая право народов и наций на самоопределение, может лежать в основе миропо-рядка, адекватного вызовам XXI в.

Литература

1. Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М. : ПЕР СЭ, 2008.
2. Кучма Л. Д. Украина — не Россия. М. : Время, 2004.

References

1. Greenfield L. *Nationalism: Five roads to Modernity* [Natsionalizm. Pyat' putei k sovremennosti]. M. : PER SE, 2008.
2. Kuchma L. D. *Ukraine — not Russia* [Ukraina — ne Rossiya]. M. : Time [Vremya]. 2004.

¹ Робертс Пол Крейг. Санкции и авиакомпании [Электронный ресурс]. URL: <http://www.paulcraigroberts.org/2014/07/17/sanctions-airliners-paul-craig-roberts/> (дата обращения: 14.03.2015).

Государственная аккредитация в законодательстве Российской Федерации

Грицай Герман Иванович

Северо-западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
 Доцент кафедры конституционного и административного права
 Кандидат юридических наук, доцент
 germanig@mail.ru

РЕФЕРАТ

Настоящая статья посвящена федеральным законам Российской Федерации, которые устанавливают требования о проведении государственной аккредитации юридических лиц, индивидуальных предпринимателей в определенных сферах деятельности. На основе федеральных законов действуют несколько систем государственной аккредитации, которые являются полномочиями разных органов исполнительной власти. В статье представлен краткий анализ федеральных законов, административных полномочий, правил проведения аккредитации в разных сферах государственного управления, показаны недостатки существующих систем аккредитации, отсутствие общих принципов этой деятельности государственных органов. Часть систем аккредитации создана в последние годы, в них использован опыт аккредитации стран Западной Европы. На основе таких примеров выделены признаки, которые могут быть применены к понятию «государственная аккредитация». Предложения автора направлены на унификацию законов и действующих систем государственной аккредитации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

государственный орган, административные полномочия, функция аккредитации, федеральные законы, правила аккредитации

Gritsay H. I.

State accreditation in the legislation of the Russian Federation

Gritsay Herman Ivanovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
 Associate Professor of the Chair of Constitutional and Administrative Law
 PhD in Jurisprudence, Associate Professor
 germanig@mail.ru

ABSTRACT

This article is devoted to the Federal laws of the Russian Federation, which establish requirements on state accreditation of legal entities, individual entrepreneurs in certain areas. On the basis of Federal laws, there are several systems of state accreditation, which are powers of different government bodies. The article presents a brief analysis of Federal laws, administrative authority, the rules of the accreditation in the different spheres of government, shows the shortcomings of the existing accreditation systems, the absence of General principles of the activities of state bodies. Part of the accreditation systems established in recent years, they used the experience of accreditation mill in Western Europe. On the basis of such examples of features that can be applied to the notion of “government accreditation”. The author’s suggestions aimed at the unification of laws and existing systems of state accreditation.

KEYWORDS

government body, administrative powers, the function of accreditation, federal laws, rules of accreditation

Государственную аккредитацию вряд ли возможно позиционировать в системе права Российской Федерации (далее — РФ) как единый правовой институт, — широкое применение аккредитации в разных сферах государственного управления с различием

правил и требований вносит определенное «дробление» не только предмета аккредитации, но и ее целей. Эту особенность отражает, прежде всего, действующее законодательство; одновременно в теоретико-правовом освещении эта область правового регулирования представлена достаточно однородными правоотношениями — область технического регулирования, сертификации товаров и услуг, — где сформирована система аккредитации РФ, приближенная к европейскому нормативу. Поэтому целесообразно уделить внимание действующему законодательству, предмету аккредитации, сферам полномочий органов аккредитации и некоторым другим правовым аспектам.

В действующем законодательстве государственная аккредитация относится, как правило, к числу полномочий (функций) органов исполнительной власти, т. е. отношения по поводу аккредитации являются административными правовыми отношениями. Поскольку административное право является предметом совместного ведения РФ и субъектов РФ, правила государственной аккредитации могут регулировать федеральные законы и соответствующие законы субъектов РФ. Только на основе федеральных законов могут быть определены области правоотношений, в которых государственную аккредитацию осуществляют органы исполнительной власти субъектов РФ. В законодательстве об аккредитации есть примеры разграничения этих административных полномочий в одной и той же сфере государственного управления между федеральными и региональными органами исполнительной власти.

Административные отношения в сфере аккредитации связаны с осуществлением государственной регистрации, лицензирования и административного надзора уполномоченными органами государственного управления, что в целом составляет функцию федеральных служб. Но это правило, установленное в отношении административного надзора Указом Президента РФ от 9 марта 2004 г.¹, для аккредитации не имеет определения, и функция аккредитации закрепляется законодательством без учета типа федеральных органов исполнительной власти.

Направления деятельности органов государственной власти, в которых аккредитация выступает административным средством государственного управления, определяют федеральные законы. Нет необходимости перечислять несколько десятков сфер общественных отношений, где применяется государственная аккредитация, и действуют соответствующие федеральные законы. Здесь названы отдельные примеры различных областей аккредитации и характерное разнообразие органов аккредитации:

- аккредитация организаций, оказывающих услуги в области охраны труда². Орган аккредитации — Министерство труда и социального развития РФ;
- аккредитация представительств и филиалов иностранных юридических лиц на территории РФ.³ Орган аккредитации — федеральное бюджетное учреждение «Государственная регистрационная палата при Министерстве юстиции России»;
- аккредитация российских участников внешнеэкономической деятельности, которые создали внутрифирменные программы экспортного контроля⁴. Орган аккредитации — Федеральная служба по техническому и экспортному контролю;
- аккредитация образовательной деятельности.⁵ Органы аккредитации — Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки, уполномоченные органы исполнительной власти субъектов РФ;

¹ Пункт 4 Указа Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти».

² Часть 3 ст. 217 Трудового кодекса РФ от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ.

³ Часть 2 ст. 21 Федерального закона РФ от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации».

⁴ Часть 3 ст. 16 Федерального закона РФ от 18 июля 1999 г. № 183-ФЗ «Об экспортном контроле».

⁵ Пункт 1 ст. 33.2 Закона РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании».

- аккредитация всероссийских и региональных спортивных федераций¹. Орган аккредитации — Министерство спорта РФ;
- аккредитация организаций в области обеспечения транспортной безопасности². Органы аккредитации — Федеральное агентство воздушного транспорта, Федеральное дорожное агентство, Федеральное агентство морского и речного транспорта, Федеральное агентство железнодорожного транспорта;
- аккредитация образовательных учреждений высшего образования, осуществляющих проведение единого квалификационного экзамена³. Орган аккредитации — Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии;
- аккредитация конкурсных управляющих при банкротстве кредитных организаций⁴. Орган аккредитации — Центральный банк РФ;
- аккредитация граждан, которые привлекаются в качестве экспертов органами государственного и муниципального контроля⁵. Орган аккредитации — Федеральная служба по аккредитации;
- другие области государственного управления и применения государственной аккредитации.

Федеральные законы, устанавливая обязательность государственной аккредитации в качестве средства государственного управления в установленных сферах общественных отношений, как правило, не определяют задачи, которые выполняет аккредитация. Только для отдельных сфер управления, где применяется аккредитация, предлагается ее «отраслевое» определение. Так, Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)»⁶ не содержит дефиниции, но устанавливает, что одним из условий аккредитации при Банке России арбитражных управляющих в качестве конкурсных управляющих является соответствие требованиям к арбитражным управляющим, установленным названным федеральным законом. То есть свидетельство аккредитации, выданное Центральным банком, является документом, который удостоверяет профессиональную компетенцию и дает право быть назначенным конкурсным управляющим по решению арбитражного суда.

Федеральный закон РФ «О транспортной безопасности»⁷ не содержит каких-либо определений и правил аккредитации юридических лиц для проведения оценки уязвимости объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств; в целом, соответствующую область административных правоотношений регулирует Постановление Правительства РФ № 289⁸, а по видам транспортной инфра-

¹ Статьи 13, 14 Федерального закона РФ от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте».

² Пункт 8 ст. 1 Федерального закона РФ от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности».

³ Статья 21.1 Федерального закона РФ от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации».

⁴ Статья 189.77 Федерального закона РФ от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

⁵ Пункт 7 ст. 2 Федерального закона РФ от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля».

⁶ «О несостоятельности (банкротстве)»: федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ [Электронный ресурс] // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/popular/bankrupt/>

⁷ «О транспортной безопасности»: федеральный закон от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/12151931/#ixzz3VxZesQR0>

⁸ «Об утверждении Правил аккредитации юридических лиц для проведения оценки уязвимости объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств»: постановление Правительства Российской Федерации от 31 марта 2009 г. № 289 [Электронный ресурс] // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». URL: <http://rg.ru/2009/08/11/transport-ocenka-dok.html>

структуры — приказы Министерства транспорта РФ. Так утвержденный Министерством Административный регламент Федерального агентства железнодорожного транспорта устанавливает правила аккредитации в установленной сфере деятельности, которые соответствуют правилам принятия решения по заявлению юридического лица.¹ Фактически свидетельство об аккредитации, выданное Федеральным агентством железнодорожного транспорта, удостоверяет прохождение необходимой административной процедуры проверки заявления и регистрации юридического лица в качестве уполномоченного проводить оценку уязвимости объектов железнодорожной транспортной инфраструктуры.

Федеральный закон РФ «Об образовании в Российской Федерации» (далее — Закон об образовании)² также не определяет содержание понятия «аккредитация» в установленной области правоотношений, но регулирует в ст. 92 самые общие правила этой процедуры и определяет цель государственной аккредитации образовательной деятельности — подтверждение соответствия федеральным государственным образовательным стандартам образовательной деятельности по основным образовательным программам и подготовки обучающихся в образовательных организациях. В данном примере свидетельство о государственной аккредитации, выданное уполномоченным федеральным или региональным органом исполнительной власти, формально подтверждает (удостоверяет) право осуществлять образовательную деятельность в соответствии с предоставленной лицензией.

Другой пример — сфера аккредитации органов сертификации товаров, работ, услуг, где применяется Федеральный закон «Об аккредитации в национальной системе аккредитации»³ (далее — Закон об аккредитации) и смежные с ним федеральные законы: «О техническом регулировании»⁴, «Об обеспечении единства измерений»⁵, «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»⁶ и др. Для перечисленных сфер государственного управления аккредитация — это подтверждение национальным органом по аккредитации соответствия юридического лица или индивидуального предпринимателя критериям аккредитации, являющееся официальным свидетельством компетентности юридического лица или индивидуального предпринимателя осуществлять деятельность в определенной области аккредитации. А цели аккредитации — обеспечение доверия к результатам оценки соответствия и создания условий для взаимного признания

¹ «Об утверждении Административного регламента Федерального агентства железнодорожного транспорта предоставления государственной услуги по аккредитации юридических лиц для проведения оценки уязвимости объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств в установленной сфере деятельности» : приказ Министерства транспорта РФ от 6 марта 2013 г. № 72 [Электронный ресурс]. URL: <http://zl.uka.ru/>

² «Об образовании в Российской Федерации» : федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (с изм. и доп.) [Электронный ресурс] // Система ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/70291362/#ixzz3VxbaWSNc>

³ «Об аккредитации в национальной системе аккредитации» : федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 412-ФЗ (с изм. и доп.) [Электронный ресурс] // Система ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/70552684/#ixzz3Vxycy0FGE>

⁴ «О техническом регулировании» : федеральный закон от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://rg.ru/2002/12/27/tehreglament-dok.html>

⁵ «Об обеспечении единства измерений» : федеральный закон от 26 июня 2008 г. № 102-ФЗ (ред. от 21.07.2014) [Электронный ресурс] // Официальный сайт компании «Консультант-Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_166133/

⁶ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» : федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ (с изм. и доп.) [Электронный ресурс] // Система ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/12164247/>

государствами — торговыми партнерами РФ результатов оценки соответствия. Иными словами, национальная система аккредитации создавалась для продвижения российских товаров, услуг на европейский рынок и подтверждения качества отечественной продукции в соответствии с правилами и требованиями Европейского союза; одновременно в национальную систему аккредитации вошло несколько близких по значению областей применения государственной аккредитации.

Таким образом, в государственном управлении РФ создана национальная система аккредитации с уполномоченным органом — Федеральная служба по аккредитации; так же осуществляют полномочия другие органы аккредитации, применяется целый ряд иных систем аккредитации, практически не имеющих между собой связи. На четырех примерах этих систем показано, что законодательное регулирование, определение и предназначение (цели) каждой системы в государственном управлении различно. Предмет аккредитации — профессиональная компетенция юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, — не всегда являются очевидными, в некоторых системах аккредитации предметом выступает также удостоверение права на определенный вид деятельности либо регистрация лица в государственном реестре.

Соответственно, «внутреннее» содержание аккредитации практически не совпадает для разных систем. Так, в национальной системе аккредитации ее обязательными элементами, кроме нормативно-правовой основы, должны быть:

- уполномоченный государственный орган с узкой специализацией в области аккредитации;
- общеобязательная система стандартов;
- правила получения, подтверждения и аннулирования аккредитации;
- лица — соискатели и участники процедуры аккредитации;
- процедура разрешения споров с органом аккредитации;
- система учета аккредитованных лиц и некоторые другие элементы. Напротив, в отношении арбитражных управляющих требования федерального закона фактически образуют уведомительный порядок аккредитации Банком России на основе правил рассмотрения заявления; в этой системе аккредитации отсутствует уполномоченный государственный орган, состав участников аккредитации и требования к ним, механизм разрешения споров и другие элементы.

Существенно различаются между собой и правила (этапы) проведения аккредитации в разных системах аккредитации. Следует отметить, что для основной части систем аккредитации федеральные законы не содержат соответствующих правил. Эти вопросы нормативного регулирования федеральные законы относят к компетенции уполномоченных органов управления, как правило, это компетенция Правительства РФ, либо непосредственно органа аккредитации. Поэтому в законодательстве об аккредитации большую роль имеют административные (подзаконные) акты. Административные акты нормативного характера регулируют полномочия органов исполнительной власти, осуществляющих аккредитацию, порядок (правила) осуществления этой административной процедуры, иные вопросы, связанные с государственной аккредитацией. Если сфера применения государственной аккредитации относится к компетенции органов исполнительной власти субъектов РФ, то соответствующее федеральное законодательство дополняют региональные нормативно-правовые акты.

Законодательство о государственной аккредитации «распределяет» соответствующую административную компетенцию по разным сферам государственного управления и разным уровням административных полномочий. Это достаточно широкий круг субъектов управления, которые наделены полномочиями нормативного регулирования правил аккредитации в установленной сфере государственного управления. При этом следует принимать во внимание, что уполномоченный орган по

аккредитации осуществляет несколько взаимосвязанных административных производств: принятие решения по заявлению об аккредитации; переоформление, приостановление и аннулирование аккредитации; ведение реестра аккредитованных лиц; исполнение запросов об аккредитации; другие виды аккредитационных производств.

В национальной системе аккредитации ее правила и ее организация регулируются непосредственно Законом об аккредитации. В сфере образования наиболее общие вопросы проведения аккредитации образовательной деятельности регулирует ст. 92 Закона об образовании, в части аккредитации образовательной деятельности в ведении федеральных органов — уполномоченные федеральные органы исполнительной власти, а в части образовательной деятельности в ведении субъектов РФ — уполномоченные региональные органы управления.

В области обращения лекарственных средств требование государственной аккредитации медицинской организации на право проведения клинических исследований лекарственных препаратов для медицинского применения содержит ст. 38 Федерального закона «Об обращении лекарственных средств»¹, а правила проведения аккредитации регулирует Постановление Правительства РФ № 683². Таким же образом Федеральный закон «О физической культуре и спорте»³ устанавливает требование государственной аккредитации спортивной федерации субъекта РФ, однако полномочиями регулирования порядка аккредитации в области спорта обладает Министерство спорта РФ.⁴ Таким образом, в разных системах аккредитации существует разный уровень нормативности правил проведения аккредитации, разные формы проверки права на аккредитацию, разная периодичность аккредитации, разные задачи, выполняемые аккредитацией, и другие различия, что в целом не создает общие организационные основы для разных систем аккредитации.

Существенные различия между системами аккредитации невольно ставят вопрос — следует ли соотносить каждую из соответствующих функций (полномочий) государственных органов с понятием «аккредитация»? Очевидно, для ответа надо выбрать административные производства государственной аккредитации, которые содержат стандартные признаки аккредитации. В противном случае понятие «аккредитация» может иметь самое широкое применение в тех административных отношениях, где уполномоченный орган управления осуществляет проверку соответствия — это может быть обычная процедура административного контроля (надзора) либо стандартная проверка соответствия (достоверности) определенных документов. Так, в административном производстве предоставления лицензии есть обязательный этап по проверке соответствия соискателя лицензии установленным правилам и требованиям в установленной сфере деятельности, однако в этом случае понятие «аккредитация» не используется. Но одновременно можно заметить, что обе административные функции обладают определенным сходством:

¹ «Об обращении лекарственных средств» : федеральный закон РФ от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://rg.ru/2010/04/14/lekarstva-dok.html>

² «Об утверждении Правил аккредитации медицинских организаций на право проведения клинических исследований лекарственных препаратов для медицинского применения» : постановление Правительства РФ от 3 сентября 2010 г. № 683 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2010/12/25/akkreditaciya-site-dok.html>

³ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» : федеральный закон Российской Федерации от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2007/12/08/sport-doc.html>

⁴ «Об утверждении Порядка государственной аккредитации региональных спортивных федераций, осуществляемой органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации» : приказ Минспорттуризма РФ от 20 февраля 2009 г. № 49 (ред. от 23.06.2011) (зарегистрировано в Минюсте РФ 27.03.09 № 13608) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_118352/

- одинаково относятся к надзорным функциям органов исполнительной власти;
- обе процедуры предназначены для предоставления (подтверждения) права на определенные виды деятельности;
- в обоих случаях для соответствующих видов деятельности законодательство устанавливает обязательные требования, соблюдение которых является предметом государственного контроля уполномоченных государственных органов;
- обе функции имеют форму административного производства, которое возбуждается на основе поступившего заявления юридического лица, индивидуально-предпринимателя;
- оба производства содержат правила принятия индивидуального административного решения, в том числе о приостановлении и аннулировании ранее предоставленного права.

У административных институтов государственной аккредитации и лицензирования разные источники нормативно-правового регулирования. Но для некоторых видов деятельности федеральные законы устанавливают одновременно обязательность лицензирования и прохождения государственной аккредитации, например, в области образовательной деятельности, оказания медицинской помощи. Но точно таким же значением — подтверждением соответствия установленным стандартам — обладает понятие «сертификация». Поэтому в отношении производства государственной аккредитации имеют значения собственные признаки.

В действующем законодательстве РФ не вызывает сомнений национальная система аккредитации, которая создавалась на основе опыта аккредитации стран Западной Европы с использованием практики гармонизации законодательства РФ и Европейского союза в области аккредитации. Отечественная идея единой национальной системы аккредитации была отражена в Распоряжении Правительства РФ, которым утверждена «Концепция формирования единой национальной системы аккредитации в Российской Федерации».¹ Этот документ программного характера указывает на роль государственной аккредитации «как универсального инструмента обеспечения компетентности любых органов по подтверждению соответствия». Концепция подчеркивает, что ведомственные системы аккредитации многочисленны, непрозрачны, регулируются разнообразными, плохо согласующимися между собой нормативными актами, что делает невозможным не только их международное признание, но и классификацию. Однако в национальную систему государственной аккредитации еще в Концепции предлагалось объединить только три области отношений, в которых применяется государственная аккредитация:

- 1) аккредитация органов по сертификации и испытательных лабораторий (центров), выполняющих работы по подтверждению соответствия в соответствии с законодательством о техническом регулировании;
- 2) аккредитация граждан и организаций, привлекаемых органами государственного контроля (надзора) в качестве экспертов и экспертных организаций к проведению мероприятий по контролю при осуществлении указанными органами проверок юридических лиц и предпринимателей в соответствии с федеральным законом² «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»;

¹ «О Концепции формирования единой национальной системы аккредитации в Российской Федерации»: распоряжение Правительства РФ от 12 октября 2010 г. № 1760-р [Электронный ресурс] // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=LAW;frame=1;n=106053;req=doc>

² «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»: федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://dailynewslight.ru/?u=12012015190>

3) аккредитация экспертов и экспертных организаций, привлекаемых федеральными органами исполнительной власти на основании федеральных законов при осуществлении отдельных государственных полномочий.

Принятый в 2013 г. Закон об аккредитации стал итогом большой работы в сотрудничестве с членами Таможенного союза (Россия, Беларусь, Казахстан) по обеспечению функционирования национальных систем аккредитации и с Европейским сотрудничеством по аккредитации в части сокращения системных различий в законодательстве и создания условий для международного признания результатов оценки соответствия в национальной системе аккредитации РФ. В результате была сокращена часть ведомственных функций аккредитации, переданных Федеральной службе по аккредитации. Кроме того, в законодательстве РФ остались две легальные дефиниции, которые применяются по отношению к национальной системе аккредитации:

- 1) аккредитация — это официальное признание национальным органом по аккредитации компетентности физического или юридического лица в части выполнения работы в определенной области оценки соответствия, включая испытания, калибровки, экспертизы, сертификацию и контроль¹;
- 2) аккредитация — это подтверждение национальным органом по аккредитации соответствия юридического лица или индивидуального предпринимателя критериям аккредитации, являющееся официальным свидетельством компетентности юридического лица или индивидуального предпринимателя осуществлять деятельность в определенной области аккредитации.²

Можно заметить, что второе определение, предлагаемое федеральным законом, практически не содержит юридически значимых признаков деятельности по осуществлению аккредитации, его также можно применить к понятию «лицензирование». Одновременно за рамками работы по созданию национальной системы аккредитации остались меры по унификации других систем аккредитации, основанных на федеральных законах и без формального определения.

Подобным примером служит государственная аккредитация в области образовательной деятельности, для которой Закон об образовании не указывает предназначение свидетельства о прохождении аккредитации, не содержит дефиниции для аккредитации в сфере образования, не устанавливает связь этой системы аккредитации с задачами повышения качества образования в РФ, в том числе сближения требований, стандартов национальной системы образования и системы образования в странах Европейского союза. При этом сама система аккредитации образовательной деятельности, безусловно, реформировалась под европейские нормативы на основе обновленной в 2012 г. редакции Закона об образовании. Для этой области аккредитации в странах Западной Европы пока нет общего подхода: применяется и аккредитация профессиональным сообществом и аккредитация уполномоченного государственного органа; но одновременно для всего Европейского союза равно применяется независимая система оценки качества образования как самостоятельный приоритет и элемент системы аккредитации в сфере образования. Эти же правила предполагает и отечественная система аккредитации, по крайней мере, среди принципов правового регулирования в сфере образования закон указывает на «создание благоприятных условий для интеграции системы образования Российской Федерации с системами образования других государств

¹ Раздел 1 (введение) Концепции, утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 12 октября 2010 г. № 1760-р «О Концепции формирования единой национальной системы аккредитации в РФ» [Электронный ресурс] // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=LAW;frame=80;n=106053;req=doc>

² Пункт 1 ст. 4 Закона об аккредитации.

на равноправной и взаимовыгодной основе» (ст. 3). С учетом общей тенденции «европизации» можно сравнить правила аккредитации в сфере образования и правила аккредитации в национальной системе аккредитации для выделения их общих признаков. В упрощенном виде эти правила объединяются в этапы проведения аккредитации.

Установленные Законом об образовании правила аккредитации образовательной деятельности являются общими для федеральной и региональной исполнительной власти, Постановление Правительства РФ от 18 октября 2013 г.¹ в этой части уточняет уполномоченные органы аккредитации, а также общие требования и правила, указывая виды административного производства государственной аккредитации на федеральном и региональном уровнях управления, что связано с подведомственностью федеральных, региональных, муниципальных и частных образовательных учреждений. Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки наделена полномочиями аккредитации в отношении лицензируемых ею образовательных учреждений в соответствии со ст. 6 Федерального закона. Эти административные полномочия (функции) относятся к числу государственных услуг, и Административный регламент от 16 сентября 2014 г.² устанавливает последовательность предоставления государственной услуги и производства дел по аккредитации этой части образовательных учреждений:

- 1) предоставление в Федеральную службу по надзору в сфере образования и науки заявления о проведении аккредитации с приложением установленных документов, регистрация заявления;
- 2) рассмотрение заявления о проведении государственной аккредитации образовательной деятельности и прилагаемых документов;
- 3) принятие заявления о проведении государственной аккредитации образовательной деятельности и прилагаемых к нему документов к рассмотрению по существу;
- 4) проведение выездной аккредитационной экспертизы в составе группы незаинтересованных экспертов, подготовка отчетов членов экспертной группы, подготовка заключения экспертной группы по результатам аккредитационной экспертизы;
- 5) рассмотрение Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки заключения экспертной группы, составленного по результатам аккредитационной экспертизы, и принятие решения по существу государственной аккредитации в форме распорядительного акта руководителя Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки;
- 6) оформление свидетельства о государственной аккредитации, внесение сведений в государственную информационную систему «Реестр организаций, осуществляющих образовательную деятельность по имеющим государственную аккредитацию образовательным программам»;
- 7) вручение (направление) свидетельства о государственной аккредитации.

Заявитель имеет право подать жалобу на решение и (или) действие (бездействие) Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки, ее должностного лица; производство по рассмотрению жалобы также регулирует административный регламент предоставления государственной услуги. Срок действия свидетельства

¹ «О государственной аккредитации образовательной деятельности»: постановление Правительства РФ от 18 октября 2013 г. № 1039 [Электронный ресурс] // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154680/

² «Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки государственной услуги по государственной аккредитации образовательной деятельности»: приказ Министерства образования и науки РФ от 16 сентября 2014 г. № 1227 [Электронный ресурс]. URL: <http://minjust.ru/ru/press/news/doklad-ob-osushchestvlenii-ministerstvom-yusticii-rossiyskoy-federacii-gosudarstvennogo-6>

о государственной аккредитации образовательной деятельности — 6 лет для организации, осуществляющей образовательную деятельность по основным профессиональным образовательным программам, и 12 лет для организации, осуществляющей образовательную деятельность по основным общеобразовательным программам. За проведение государственной аккредитации заявитель уплачивает государственную пошлину.

Правила государственной аккредитации образовательной деятельности демонстрируют два важных, как представляется, обстоятельства: во-первых, эти правила имеют форму производства индивидуальных (конкретных) дел — это административные производства дел в отношении заявлений неопределенного круга лиц с обязательным принятием по существу заявления правоприменительного акта. При этом подзаконные акты нормативного регулирования обычно указывают на административно-процессуальный характер производства государственной аккредитации (наличие первичных материальных норм и принципов, определенность места, времени, состава участников, стадий, оснований для принятия решений и пр.).

Во-вторых, производство аккредитации образовательной деятельности имеет прямую связь с производством лицензионных дел в той же сфере деятельности: аннулирование аккредитации влечет приостановление или лишение лицензии, а лишение лицензии — аннулирование аккредитации. При этом можно выделить принципиальное отличие, свойственное только производству дел по государственной аккредитации — это самостоятельная предметная область административных отношений, в которых уполномоченный государственный орган удостоверяет официальным документом профессиональную компетентность субъектов рыночных отношений (юридических лиц, индивидуальных предпринимателей) в определенной сфере деятельности перед гражданами, обществом, государством и/или международным сообществом.

Установленные Законом об аккредитации правила аккредитации регулируют правила гл. 3 федерального закона. Административные подзаконные акты в этой области регулируют сопутствующие вопросы производства дел — формы документов, критерии аккредитации, отбор экспертов и прочие. Правила аккредитации являются общими для трех подсистем, объединенных этим федеральным законом (п. 1 ст. 1), соответствующие правила условно делятся по стадиям:

- 1) предоставление в национальный орган по аккредитации заявления о проведении аккредитации с приложением установленных документов, регистрация заявления;
- 2) рассмотрение заявления и прилагаемых документов, принятие заявления о проведении государственной аккредитации к рассмотрению по существу;
- 3) отбор технических экспертов и эксперта по аккредитации — руководителя экспертной группы, утверждение национальным органом по аккредитации состава экспертной группы, информирование заявителя о составе группы.
- 4) проведение документарной и/или выездной оценки соответствия в составе группы незаинтересованных экспертов, подготовка заключения/акта экспертной группы по результатам оценки соответствия;
- 5) проверка национальным органом по аккредитации экспертного заключения/акта на предмет его соответствия законодательству, принятие решения по существу государственной аккредитации в форме приказа национального органа по аккредитации;
- 6) оформление аттестата о государственной аккредитации, внесение сведений в государственный реестр аккредитованных лиц;
- 7) вручение (направление) заявителю копии приказа об аккредитации, аттестата о государственной аккредитации.

Неотъемлемой частью аттестата аккредитации является приложение, содержащее наименование области аккредитации. Аттестат аккредитации является бессрочным,

но аккредитованное лицо обязано проходить процедуру подтверждения компетентности в форме выездной оценки соответствия в сроки, установленные федеральным законом (ст. 24). Заявитель имеет право подать жалобу на решение и (или) действие национального органа по аккредитации (должностных лиц органа); жалобы рассматривает комиссия по апелляциям, созданная при национальном органе по аккредитации, а также судебные органы. Экспертизы по проверке соответствия в национальной системе аккредитации имеют платную основу.

Можно сказать, что два федеральных закона, устанавливающих систему аккредитации образовательной деятельности и национальную систему аккредитации, не имеют между собой связи, хотя разрабатывались примерно в одно время и на основе лучших европейских образцов. Тем не менее, две системы аккредитации практически совпадают в определении правил этой административной процедуры. В области образовательной деятельности и в области технического регулирования аккредитация является функцией уполномоченных органов исполнительной власти, которая имеет форму производства административных дел и принятия административного правового акта по заявлениям юридических лиц, индивидуальных предпринимателей в отношении свидетельства (аттестата) аккредитации, которым подтверждается профессиональная компетентность и право заявителя осуществлять деятельность, установленную федеральным законом, а также право на государственные гарантии своей деятельности.

В отечественных системах государственной аккредитации понятие «гарантия» не комментируется и федеральными законами не упоминается. Но по своему содержанию свидетельство (аттестат) аккредитации, заверенное государственным органом власти, является гарантией полного соответствия профессиональной деятельности требованиям закона. Точно так же открытая информация государственных информационных систем (реестров) об аккредитованных лицах, экспертах по аккредитации, экспертных организациях и прочее служит гарантией качественного и ответственного исполнения профессиональных обязанностей с их стороны; в Законе об аккредитации это называется информационным обеспечением в области аккредитации. Но федеральные законы могут устанавливать и другие формы государственных гарантий, например, наличие аккредитации в области обращения лекарственных средств у учреждения, осуществляющего клинические исследования лекарственных препаратов для медицинского применения, дает право на бюджетное финансирование соответствующих исследований¹.

Отмеченные обстоятельства позволяют указать некоторые признаки, характерные для организационно-распорядительной деятельности в форме государственной аккредитации:

- имеет полномочия (функции) государственных органов исполнительной власти, установленных в соответствии с требованиями (правилами) аккредитации соответствующих федеральных законов;
- связана с осуществлением административного надзора (контроля), а также лицензирования и государственной регистрации, но осуществляется в самостоятельном производстве административных дел по заявлению о государственной аккредитации юридических лиц, индивидуальных предпринимателей;
- основной целью государственной аккредитации является проверка соответствия деятельности юридического лица, индивидуального предпринимателя требованиям законодательства, а также право на подтверждение специальным свидетельством (аттестатом) профессионального и ответственного исполнения обязанностей;

¹ Статья 42 Федерального закона от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» [Электронный ресурс] // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=LAW;n=170232;req=doc>

- решение о государственной аккредитации (отказе, переоформлении, подтверждении, приостановлении, аннулировании) основывается на заключении независимой экспертизы представителями профессионального сообщества и оформляется административным правовым актом уполномоченного государственного органа (органа аккредитации);
- свидетельство (аттестат) государственной аккредитации юридического лица, индивидуального предпринимателя предоставляет государственные гарантии в области аккредитованной деятельности, право на государственную информационную, техническую, финансовую и иную поддержку этой деятельности в соответствии с законодательством.

Вряд ли будет справедливым суждение, что все системы аккредитации, установленные действующими федеральными законами, должны находиться в полном соответствии с перечисленными признаками. Здесь вопрос не в том, что есть разные системы аккредитации, но в том, что федеральные законы не всегда указывают назначение аккредитации и какие-либо требования к ней. Определенная часть таких полномочий государственных органов осуществляется без представителей профессионального сообщества и более соответствует понятию «государственная регистрация» (ведомственные разрешительные полномочия на основе внесения установленных данных о лице в государственную информационную систему).

Представляется важным, чтобы понятие «государственная аккредитация» имело вполне определенное значение, по крайней мере, в системе государственных органов. Не менее важным является распространение части принципов национальной системы аккредитации на все прочие системы аккредитации, т. е. применение единых правил унификации этих административных производств, а также дополнение ст. 2 Закона об аккредитации («Порядок и особенности аккредитации в отдельных сферах деятельности») исчерпывающим перечнем тех областей государственного управления, в которых применяется официальное подтверждение профессиональной компетентности и ответственности субъекта коммерческой и некоммерческой деятельности на основе административного правового акта уполномоченного государственного органа, и которые не регулируются названным федеральным законом.

Особенности вхождения постсоветских республик в систему международных отношений (на примере Грузии)

Васильева Наталия Алексеевна

Санкт-Петербургский государственный университет
Профессор кафедры мировой политики факультета международных отношений
Доктор философских наук
n52basil@gmail.com

Бахтуридзе Зейнаб Зелимхановна

Институт специальной педагогики и психологии (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры гуманитарных дисциплин
Кандидат политических наук
zeinabb1000@mail.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена анализу особенностей интеграции государств постсоветского пространства (на примере Грузии) в систему международных отношений на фоне происходящих трансформационных процессов. Показана особая роль ООН в становлении государственности новых субъектов политического взаимодействия, а также противоречия в трактовке основополагающих нормативных актов ООН. Сделана попытка осмысления современных тенденций внешнеполитической стратегии Грузии. Авторы пришли к выводу о том, что малым государствам необходимо стремиться к реалистичному пониманию своего места в региональном и в глобальном пространстве мировой политики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

трансформационные процессы, международные отношения, геополитика, национальные интересы, международные организации

Vasilyeva N. A., Bakhturidze Z. Z.

Characteristics of Entering Former Soviet Republics into the System of International Relations Referencing Georgia as an Example

Vasilyeva Natalya Alekseevna

Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Department of World Politics of the International Relations Faculty
Doctor of Science (Philosophy)
n52basil@gmail.com

Bakhturidze Zeinab Zelimkhanovna

Institute of Special Education and Special Psychology (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of Humanities
PhD in Political Sciences
zeinabb1000@mail.ru

ABSTRACT

The article analyzes the features of the integration of small post-Soviet countries like Georgia, as an example, into the system of international relations with other world transformation processes happening at the same time. It also shows the special role of the United Nations in the formation of a statehood of these new states as subjects of world political interaction, as well as inconsistencies in the interpretation of the basic UN regulations. Attempt is made to understand the modern trends of Georgia's foreign policy strategy. The authors concluded that small states should strive for a realistic understanding of their place in regional and global environment of world politics.

KEYWORDS

transformation processes, international relations, geopolitical and national interests, international organizations

В последние столетия политическая карта мира находится в постоянном процессе трансформации. Этот процесс усилился после образования Лиги наций после Первой мировой войны и особенно после Второй мировой войны и создания Организации Объединенных Наций, в Уставе которой нашел отражение тезис о праве наций на самоопределение и равенстве всех государств. Если в 1945 г. в состав ООН вошло 51 государство, то на данный момент (2015 г.) 193 страны являются членами этой универсальной организации. В результате трансформационных процессов мировой политической системы после Второй мировой войны «на мировую сцену в качестве равноправных акторов международных отношений выходят новые страны и регионы (США, СССР, Япония, Китай, африканские государства и т. д.), а также негосударственные акторы» [7, с. 31]. Фактически стали формироваться абсолютно новые сегменты пространства международных отношений:

- развивающихся государств (бывшие колонии);
- новых европейских государств (республики бывшей Югославии, разьединившаяся Чехословакия и объединившаяся Германия);
- непризнанных государств (в различных регионах мира);
- постсоветских государств (после развала СССР).

«После его распада фактически образовались 15 независимых государств, многие из которых, — отмечают Ю. В. Косов и В. Е. Фролов, — в силу своих геополитических особенностей не представляли особого интереса для основных участников международных отношений» [4, с. 102]. Однако постепенно ситуация стала меняться, что особенно проявилось в XXI в., когда евроатлантические структуры (ЕС и НАТО) постепенно стали втягивать в ареалы своего влияния многие малые государства постсоветского пространства (программы: «Большая Европа — соседи: новая основа отношений с восточными и южными соседями ЕС» и «Партнерство ради мира»).

Как справедливо замечает Н. Косолапов, в современных условиях «суть глобализационной реструктуризации международных отношений и мирового развития заключается в фактическом создании новой архитектуры пространств, которые будут определять жизнь и развитие мира в предстоящие десятилетия: глобальной как по территориальному охвату, так и по организации в рамках этой архитектуры всех ранее возникших и оформившихся основных пространств» [5, с. 10]. Столь многосложная «сегментированность» глобального пространства международных отношений ведет к ряду проблем, например, в понимании характера и путей развития мирового порядка (униполярность или многополярность, центр-периферия и пр.). Кроме того, если еще в недалеком прошлом на политической карте мира главенствовал сегмент крупных по площади и населению государств, то в настоящее время большинство государств может быть отнесено к малым по площади и населению суверенным образованиям. Как подчеркивает грузинский политолог А. Рондели, «в нашем политизированном мире, где пока что очень важно иметь экономическую и военную мощь, которые прежде всего определяют „вес“ и влияние того или иного государства в международных отношениях, малые государства занимают особое место, и интерес к ним быстро возрастает. Особенный интерес вызывают проблема жизнеспособности и „живучести“ малых стран, их функции в международной политической и экономической системах, а также процессы и особенности формирования государственности молодых независимых государств» [8]. Действительно, одна из очень сложных проблем для

новых членов международного сообщества — это вопрос приобретения реально-го международного признания, что особенно сложно для малых государств, впервые выходящих на мировую политическую арену.

2 марта 1992 г. по решению Генеральной Ассамблеи Армения, Азербайджан, Молдова, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан были приняты в члены ООН, а их флаги были подняты перед нью-йоркской штаб-квартирой. Грузия стала членом ООН в июле 1992 г. В 2012 г. бывшие советские республики отметили торжественным приемом в Нью-Йорке 20-летие своего вступления в ООН, что невольно заставляет задуматься о внешнеполитических результатах этих десятилетий. Прежде всего, нужно отметить, что для этих государств ООН стала важной площадкой, на которой они могли осуществлять свою дипломатическую деятельность. Демократизм уставных принципов ООН создает уникальную возможность для малых государств наравне с ведущими государствами мира обсуждать и принимать решения по важнейшим проблемам современности. Так, определенная разочарованность США в деятельности ООН объясняется и тем, что зачастую большинство стран — членов не поддерживают их позицию (например, о ведении военной операции в Ираке в 2003 г.), а ведь большинство и составляют малые государства. Важно понять, что усиление роли малых государств в мировой политике связано с укреплением позиций международных организаций, где формируются условия для недискриминационного характера взаимодействий всех участников в рамках международного права. Кроме того, большое влияние на повышение значимости малых стран оказывают «географические, политические, этнические и экономические условия и факторы, и заинтересованность сильных стран в существовании малых государств. Малые страны помогают сохранять баланс сил на глобальном и региональном уровнях, а их существование определяется функциональной необходимостью» [Там же].

Сложно не согласиться с выводом А. Рондели о том, что «национальные интересы и, следовательно, приоритеты внешней политики малой страны имеют региональное, а не глобальное измерение. В некоторых случаях региональные рамки расширяются, и это изменение связано с положением малого государства в зоне пересечения интересов супердержав, на границах цивилизаций, в „магнитном поле“ или узлах глобальных политических и экономических проблем. Особые параметры приобретают политические и экономические возможности и действия тех малых стран, которые соседствуют с сильным, большим государством» [Там же].

В связи с этим весьма показательна история вхождения Грузии в систему международных отношений, так как именно это малое государство оказалось в центре геополитических интересов крупных игроков мировой политики — России, США и ЕС.

Если обратиться к истории взаимодействия Грузии с международными организациями, то следует отметить ее активное сближение с Западом. Так, в период руководства страной Эдуарда Шеварднадзе Грузия становится ассоциированным членом Североатлантического союза. В 1992 г. Государственный совет Грузии обратился к Генеральному секретарю НАТО с посланием, в котором говорилось о трагических событиях в Абхазии, с просьбой обратить особое внимание на создавшееся там положение. В том же году Грузия присоединилась к Договору об обычных вооруженных силах в Европе. В марте 1993 г. в штаб-квартире НАТО в Брюсселе парламентская делегация Грузии провела переговоры с руководством Североатлантического альянса. Затем туда прибыла делегация Министерства обороны Грузии, которая приняла участие в совещании министров обороны Совета североатлантического сотрудничества. Все эти дипломатические усилия грузинского руководства были направлены на то, чтобы получить международную поддержку своих действий в конфликте с Абхазией. Эдуард Шеварднадзе провел целую серию переговоров не только с правительством Бельгии, но и с руководством НАТО. В ходе всех этих визитов грузинский лидер, имевший большой международный авторитет (ряд лет он возглавлял МИД

СССР при М. С. Горбачеве) стремился продемонстрировать руководству альянса и европейской общественности, что Грузия борется за суверенитет и целостность своей территории. Вследствие этих инициатив и целенаправленной работы посольства Грузии в Евросоюзе и в Бельгии проблемы грузино-абхазского конфликта систематически обсуждались в структурах НАТО и ЕС. В итоге 20 сентября 1993 г. в штаб-квартире альянса был опубликован документ, осуждавший нарушение Соглашения о прекращении огня. Виновной стороной были признаны абхазские сепаратисты.

Осенью 1993 г. поражение правительственных войск в Абхазии и эскалация гражданской войны заставили руководство Грузии скорректировать внешнеполитический курс. Говоря о событиях того периода, Э. Шеварднадзе отмечал: «Утратив надежды на проведение ООН операции по поддержанию мира в Абхазии, руководство Грузии обратилось с аналогичной просьбой к главам государств — участников СНГ. Решение было принято и в зоне конфликта были размещены миротворческие силы СНГ»¹.

Таким образом, возникла ситуация, когда уже не Запад, а Россия оказалась в роли миротворца, что значительно укрепляло ее позиции в кавказском регионе. Начался двухлетний этап военно-политического сближения с Россией, отнюдь не исключающий многовекторность в политике официального Тбилиси. Руководствуясь прагматическими соображениями, грузинская дипломатия стремилась установить полезные контакты на всех возможных направлениях, не отказываясь от западного вектора внешней политики.

Важно подчеркнуть, что Грузия, будучи малой страной, оказалась важной территорией в геополитической борьбе, развернувшейся между Россией и Западом, по проблеме маршрутов транспортировки энергетических ресурсов из каспийских месторождений. Строительство и использование трубопроводов, проходящих через грузинскую территорию, сулило Грузии экономическую стабильность и поддержку Запада, так как своим транзитным потенциалом при реализации проекта Евроазиатского торгово-транспортного коридора в обход Ирана и России она ухудшала геоэкономические позиции этих контрагентов США и ЕС. Таким образом, геополитическое положение Грузии оказало существенное влияние на ее вхождение в систему международных отношений. Благодаря возможности проведения через грузинскую территорию наиболее выгодных путей для транспортировки нефти и газа из стран Средней Азии и Каспийского региона в Европу, Грузия стала важным международным фактором в борьбе России и США за влияние в кавказском регионе. В связи с этим внешнеполитические действия, казалось, такой мало значимой в мировой политике страны стали влиять на ситуацию как на Кавказе, так и на постсоветском пространстве в целом. Показательно в этом плане высказывание американского эксперта А. Козна о том, что «контролируя граничащий с Турцией стратегический район Черноморского побережья и закрывая с запада выход Армении к морю, Грузия как бы держит в своих руках ключ от ворот на Кавказ, являясь плацдармом для выхода западных стран к Каспию и Шелковому пути» [6].

Все указанные обстоятельства способствовали тому, что Грузия становилась объектом повышенного интереса со стороны западных держав:

- Соединенные Штаты проявляли интерес, связанный, прежде всего, с каспийской нефтью, и здесь их экономические и политические интересы пересекались с интересами Российской Федерации;
- европейские страны были также заинтересованы в энергоресурсах региона, но вместе с тем надеялись использовать Грузию в качестве связующего звена

¹ Из выступления Президента Грузии Эдуарда Шеварднадзе на заседании Совета Безопасности ООН [Электронный ресурс]. URL: <http://www.apsny.ge/notes/1128652210.php> (дата обращения: 16.03.2015).

между Европой и Азией в обход России. Поэтому Европейский союз поддерживал Грузию в ее политике ухода от российского влияния и предлагал ей в качестве альтернативы социальную и экономическую помощь, военно-техническое сотрудничество, а в итоге — интеграцию в общий европейский дом.

Бесспорно, что интеграционные процессы являются одной из важнейших тенденций современных международных отношений. Однако на европейском пространстве в 90-ые гг. перед Грузией возникла дилемма — направить свои усилия в сторону интеграции с Россией или в сторону ЕС. В итоге определяющим стал европейский вектор, что во многом было обусловлено позицией России в грузино-абхазском конфликте. Причины выбора прозападного курса внешней политики Тбилиси лежат и в плоскости решения экономической проблемы, проблемы сохранения территориальной целостности и проблемы безопасности. Грузия возлагала большие надежды на западные страны, не получив ожидаемой поддержки со стороны России. В связи с этим весьма показательным участие Грузии в новой модели регионального сотрудничества — ГУАМ. Политико-консультативный форум этой региональной организации, в состав которой изначально вошли Грузия, Украина, Азербайджан, Молдова, образовался 10 октября 1997 г. в Страсбурге на встрече президентов этих стран в рамках саммита Совета Европы. В принятой тогда Страсбургской декларации отмечалось совпадение их позиций по ключевым международным проблемам, а также необходимость политического сближения и экономического сотрудничества между странами этой группы. 24 апреля 1999 г. к этой группе присоединился Узбекистан, однако позднее он вышел из этой структуры. Расширенное таким образом объединение государств получило название ГУУАМ. Формирование ГУУАМ было связано, прежде всего, с поисками более эффективных и взаимовыгодных схем регионального сотрудничества на постсоветском пространстве. Обоснованно звучит высказывание российского эксперта И. Болговой о том, что «всплески региональных интеграционных инициатив подчеркивают стремление постсоветских государств встраиваться в глобальную экономическую систему. В целом, можно говорить о завершении процесса формирования более или менее устойчивой системы внешнеполитических связей стран СНГ. В первую очередь она характеризуется размыванием „постсоветского“ видения границ субрегионов и растущей тенденцией роста взаимовлияния между государствами, находящимися в непосредственной политико-географической близости» [1].

Главные направления сотрудничества в границах ГУУАМ были обозначены следующими позициями:

- формирование системы политических консультаций и координации усилий в решении общих проблем безопасности;
- политическое взаимодействие в международных организациях — ООН, ОБСЕ, НАТО;
- развитие Евроазиатского транспортного коридора, сотрудничество в сфере добычи и транспортировки нефти в европейские страны;
- развитие многостороннего сотрудничества в области безопасности, урегулирование конфликтов и борьба с сепаратизмом;
- военное и военно-техническое сотрудничество, включая создание многонационального миротворческого батальона, содействие в урегулировании межэтнических конфликтов.

Анализируя причины создания данного международного объединения постсоветских стран, нельзя не согласиться с высказыванием З. Гулиева о том, что «выгодное географическое расположение этих стран, обрамляющих Россию с запада и юга, изначально способствовало росту геостратегической значимости организации и облегчало реализацию задачи создания единого транспортно-энергетического коридора от Каспия до Балтики. Для полной реализации этой стратегической

оси не доставало участия Беларуси, и с этой точки зрения ГУАМ и Запад не раз прилагали усилия по вовлечению в организацию этой страны. Но, как показало развитие событий, ГУАМ во многом не оправдал эти целевые ожидания»¹.

Говоря об особенностях вхождения постсоветских государств в систему международных отношений, важно подчеркнуть значимость информационного влияния западных стран на формирование общественного мнения в этих республиках, что в основном вело к негативному восприятию России. Так, используя «мягкую силу» США участвовали в формировании общественного мнения в грузинском обществе, демонстрируя и подчеркивая негативную роль Российской Федерации во внутриполитических процессах Грузии. Например, в № 57 газеты «Сакартвелос Республика» от 11 марта 1998 г. была перепечатана статья А. Козна из «Washington Post», в которой говорилось о заинтересованности России дестабилизировать обстановку в Грузии. Причиной этому объявлялось желание Москвы сохранить контроль над стратегическими коммуникациями на постсоветской территории Южного Кавказа. Бесспорно, что российское влияние в кавказском регионе в 90-е гг. было значительно ослаблено в связи с противоречивым и сложным процессом становления собственной внешнеполитической линии России в мировой политике.

Фактически в конце 90-х гг. в руководстве и у большей части политической элиты Грузии сложилось мнение, что республика раз и навсегда возьмет курс на Запад. В этот период в грузинской прессе стала проводиться одна главная идея — пора заканчивать политику балансирования между Россией и Западом, необходимо выработать новую внешнеполитическую стратегию. Как результат, на саммите СНГ (апрель 1999 г.) Грузия вышла из Договора о коллективной безопасности стран Содружества. Политическая элита Грузии с энтузиазмом восприняла вступление республики в Совет Европы в апреле 1999 г. В том же году после ратификации в парламенте Грузии, европейском парламенте и во всех национальных парламентах государств — членов Союза, вступило в силу соглашение о сотрудничестве с ЕС.

7 марта 2013 г. парламент Грузии принял резолюцию, определяющую основные направления внешней политики страны, обозначив, среди прочих, следующие пункты:

«11. Грузия ведет диалог с Россией как с использованием проходящих в Женеве международных механизмов, так и в двустороннем формате. Целью этого диалога является урегулирование конфликта, формирование добрососедских отношений и развитие.

18. Грузия не может иметь дипломатические отношения с теми государствами, которые признают независимость Абхазии и Цхинвальского региона/Южной Осетии. Грузия будет проводить последовательную политику для обеспечения неизбаломости международного уважения своей территориальной целостности и суверенитета.

19. Исходя из интереса укрепления национальной и региональной безопасности, а также развития мирного процесса и необратимости „политики непризнания“, Грузия должна в значительной степени углубить многосторонние дипломатические отношения в форматах сотрудничества с ООН, ОБСЕ, Советом Европы, Еврокомиссией, ГУАМ, ОЧЭС»².

Ряд положений данной резолюции свидетельствует о том, что внутривполитический конфликт, переросший в фактическое отделение от Грузии Абхазии и Южной Осетии, определил современные позиции Грузии в международных отношениях. Очевидно, что военный путь решения конфликта бесперспективен, однако практически отсутствуют какие-либо намерения идти по пути налаживания переговорно-

¹ Гулиев З. От аббревиатуры ГУАМ может остаться только «Г» / З. Гулиев [Электронный ресурс] // URL: http://www.newsab.ru/politics/id_288297/ (дата обращения: 20.03.2015).

² Основные направления внешней политики Грузии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.apsny.ge/2013/pol/1362718907.php> (дата обращения: 17.12.2014).

го процесса, например, в формате многостороннего участия ряда влиятельных стран и международных организаций.

К сожалению, Грузия во многом выступает не как субъект международных отношений, а как объект геополитической борьбы России и Запада за влияние на постсоветском пространстве. В определенном смысле, политическим постулатом является утверждение, что малые государства всегда находятся под геополитическим воздействием региональных лидеров. Практически вся их политика определяется тем, чью сторону они займут в спорах государств данного уровня. Как пишет Н. А. Комлева, «роль разменной монеты приносит малым государствам определенную выгоду: финансовые вливания, строительство промышленных объектов на их территории и обучение национальных кадров при помощи великих держав» [3]. На примере Грузии это очень заметно, так как США и ЕС активно помогают Грузии, а Россия всячески поддерживает практически никем непризнанные Абхазию и Южную Осетию. При этом важно подчеркнуть, что в данном споре России и Запада относительно грузинской государственности обе стороны обращаются к международному праву. Так, в Уставе ООН прописаны два во многом взаимоисключающих положения: право наций на самоопределение и нерушимость суверенитета государств.

Признание Россией независимости Южной Осетии и Абхазии вновь продемонстрировало широкий спектр возможностей интерпретации нормативных положений ООН. Несмотря на то, что при вхождении Грузии в состав ООН Абхазия и Южная Осетия официально входили в ее состав, президент Российской Федерации издает Указ о признании их независимости, апеллируя к Уставу ООН, Декларации 1970 г., Хельсинскому заключительному акту СБСЕ 1975 г. и другими основополагающими международными документам. Более того, деятельность миссий ОБСЕ и ООН в Закавказье не позволила (как и во многих других ситуациях) найти компромиссное, устраивающее все стороны мирное решение затянувшейся более чем на полтора десятилетия конфликтной ситуации [2, с. 112].

В 2013 г. Грузия пыталась внести в повестку дня Генеральной Ассамблеи ООН обсуждение резолюции о затянувшихся конфликтах на территории стран — членов ГУАМ. Политическая цель состояла в том, чтобы максимально «интернационализировать» проблему территориальной целостности Грузии, апеллируя к принципу главенства идеи государственного суверенитета над идеей национального самоопределения.

Пытаясь осмыслить процессы стремления к независимости и национальному самоопределению, мы вновь обращаемся к феномену нации. Сегодня «глупо спорить и смешно бороться с тем, что <...> именно „нация“ — мета всего того конкретного, что противостоит реющему в виртуальных высях глобализму. Борьба происходит на другом уровне — на уровне трактовки самой „нации“»¹. Существует как минимум два подхода к пониманию нации. Если обобщить, согласно одному из них, то нация — этническая общность с единым языком и самосознанием. Согласно другому подходу, нация — политическая общность граждан определенного государства. Хочется обратить внимание на то, что в терминологии международного права нация является синонимом государства. Однако в современном мире наблюдается явная тенденция к пересмотру данной трактовки государства. Более того, стремление ряда регионов отдельных европейских стран стать самостоятельными государствами (Каталония, Шотландия и пр.) свидетельствует о том, что крайне сложно найти компромиссное решение в споре двух подходов — право наций на самоопределение и право государственного суверенитета.

¹ Гачев Г. глобальное и национальное: чья возьмет? [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2000/9/konf-pr.html> (дата обращения 15.02.2015).

Возвращаясь к проблеме малых стран, в данном случае Грузии, и ее особенностях вхождения в систему международных отношений, представляется важным привести мнение грузинского профессора Александра Рондели: «Действия слабых стран не оцениваются теми же критериями, что и действия сильных. Эти последние действуют независимо, не полагаясь на других, а малые, слабые страны, как известно, могут рассчитывать лишь на поддержку более сильных стран и обеспечивать свою безопасность, занимая „силу“ у других. Учитывая это, у малых квази-государств, соседей России, расположенных в сфере ее влияния, ответственности и интересов, нет возможности выбрать путь неприсоединения, нейтралитета. Следовательно, Грузия в силу своей слабости, проистекающей из внутренних и внешних условий и факторов, практически должна рассчитывать на союз с Россией, который должен принести ей гарантии суверенитета, территориальной целостности, безопасности и экономические выгоды» [8].

Таким образом, опыт участия постсоветских республик в системе международных отношений на примере Грузии свидетельствует о том, что малым государствам необходимо больше сил прикладывать к использованию всевозможных дипломатических форм для мирного разрешения внутривнутриполитических конфликтов, а также стремиться к сбалансированному реалистичному пониманию своего места как в региональном постсоветском пространстве, так и в глобальном пространстве мировой политики. В частности для Грузии, на наш взгляд, был бы интересен опыт организации дипломатического переговорного процесса по корейской проблеме с привлечением ведущих мировых держав. В этом контексте Грузия изменит свое положение с позиций «боевого поля» на статус полноправного участника мирного переговорного процесса, результатом чего может стать стабилизация ситуации на Южном Кавказе и развитие интеграционных процессов.

Литература

1. Болгова И. В. Параметры политической стабильности в поясе СНГ [Электронный ресурс] // Международные процессы. Т. 8. № 3(24). Сентябрь-декабрь 2010. URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-four/009.htm> (дата обращения: 20.03.2015).
2. Загладин Н. В. Конфликт вокруг Грузии в глобальном контексте // Дестабилизация мирового порядка и политические риски развития России. М. : ИМЭМО РАН, 2010. 138 с.
3. Комлева Н. А. Лимитроф как геополитическая технология / Н. А. Комлева [Электронный ресурс] // Известия уральского государственного университета. № 3(78). 2010. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/19245/1/iurp-2010-78-04.pdf> (дата обращения: 21.03.2015).
4. Косов Ю. В., Фролов В. Е. Интеграционные процессы Евразийского региона: анализ основных этапов // Управленческое консультирование, 2013. № 10. С. 102.
5. Косолапов Н. А. Глобализация: территориально-пространственный аспект // МЭМО. 2005. № 6. С. 3–13.
6. Коэн А. США, страны Центральной Азии и Кавказа: проблемы и перспективы взаимоотношений [Электронный ресурс] // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 2. URL: <http://www.ca-s.org/journal/cas-08-2000/05.kohen.shtml> (дата обращения: 12.03.2015).
7. Лагутина М. Л. Мировая политика как инструмент управления новой системой международных отношений // Вестник международных организаций. 2011. № 1(32). С. 29–40.
8. Рондели А. Грузия в постсоветском пространстве [Электронный ресурс] // URL: <http://poli.vub.ac.be/publi/crs/caucasus/rondeli.htm> (дата обращения: 21.03.2015).

References

1. Bolgova I. V. *Parameters of political stability in a CIS belt* [Parametry politicheskoi stabil'nosti v poyase SNG] [Electronic resource] // International processes [Mezhdunarodnye protsessy]. V. 8. N 3(24). September-December, 2010. URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-four/009.htm> (date of the address: 20.03.2015).

2. Zagladin N. V. *The conflict round Georgia in a global context* [Konflikt vokrug Gruzii v global'nom kontekste] // Destabilization of a world order and political risks of development of Russia [Destabilizatsiya mirovogo poryadka i politicheskie riski razvitiya Rossii]. М. : IMEMO RAS [IMEMO RAN], 2010. 138 p.
3. Komleva N. A. *Limitrophe as geopolitical technology* [Limitrof kak geopoliticheskaya tekhnologiya] [Electronic resource] // News of the Ural state university [Izvestiya ural'skogo gosudarstvennogo universiteta]. N 3(78). 2010. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/19245/1/iurp-2010-78-04.pdf> (date of the address: 21.03.2015).
4. Kosov Yu. V., Frolov V. E. *Integration processes of the Euroasian region: analysis of the main stages* [Integratsionnye protsessy Evraziiskogo regiona: analiz osnovnykh etapov] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2013. N 10. P. 102.
5. Kosolapov N. A. *Globalization: territorial and spatial aspect* [Globalizatsiya: territorial'no-prostranstvennyi aspect] // IEandIR [MEiMO]. 2005. N 6. P. 3–13.
6. Cohen A. *USA, countries of Central Asia and Caucasus: problems and prospects of relationship* [SShA, strany Tsentral'noi Azii i Kavkaza: problemy i perspektivy vzaimootnoshenii] [Electronic resource] // Central Asia and Caucasus. 2000. N 2. URL: <http://www.ca-c.org/journal/cac-08-2000/05.kohen.shtml> (date of the address: 12.03.2015).
7. Lagutina M. L. *World politics as instrument of management of new system of the international relations* [Mirovaya politika kak instrument upravleniya novoi sistemoi mezhdunarodnykh otnoshenii] // Bulletin of the International Organizations [Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii]. 2011. N 1(32). P. 29–40.
8. Rondeli A. *Georgia in the former Soviet Union* [Gruziya v postsovetskom prostranstve] [Electronic resource] // URL: <http://poli.vub.ac.be/publi/crs/caucasus/rondeli.htm> (date of the address: 21.03.2015).

Меркулов П. А., Смирнова Ю. М.

Конституционно-правовая природа правотворческой деятельности органов местного самоуправления

Меркулов Павел Александрович

Орловский филиал РАНХиГС
Директор
Кандидат философских наук
director@orel.ranepa.ru

Смирнова Юлия Михайловна

Орловский филиал РАНХиГС
Доцент кафедры «Конституционное и муниципальное право»
Кандидат юридических наук
July15@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассмотрена сущность правотворческой деятельности органов местного самоуправления, раскрыты ее основные принципы. Осуществление такой деятельности на основе рассмотренных принципов способствует обеспечению легитимности их решений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

органы местного самоуправления, принципы правотворческой деятельности, публичная власть, муниципальная власть, правотворческая компетенция, муниципальные образования

Merkulov P. A., Smirnova Yu. M.

Constitutional and Legal Nature of Law-making Activity of Local Governments

Merkulov Pavel Aleksandrovich

Oryol branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Oryol, Russian Federation)
Director
PhD in Philosophy
director@orel.ranepa.ru

Smirnova Yulia Mikhailovna

Oryol branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Oryol, Russian Federation)
Associate Professor of the Chair "Constitutional and Municipal Law"
PhD in History
July15@yandex.ru

ABSTRACT

In the article the essence of law-making activity of local governments is considered, its basic principles are opened. Implementation of law-making activity of local governments on the basis of the considered principles promotes ensuring legitimacy of their decisions.

KEYWORDS

local governments, principles of law-making activity, public power, municipal authority, law-making competence, municipalities

Конституция Российской Федерации установила принципиально новые правовые условия функционирования местного самоуправления, согласно которым органы муниципальных образований (далее — МО) не входят в систему государственной власти и самостоятельны в пределах своих полномочий. Конституционное призна-

ние и гарантирование местного самоуправления, автономно и независимо обеспечивающего решение вопросов местного значения, потребовало уточнения в конституционно-правовой науке имеющихся взглядов и представлений о юридической природе муниципальной деятельности.

Одним из наиболее важных показателей подлинной самостоятельности местного самоуправления по решению вопросов муниципального значения является их правотворческая деятельность. Если функционирование МО регламентируется исключительно нормами федеральных законов и законодательных актов субъектов Федерации, во многом утрачивается конституционно-правовой смысл автономии и независимости муниципалитетов как самостоятельных субъектов публично-правовых отношений. МО должны обладать достаточной правотворческой компетенцией, чтобы вопросы местного значения находили свою реализацию вне ограничений и вмешательства со стороны государственной власти. С другой стороны, самостоятельность органов местного самоуправления, в том числе — по решению вопросов местного значения, не является абсолютной. В ряде случаев требуется регулятивное воздействие федеральных и региональных нормативных правовых актов. В связи с этим возникает проблема поиска и обеспечения надлежащего баланса между конкурирующими принципами самостоятельности местного самоуправления и допустимости правового регулирования местного самоуправления в федеральном законодательстве и нормативных правовых актах субъектов РФ.

В рамках поиска оптимального правового решения по вопросу реализации полномочий органов местного самоуправления в сфере правотворчества необходимо выяснить и проанализировать правовую природу принципов правотворческой деятельности органов местного самоуправления [7]. Изучив существующий массив принципов правотворческой деятельности, предлагаем рассмотреть наиболее значимые из них для органов местного самоуправления. Так как местное самоуправление является одной из основ конституционного строя Российской Федерации, то и принципы реализации правотворческой деятельности органов местного самоуправления, по нашему мнению, должны исходить из конституционных положений.

Так, на уровне местного самоуправления к числу специальных принципов правотворчества следует отнести, прежде всего, сформулированный Н. С. Бондарем принцип сочетания государственно-властных и публично-корпоративных начал [2]. Для Российской Федерации характерно, что публичная власть реализуется как минимум на двух уровнях — государственном и местном, что вытекает из самой природы публичной власти. Вместе с тем государственная власть проникает и на уровень публичной власти, осуществляемой муниципальными органами, что не подменяет и не исключает самостоятельность местного самоуправления. Несомненным является тот факт, что в отношении МО усиление роли государства должно осуществляться в направлении координации всех процессов федеративного строительства, которые, в свою очередь, оказывают существенное влияние на развитие МО, а не в направлении участия государства в решении вопросов местного значения.

Впервые к проблеме изучения принципов муниципального правотворчества обратился Н. С. Бондарь, определивший следующие принципы:

- комплексности, выделение которого обусловлено комплексной природой муниципального права;
- полноты нормотворческих полномочий по вопросам местного значения;
- законности, верховенства Конституции РФ;
- сочетания государственно-властных и публично-корпоративных начал в муниципальном нормотворчестве [Там же].

В свою очередь, М. Н. Марченко уточняет и дополняет указанный выше перечень принципов. Так, например, принцип законности дополнен конституционностью, что

обусловлено существованием института конституционного контроля и конституционной юстиции в нашем государстве. Кроме того, им названы принципы профессионализма, гуманизма и постоянного технического совершенствования принимаемых актов [8].

Как утверждает Э. Г. Лютиков, среди принципов муниципального правотворчества следует особо выделить принципы объективной обоснованности, смысловой однозначности, модальной сбалансированности [6].

В основу муниципального правотворчества, по мнению А. Н. Кокотова и А. С. Саломаткина, должны быть положены следующие принципы: гласности; демократии; эффективности; использования при подготовке проектов муниципальных актов рациональных правил применительно к конкретным МО; закрепления в регламентах органов местного самоуправления наиболее важных правил подготовки проектов правовых актов; квалифицированного обеспечения правотворческой деятельности (научная экспертиза проектов, аналитическое обеспечение правотворческой работы) [5].

В Законе Орловской области «О правотворчестве и нормативных правовых актах Орловской области» законодатель зафиксировал следующие принципы правотворческой деятельности: законности; отражения в правовых актах интересов населения; демократизма и гласности в процессе разработки и принятия правовых актов; единства, полноты и непротиворечивости системы правовых актов; планомерности и оперативности правотворчества; соблюдения правил юридической техники; обязательности создания механизмов реализации нормативных правовых актов; открытости и доступности информации о принятых правовых актах¹.

Важно отметить, что именно приближенность местного самоуправления к своему источнику власти, т. е. к народу, является главной специфической чертой этого уровня публичной власти, что обусловлено тем, что воля народа определяет особенности и характер функционирования всей системы публичной власти. Издавая нормативные акты, органы государственной власти тем самым легализуют отношения в обществе, запрещая или допуская их. При этом в легализации нуждается и сама публичная власть. Что касается муниципальной власти, то она может быть легализована только в случае муниципальных выборов или референдума, на котором принимаются наиболее важные для данного МО решения. Принятые решения будут носить легитимный характер только в случае правомерной правотворческой деятельности органов местного самоуправления, в рамках реализации функций местного самоуправления или отдельных государственных полномочий, а также издания соответствующего муниципального правового акта.

Данный принцип обусловлен самой сущностью муниципальной власти, которая реализует функции не только государства, но и местных представительных органов. Местные органы самоуправления, принимая нормативные правовые акты, действуют в пределах собственной компетенции и осуществляют полномочия, переданные им непосредственно народом. Данное право населения муниципальных образований в Российской Федерации устанавливается ее Конституцией (ст. 3, 12, 130–133). Сущность рассматриваемого явления определяется природой муниципальной власти, формой реализации которой она выступает [11].

Основная особенность природы муниципальной власти состоит в ее двойственности — в сочетании государственного и общественного. В силу этого муниципальная власть решает дела самостоятельно, но в русле государственной политики. Таким образом, нам видится, что принцип сочетания государственно-властных и пу-

¹ О правотворчестве и нормативных правовых актах Орловской области : Закон Орловской области от 15 апреля 2003 г. № 319-ОЗ // Орловская правда. 2003, 18 апреля; 2011, 10 августа.

блично-корпоративных начал является основополагающей идеей, исходным положением, которое объективно обусловлено характером существующих отношений.

Д. В. Попов говорит о необходимости установления связи правотворческой деятельности органов местного самоуправления с правоприменительной практикой. Изучение применения этой практики МО дает возможность уполномоченным субъектам выявить недостатки и просчеты правотворческой деятельности органов местного самоуправления, что позволит не только выявить общественные отношения, неурегулированные нормами права, но и оценить эффективность принятых на местах нормативных правовых актов. Такой своевременный анализ правоприменительной практики будет в целом способствовать совершенствованию правотворческой деятельности органов местного самоуправления и повышению качества муниципальных нормативных правовых актов [9]. В рамках воплощения данной связи на практике следует иметь в виду и взаимодействие органов местного самоуправления с государственными органами, например, с органами прокуратуры. В процессе мониторинга состояния законности осуществляется совместный анализ и оценка планов, результатов законопроектной деятельности (правотворческий процесс); качества принятых тем или иным правотворческим органом нормативных правовых актов в соответствии с предоставленной данному органу компетенцией, а также эффективности их практического действия, реализации (правоприменительный процесс) [4; 10].

Поэтому считаем необходимым выделить такой принцип, как связь правотворческой деятельности органов местного самоуправления с правоприменительной практикой.

По нашему мнению, рассмотренный перечень принципов правотворческой деятельности органов местного самоуправления требует дополнений, основанных на нормах как Конституции, так и Федерального закона № 131-ФЗ¹ (далее — ФЗ № 131). Во-первых, путем рассмотрения основных принципов местного самоуправления, прежде всего самостоятельности, во-вторых, посредством определения полномочий, принадлежащих органам местного самоуправления в сфере организации и функционирования, можно выделить:

- соразмерность муниципальных полномочий с материально-финансовыми ресурсами. Для решения вопросов местного значения органам местного самоуправления должно хватать собственных средств, в противном случае указанным органам приходится прибегать к использованию специально предоставляемых им государственных средств (дотаций) для покрытия всех своих расходов. Такая финансовая зависимость от государства значительно ограничивает политическую самостоятельность органов местного самоуправления. Как отметил Н. Н. Литягин, «местное самоуправление — это не только право, но и реальная возможность муниципалитетов решать вопросы местного значения» [цит. по: 3]. Эффективность нормативно-правовых актов органов местного самоуправления связывают, прежде всего, с экономическими (в частности финансовыми) ресурсами, которые имеются в распоряжении органов местного самоуправления;
- ответственность органов местного самоуправления и их должностных лиц. В ФЗ № 131 ответственности органов и должностных лиц посвящена 10 глава. Законодатель выделяет ответственность органов и должностных лиц перед населением, государством, физическими и юридическими лицами. Реализация полномочий органами и должностными лицами местного самоуправления связана с ответственным поведением. Принцип виновности деяния является составной частью принципа ответственности, поскольку наполняет карательную функцию справедливостью и соразмерностью, так как потенциал кара-

¹ Федеральный закон Российской Федерации от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

тельного воздействия зависит как от степени, так и от характера вины. Данный принцип предполагает наступление юридической ответственности только для виновных лиц. Это требование, которое касается применения ответственности в отношении лиц, совершивших виновное деяние, не только обращено к правоприменителю, но и влияет на деятельность законодателя. Это выражается в том, что в предусматривающих юридическую ответственность правовых нормах должны закрепляться составы правонарушений, где обязательным признаком выступает вина [1]. Однако в ФЗ № 131 не во всех нормах, предусматривающих юридическую ответственность, обозначены составы правонарушений. В частности, это касается ответственности перед населением (ст. 71) и ответственности перед физическими и юридическими лицами (ст. 76).

Эффективная реализация правотворческой деятельности органов местного самоуправления связана с нормативным закреплением вышеперечисленных принципов на федеральном уровне. На местном уровне необходима их конкретизация, что непременно должно способствовать обеспечению легитимности принятых решений и тем самым делать более качественным процесс осуществления такой деятельности.

Литература

1. Березовская Е. В. Принципы юридической ответственности как системное образование // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2011. № 3. С. 84–91.
2. Бондарь Н. С. Правотворчество как особая форма реализации муниципальной власти // Нормотворчество муниципальных образований России: содержание, техника, эффективность. Нижний Новгород, 2002. С. 17–18.
3. Булатов Ю. И. Содержание принципа финансовой самостоятельности местного самоуправления // Вестник ЮУрГУ. 2010. № 5. С. 88.
4. Воробьева О. А. Государственная власть в системе публичной власти // Вектор науки ТГУ. 2010. № 3(13). С. 274.
5. Кокотов А. Н., Саломаткин А. С. Муниципальное право России. М., 2005. С. 311.
6. Лютиков Э. Г. Принципы правотворческого процесса // Общество: политика, экономика, право. 2007. № 1.
7. Ляхова А. И. Проблемы реализации процессуальных принципов в правотворческой деятельности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 8(14). С. 137.
8. Марченко Т. Н. Теория государства и права. М., 2006.
9. Попов Д. В. Принципы организации нормотворческой деятельности в муниципальных образованиях // Российская юстиция. 2012. № 3. С. 14–17.
10. Семенов А. С. Основы взаимодействия прокуратуры с органами государственной власти и муниципальными органами // Административное и муниципальное право. 2014. № 9.
11. Цгоев Т. В. Правотворческая инициатива. Владикавказ : Изд-во ВИУ, 2008. 156 с.

References

1. Berezovskaya E. V. *Principles of legal responsibility as system construction* [Printsipy yuridicheskoi otvetstvennosti kak sistemnoe obrazovanie] // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia [Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii]. 2011. N 3. P. 84–91.
2. Bondar N. S. *Law-making as special form of realization of municipal authority* [Pravotvorchestvo kak osobaya forma realizatsii munitsipal'noi vlasti] // Rule-making of municipalities of Russia: contents, equipment, efficiency [Normotvorchestvo munitsipal'nykh obrazovaniy Rossii: sodержanie, tekhnika, effektivnost']. Nizhny Novgorod, 2002. P. 17–18.
3. Bulatov Yu. I. *Content of the principle of financial independence of local government* [Soderzhanie printsipa finansovoi samostoyatel'nosti mestnogo samoupravleniya] // Messenger of the South Ural State University [Vestnik YuUrGU]. 2010. N 5. P. 88.
4. Vorobyova O. A. *The government in system of the public power* [Gosudarstvennaya vlast' v sisteme publichnoi vlasti] // TSU Science Vector [Vektor nauki TGU]. 2010. N 3(13). P. 274.

5. Kokotov A. N., Salomatkin A. S. *Municipal law of Russia* [Munitsipal'noe pravo Rossii]. M., 2005. P. 311.
6. Lutikov E. G. *Principles of law-making process* [Printsipy pravotvorcheskogo protsessa] // Society: policy, economy, law [Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo]. 2007. N 1.
7. Lyakhova A. I. *Problems of realization of the procedural principles in law-making activity* [Problemy realizatsii protsessual'nykh printsipov v pravotvorcheskoi deyatel'nosti] // Historical, philosophical, political and jurisprudence sciences, culturology and study of art. Questions of the theory and practice [Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki]. 2011. N 8(14). P. 137.
8. Marchenko T. N. *Theory of the state and law* [Teoriya gosudarstva i prava]. M., 2006.
9. Popov D. V. *The principles of the organization of rule-making activity in municipalities* [Printsipy organizatsii normotvorcheskoi deyatel'nosti v munitsipal'nykh obrazovaniyakh] // Russian Justice [Rossiiskaya yustitsiya]. 2012. N 3. P. 14–17.
10. Semenov A. S. *Bases of interaction of prosecutor's office with public authorities and municipal bodies* [Osnovy vzaimodeistviya prokuratury s organami gosudarstvennoi vlasti i munitsipal'nymi organami] // Administrative and municipal law [Administrativnoe i munitsipal'noe pravo]. 2014. N 9.
11. Tsgoyev T. V. *Law-making initiative* [Pravotvorcheskaya initsiativa]. Vladikavkaz : Publishing house of Vladikavkaz Institute of Management [Izd-vo Vladikavkazskogo in-ta upravleniya], 2008. 156 p.

Фролов В. Е.

Роль международных политических институтов в интеграционных процессах евразийского региона

Фролов Владимир Евгеньевич

Комитет по внешним связям Санкт-Петербурга
 Специалист организационно-протокольного управления
 Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
 Преподаватель кафедры международных процессов евразийского региона
 Аспирант кафедры международных отношений
 vladimir9000072@gmail.com

РЕФЕРАТ

Статья посвящена изучению роли международных политических институтов в интеграционных процессах евразийского региона. Автор рассматривает Организацию Договора о коллективной безопасности, Шанхайскую организацию сотрудничества и Организацию за демократию и экономическое развитие. В статье отмечена существующая проблема дублирования функций интеграционных объединений евразийского региона. Также автор приходит к выводу о том, что опыт, накопленный государствами евразийского региона в сфере военно-политического сотрудничества, необходимо использовать при формировании отдельных структур будущего Евразийского союза.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

интеграция, евразийский регион, евразийская интеграция, Евразийский экономический союз, постсоветское пространство, Содружество Независимых Государств, зона свободной торговли, Таможенный союз, общий рынок, валютный союз

Frolov V. E.

The Role of International Political Institutions in the Integration Processes in the Eurasian Region

Frolov Vladimir Evgenyevich

Committee on external relations of Saint-Petersburg
 Specialist of Organizational and Protocol Department
 North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
 Lecturer of the Chair of International Processes of Eurasian Region
 Graduate student of the Chair of International Relations
 vladimir9000072@gmail.com

ABSTRACT

The article is devoted to studying the role of international political institutions in the integration processes of the Eurasian region. The author examines the Collective Security Treaty Organization, the Shanghai Cooperation Organization and the Organization for Democracy and Economic Development. The problem of duplication of integration associations of the Eurasian region is noted in the article. Also the author makes the conclusion that the experience of the Eurasian region in the sphere of military-political cooperation should be used in the process of formation of individual structures of the future Eurasian Union.

KEYWORDS

Integration, the Eurasian region, the Eurasian integration, the Eurasian Economic Union, the post-Soviet space, Commonwealth of Independent States, free trade area, customs union, common market, monetary union

При анализе интеграционных процессов в Евразии особое внимание следует уделить факту существования ряда интеграционных объединений в евразийском регионе, различных по размеру и функциональному предназначению: государства,

участвующие в интеграционных процессах в рамках СНГ, создают другие, более мелкие организации.

Создание одними и теми же государствами сначала Евразийского экономического сообщества, Таможенного союза, а затем Единого экономического пространства исходит из необходимости поэтапного перехода от одной формы интеграционного взаимодействия к другой с целью формирования прочного политико-экономического и правового фундамента будущего Евразийского союза. При этом с углублением интеграции в рамках новой формы взаимодействия, сокращается число активных участников, что объяснимо необходимостью масштабной подготовки к интеграции внутри самого государства — участника.

Так, например, странами — членами СНГ являются 10 государств евразийского региона, 1 государство имеет статус ассоциированного члена. В ЕврАзЭС входили пять государств: Беларусь, Казахстан, Киргизия, Россия и Таджикистан, а также три наблюдателя — Армения, Молдова и Украина. Более сложная по функциям и требованиям к уровню политического и экономического развития организация — Таможенный союз — включает уже трех членов, а также трех кандидатов на вступление и одного наблюдателя. Наиболее продвинутой формой интеграционного взаимодействия, Единое экономическое пространство, насчитывает лишь троих участников. На начальной стадии формирования в Евразийский экономический союз планировалось включить изначально три государства, однако 10 октября 2014 г. к проекту ЕАЭС присоединилась Армения, а 23 декабря 2014 г. участником союза стала Киргизия.¹ Это также является свидетельством разной степени экономической, политической и законодательной готовности государств к углублению интеграции в рамках евразийского региона.

Помимо объединений, нацеленных на политико-экономическое развитие, в регионе существует организация, деятельность которой направлена на решение вопросов, связанных с обеспечением безопасности. Опасения по поводу дестабилизации военно-политической обстановки после распада СССР подтолкнули новые независимые государства к разработке Договора о коллективной безопасности (далее — ДКБ)². Статья 4 Договора закрепляет принцип коллективной обороны: «В случае совершения акта агрессии против любого из государств-участников все остальные государства-участники предоставят ему необходимую помощь, включая военную...»³ Принятая в 1995 г. Концепция коллективной безопасности государств — участников ДКБ⁴ определила цели государств-участников в обеспечении коллективной безопасности как «...предотвращение войн и вооруженных конфликтов...» и «...защита интересов, суверенитета и территориальной целостности государств-участников...». В 2002 г. была создана Организация Договора о коллективной безопасности (далее — ОДКБ). Согласно ст. 3 ее Устава, целями данной организации являются «...укрепление мира, международной и региональной безопасности и стабильности, защита на коллективной основе независимости, территориальной целостности и суверенитета государств-членов...»⁵

¹ Союз четырех: Армения вступила в Евразию [Электронный ресурс] // Ермамас. URL: <http://www.yerkrmas.org/2014/10/16/soyuz-chetyrex-armeniya-vstupila-v-evraziyu/> (дата обращения: 04.11.2014).

² О коллективной безопасности : договор (подписан в г. Ташкенте 15 мая 1992 г.) // Дипломатический вестник, 1992. № 12. С. 9–11.

³ Там же.

⁴ О Концепции коллективной безопасности государств — участников Договора о коллективной безопасности : решение Совета коллективной безопасности (принято в г. Алма-Ате 10 февраля 1995 г.) // Дипломатический вестник, 1995. № 3.

⁵ Устав Организации Договора о коллективной безопасности (принят в г. Кишиневе 7 октября 2002 г.) // Бюллетень международных договоров, 2004. № 3. С. 3–9.

Отметим, что в компетенцию ОДКБ входят не только военные вопросы, но также вопросы международной безопасности: ст. 8 Устава предусматривает сотрудничество государств-членов «...в борьбе с международным терроризмом и экстремизмом, незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, оружия, организованной транснациональной преступностью, нелегальной миграцией и другими угрозами безопасности...»¹

Таким образом, процесс интеграции в евразийском регионе имеет не только политико-экономические основания, но и серьезную военную составляющую. Дозказательством этому является создание в 2010 г. Коллективных сил оперативного реагирования (далее — КСОР), которые осуществляют свою деятельность в соответствии с Соглашением² о КСОР ОДКБ.³ Также следует отметить, что формированию КСОР предшествовало заключение Соглашения⁴ «О миротворческой деятельности ОДКБ», ст. 5 которого было предусмотрено создание Коллективных миротворческих сил.

Учитывая большой опыт, накопленный государствами евразийского региона в сфере военно-политического сотрудничества, можно говорить об использовании имеющихся наработок при формировании отдельных структур будущего Евразийского союза.

Важно отметить тот факт, что в евразийском регионе также действует интеграционное объединение, географически выходящее за пределы региона и включающее соседствующие государства. Шанхайская организация сотрудничества (далее — ШОС) была учреждена в 2001 г. государствами евразийского региона (Казахстаном, Киргизией, Россией, Таджикистаном, Узбекистаном) и Китаем с целью укрепления взаимного доверия, дружбы и добрососедства.⁵ В Декларации о создании ШОС подчеркнута приоритетное значение региональной безопасности, включающей в себя борьбу с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом.

Цели организации получили более четкие очертания в Хартии ШОС.⁶ Помимо вопросов безопасности, в целях также обозначено содействие экономическому росту, социальному и культурному развитию, повышению уровня жизни в государствах — членах организации. В 2003 г. была принята Программа многостороннего торгово-экономического сотрудничества, направленная на развитие экономических связей, совершенствование инвестиционного и производственного взаимодействия ведущих отраслей национальных экономик, рост товарооборота между государствами — членами ШОС.⁷

¹ Устав Организации Договора о коллективной безопасности (принят в г. Кишиневе 7 октября 2002 г.) // Бюллетень международных договоров, 2004. № 3. С. 3–9.

² Соглашение вступило в силу для всех участников в 2010 г. Исключение составили Российская Федерация (в 2011 г.) и Узбекистан (на сегодняшний день уведомления не депонированы).

³ О Коллективных силах оперативного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности : соглашение (заключено в Москве 14 июня 2009 г.) // Собрание законодательства РФ, 2011. 21.03. № 12. Ст. 1556.

⁴ О миротворческой деятельности Организации Договора о коллективной безопасности : соглашение (заключено в г. Душанбе 6 октября 2007 г.) // Бюллетень международных договоров, 2009. № 6. С. 23–27.

⁵ О создании «Шанхайской организации сотрудничества» : декларация (принята в г. Шанхае 15 июня 2001 г.) // Дипломатический вестник, 2001. № 7. С. 27–29.

⁶ Хартия Шанхайской организации сотрудничества (принята в Санкт-Петербурге 07 июня 2002 г.) // Бюллетень международных договоров, 2007. № 1. С. 8–17.

⁷ О Программе многостороннего торгово-экономического сотрудничества государств-членов Шанхайской организации сотрудничества : решение Совета глав правительств ШОС от 23 сентября 2003 г. [Электронный ресурс] // Региональное экономическое сотрудничество Шанхайской организации сотрудничества. URL: http://www.sco-ec.gov.cn/crweb/scor/info/Article.jsp?col_no=67&a_no=721 (дата обращения: 03.05.2014).

Высокая важность ШОС обусловлена участием в ней трех крупных политико-экономических игроков — Казахстана, Китая и России, что наделяет это интеграционное объединение огромным потенциалом для дальнейшего развития. Также сотрудничество России и Китая в рамках ШОС способствует построению отношений партнерства, что особенно актуально, учитывая уровень их влияния на международной арене.

На сегодняшний день ШОС является высокоэффективным интеграционным объединением, обеспечивающим межгосударственное сотрудничество как в области поддержания межрегиональной безопасности, так и в сфере экономики, финансов, инвестиций, энергетики, транспорта, сельского хозяйства, культуры, науки и образования, что подтверждается совместным коммюнике премьер-министров государств — членов ШОС, озвученным 28–29 ноября 2013 г.¹

Помимо перечисленных выше интеграционных объединений, в евразийском регионе функционирует организация, ориентированная на интеграцию в западном направлении. Организация за демократию и экономическое развитие (далее — ГУАМ) включает в себя Азербайджан, Грузию, Молдавию и Украину. В состав организации также входил Узбекистан (с 1999 по 2005 гг.), что было отражено в аббревиатуре — ГУУАМ. Что интересно, Азербайджан и Грузия являлись участниками ДКБ практически с момента его подписания, и лишь спустя два года после создания ГУАМ, в 1999 г., прекратили в нем свое участие.

Нацеленность на европейскую интеграцию в уставных документах организации была обозначена не сразу. Согласно Ялтинской хартии ГУУАМ², принятой в 2001 г., целями сотрудничества государств в рамках организации является социально-экономическое развитие, расширение торгово-экономических связей, укрепление региональной безопасности и т. д. Только несколько лет спустя в п. 7 Кишиневской Декларации³ было закреплено стремление государств — участников организации углубить европейскую интеграцию, установить партнерские отношения с Европейским союзом и НАТО и продолжать взаимовыгодное сотрудничество с США. В ст. 1 принятого позже Устава ГУАМ в качестве одной из целей данной организации обозначено «углубление европейской интеграции для создания общего пространства безопасности, а также расширение экономического и гуманитарного сотрудничества»⁴. Европейский и евроатлантический вектор интеграции отмечен также в Решении о партнерстве⁵.

Следует также отметить существующую проблему дублирования функций интеграционных объединений евразийского региона: одни и те же государства объединяются в организации под различными названиями, при этом отсутствует четкое разграничение функционального наполнения этих организаций.

Так, например, рассмотренная выше ШОС имела схожие цели с Евразийским экономическим сообществом вплоть до его реорганизации. В целях исключения

¹ Совместное коммюнике по итогам 12-го заседания Совета глав правительств (премьер-министров) государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (принято в г. Ташкенте 29 ноября 2013 г.) [Электронный ресурс] // Информационное агентство ИнфоРос. URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?id=113> (дата обращения: 16.01.2014).

² Ялтинская хартия ГУУАМ [Электронный ресурс] // Верховна Рада України. URL: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/888_008 (дата обращения: 28.04.2013).

³ Кишиневская декларация глав государств ГУУАМ «Во имя демократии, стабильности и развития» [Электронный ресурс] // Organization for democracy and economic development — GUAM. URL: <http://guam-organization.org/node/311> (дата обращения: 30.04.2013).

⁴ Устав Организации за демократию и экономическое развитие — ГУАМ [Электронный ресурс] // Organization for democracy and economic development — GUAM. URL: <http://guam-organization.org/node/449> (дата обращения: 30.04.2013).

⁵ Решение о партнерстве [Электронный ресурс] // Organization for democracy and economic development — GUAM. URL: <http://guam-organization.org/node/568> (дата обращения: 30.04.2013).

возможности пересечения интересов этих двух организаций, в 2006 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании, предусматривающий обмен информацией в сферах, представляющих для сторон взаимный интерес: торговля, энергетика, защита окружающей среды, транспорт, инвестиции, туризм.¹ Также Меморандум предусматривает развитие связей в области образования, здравоохранения, спорта, науки, культуры и др.²

В качестве еще одного примера можно привести соотношение функций ШОС и ОДКБ. Примечательно, что четыре из шести членов ОДКБ являются членами ШОС, при этом пятый участник ШОС со стороны Евразийского региона, Узбекистан, до 2012 г. являлся членом ОДКБ. Целью обеих организаций является обеспечение безопасности, в этой связи параллельное функционирование этих организаций предположительно позволит достичь больших успехов в таких сферах, как борьба с незаконным оборотом наркотических средств, сепаратизмом, экстремизмом и терроризмом.

¹ О взаимопонимании между Секретариатом Интеграционного комитета Евразийского экономического сообщества и Секретариатом Шанхайской организации сотрудничества : меморандум (подписан в г. Пекине 08 мая 2006 г.). Документ опубликован не был.

² Там же.

Подготовка кадров для рыночной экономики и потребительское восприятие соотношения «цена—качество—сроки» образовательной услуги*

Цацулин Александр Николаевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры финансового менеджмента
Доктор экономических наук, профессор
vash_64@mail.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена проблеме качества образования в России в связи с переходом общества к постиндустриальной экономике. Рассматривается и обосновывается необходимость системного подхода к улучшению качества образования. Представлены основные аспекты, которые необходимо учитывать при улучшении системного качества образовательной услуги: профиль подготовки кадров, отношения между специализированными областями образования, цены и тарифы на образовательные услуги. Предприняты попытки измерить эффект восприятия ценовой справедливости.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

системное качество, образовательная услуга, цена образовательной услуги, инновация, исследования и разработки (*R&D*), подготовка кадров, дистанционное образование, ценовая справедливость

Tsatsulin A. N.

The Staff Training for Market Economy and the Consumer's Perception of the Ratio "Price—Quality—Timeline" of Educational Service

Tsatsulin Alexander Nickolaevich

North-West Institute of Management — branch of the Russian President Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of Financial Management
Doctor of Sciences (Economy), Professor
vash_64@mail.ru

ABSTRACT

The article is dedicated to the issue of quality of education in Russia due to transition to postindustrial economy. Necessity of system approach to improvement in quality of education is validated. Basic aspects that should be taken into account in order to improve system-based quality are indicated: staff training profile, relationships between specialized educational areas, price and tariffs of educational services. There were the attempts of a quantitative measurement of consumer's impression about fair price in this article.

KEYWORDS

system-based quality, educational service, price of educational service, innovation, research and development, staff training, online education, the fair price

Если Вы считаете, что хуже уже быть не может, значит у Вас проблема с воображением.

Приметы из коллекции А. Финейгла

В первой части статьи, размещенной в предыдущем номере журнала, автор всесторонне рассмотрел сущность образовательной услуги и проанализировал

* Продолжение. Начало см. : Управленческое консультирование. 2015. № 3. С. 90–104.

имеющиеся подходы к определению ее обоснованной стоимости на рынке образовательных услуг высшего образования. В ходе проведенного опроса абитуриентов четырех петербургских вузов (двух государственных и двух негосударственных — для баланса внимания в программе наблюдения¹) в форме анкетирования (анкета состояла из 42 вопросов) и многошаговой итерации был выявлен набор существенных факторов, которые определяют потребительское решение на покупку платной образовательной услуги по направлениям «Экономика» и «Менеджмент».

Инструментальной основой для изучения согласованности мнений респондентов стало построение как простых четырехклеточных таблиц для двух качественных признаков (положительное и отрицательное мнение респондента), так и таблиц большой размерности (баллы справа и слева от нуля) и коэффициентов ассоциации, контингенции, взаимной сопряженности признаков А. Чупрова, расчет критерия К. Пирсона χ^2 («хи-квадрат»), коэффициентов ранговой корреляции М. Кендалла, Ч. Спирмена и других, обязательных в подобном случае статистических характеристик. Проведенное исследование позволяет считать полезными попытки экономического измерения потребительского восприятия оплаченной цены как справедливой (*fair price*) и количественного определения ценовой чувствительности (*detection sensitivity* или *sentimental value*) в формате триады рыночного соотношения — «цена—качество—сроки».

5. На реакцию потребителя от покупки и потребления рыночного блага (продукта, товара, услуги и пр.) влияет множество более-менее известных факторов. Основные факторы тщательно изучались с момента возникновения комплексной теории менеджмента-маркетинга (Ф. Котлер). Но в последние годы изучению стали подвергаться чувства и ощущения потребителя, возникшие по результатам конкретного потребительского выбора.

- Заявленные направления по таким, довольно многочисленным, исследованиям в определенной степени противоречат каноническим бизнес-маркетинговым стратегиям, ставящим во главу угла коммерческого успеха продуцента и продавца, т. е. целеполагания, совершенные, безукоризненные товароведческие характеристики и иные конкурентные преимущества рыночного блага. Тем не менее, указанные теоретические новеллы полностью соответствуют современным, более инновационным подходам к исследованию рыночных процессов в пространстве информационно-сетевой экономики [8].

Согласно этим подходам, субъект рынка в лице покупателя/потребителя/пользователя важно и необходимо рассматривать с точки зрения его впечатлений, проявляемых в ходе осуществляемого потребительского выбора, а собственно акт потребления считать *субъективным состоянием*, в котором поведение индивида базируется, скорее, на впечатлении от потребления, а не на моментальном решении, которое основывается на анализе характеристик и преимуществ рыночного блага. Как представляется, плодотворная идея рассматривать процесс потребления как динамичный калейдоскоп смены впечатлений и ощущений покупателя, а не застывшее единичное событие или решение, получила дальнейшее развитие в работе Дж. Пайна и Д. Гилмора [10] уже как вполне сложившаяся концепция.

Авторы, сделавшие себе имя в научном сообществе на разработке идеи выдвижения впечатлений и ощущений на передний план маркетинговых исследований,

¹ Дополнительно к материалам по 119 респондентам была добавлена выборка объемом в 42 единицы по результатам опроса Балтийской академии туризма и предпринимательства (Санкт-Петербург), проведенного в июле — сентябре 2014 г. Составление анкеты, опросы, кодирование информации для компьютерной обработки и статистическая обработка результатов проводились в программной среде SPSS совместно с А. А. Волковой (ФГБОУ ВО СПбГУ).

убедительно доказывают, что современный потребитель (разумеется, не в условиях кризиса, санкций и эмбарго), прежде всего, ищет впечатлений, ощущений и анализирует многообразные связи между ценностью потребительского блага и впечатлениями/ощущениями от него. Соединив же эти два понятия в виде композита *ощущение ценности*, или *впечатление от ценности* (value experience), можно, как они полагают, лучше удовлетворить потребности «прикормленного» клиента, сделать его еще более лояльным к благу данного продуцента и к самому продуценту, добиться конкурентного преимущества и увеличить размеры прибыли. Способы соединения в подобные композиты по своим решениям образуют различные модификации модели *клиентоориентированного маркетинга*.

Ценность как междисциплинарная категория и ее связь с потреблением долгие годы занимали умы специалистов-маркетологов; появилась даже область научных исследований под названием *аксиология*, на которую наработаны многочисленные труды по социальной, психологической, экономической и даже духовной природе ценности [17]. Однако авторы этих работ, в конце концов, пришли к выводу, что хотя в основу ценности положено множество количественных и качественных критериев, все они сводятся к одному простому факту — ценность экономического блага определяется потребителем. Только потребитель — король рынка — может определить доподлинно, какова для него ценность блага, только он в состоянии решить, сколько готов заплатить за его покупку.

В гносеологии принято считать, что процесс познания действительности проходит три основных этапа: созерцание, абстрактная формулировка зависимостей и закономерностей (а в отдельных случаях и законов), проверка их на практике [9, с. 55]. На первом этапе процесса познания аналитик наблюдает окружающую его действительность, представленную в виде множества цифр. На втором этапе формулируются вероятностные зависимости и закономерности, строятся стохастические модели распределения экономических показателей. На третьем этапе проверяется соответствие стохастических моделей распределения уровней каждого из экономических показателей с действительным распределением экономических первичных данных по признакам.

Обычно исследование исходных генеральных совокупностей затруднено в силу их большой численности. Поэтому генеральную совокупность зачастую характеризуют не всегда, правда, репрезентативной выборочной совокупностью. Тем не менее, выборочная совокупность состоит из отдельных единиц наблюдения генеральной совокупности, отобранных специальными методами, например, случайным способом из генеральной совокупности всех абитуриентов Санкт-Петербурга, желающих получить высшее образование по направлениям подготовки «Экономика» и «Менеджмент» на коммерческой основе.

Естественно предположить, что сочетание единиц наблюдения, образующих выборочную совокупность, может быть различным. В силу этого и выборочные совокупности будут по-разному характеризовать исходную генеральную совокупность. Представляется чрезвычайно важным исследовать всевозможные сочетания единиц наблюдения в выборочной совокупности, состоящей, как в данном опросе, из 161 респондента. Совокупность всевозможных сочетаний результатов наблюдения, реализуемая в вероятностном процессе, называется стохастической совокупностью. Принципы теории вероятностей изначально опирались на изучения стохастических совокупностей. Эти принципы позволяют надежно вычислить генеральную среднюю и воспроизвести почти точную картину случайного распределения тех или иных социально-экономических показателей по генеральной совокупности. Следует заметить, что выборочная совокупность — это один из возможных случаев представления той или иной стохастической совокупности [14].

6. Чувствительность потребителя образовательной услуги к уровню цены на нее приобретает особую форму в условиях развитого рынка коммерческого образования,

когда для удовлетворения одной и той же потребности в дипломе, скажем, о высшем образовании, предлагается много различных марок и брендов такой услуги. Достаточно сказать, что на территории РФ действуют около 900 отечественных вузов и 1,5 тыс. филиалов, многочисленные зарубежные программы, включая *MBA*, и на всех площадках оказываются платные образовательные услуги самого разного достоинства и в любом формате¹. Хуже другое, — что 60% этих услуг по направлениям подготовки не соответствуют изначальному профилю того или иного вуза. А из 5800 тыс. российских студентов 11% обучаются на юриста, что, наверное, отражает основное направление (*main stream*) укрепления позиций правового государства.

Никто из потребителей, даже самых дотошных и квалифицированных, в этих условиях, конечно, не занимается созданием собственной базы данных обо всех образовательных услугах-субститутах и ценах на них. Это знание замещается формированием некоего общего представления о приемлемом и стандартном уровне так называемой референтной цены на услугу данного назначения, т. е. своего рода *среднерыночной цены безразличия* по Ф. Эджуорту и Дж. Хиксу [2] и в соответствии с психологическим механизмом выработки предпочтений при потребительском выборе в режиме подражания [6].

Эта цена чем-то напоминает средневековую «справедливую цену» — типический уровень стоимости товара или услуги, который был почти неизменен на протяжении десятилетий в связи с отсутствием заметной инфляции, и потому общеизвестен нескольким поколениям потребителей буквально с детства.

В продолжение статьи представляется возможным и целесообразным прояснить содержание девятого признака-фактора из сложившегося перечня, названного в данном контексте *ценовая справедливость* (ЦС), что в целом отражает цели и задачи заявленного аспекта прикладного исследования. Обычно в работах по образованию цен и тарифов выделяют несколько феноменов, или эффектов, или же часто называемых факторами и связанных с ценовыми различиями, а также с чувствительностью потребителя к ценам. Под чувствительностью² потребителя понимается *мера его реакции* на уровень предлагаемой ему цены и, соответственно, его готовности совершить сделку купли-продажи.

Среди таких феноменов, эффектов наиболее интересным, но и наименее известным является представление потребителя/покупателя/пользователя о так называемой *справедливой*, или относительной цене. Объяснение феномена предполагает наличие имплицитной (ближе всего по смыслу термина — неявной) связи между ценой на потребительское благо, его качеством и сопутствующим сервисом, а также счетную возможность измерить восприятие различий в режиме анализа ценовой дифференциации и ценовой дискриминации конкретного блага, а также определить некоторые другие особенности данной ценовой разновидности. Все эти явления из области потребительского поведения чаще всего выглядят как не очень логичные, не вполне рациональные поступки потребителя, совершающего покупку, подчас спонтанно и непредсказуемо по ходу торговой операции купли-продажи экономического блага, даже если это благо представлено образовательной услугой какого-либо вуза.

¹ Много это или мало, сказать затруднительно. Так, в ФРГ на 82 млн чел. населения насчитывается 250 высших учебных заведений (из них 103 университета) и 176 вузов прикладных наук; частных вузов всего 69. (Источник: ru.wikipedia.org/wiki/Образование_в_Германии (дата обращения: 26.02.2015)).

² Обычно маркетологи указывают на 10 наиболее значимых эффектов чувствительности: представление о наличии услуг-субститутов; уникальность услуги; затраты на переключение; затрудненность сравнений; оценка качества через цену; значимость конечного результата; дороговизна услуги; воспринимаемая «справедливость» цены; возможное разделение затрат на покупку; пригодность услуги для резервирования [13].

Механизм мотивации потребителя по свершившемуся факту такой покупки, как показывает практика социологических и статистических опросов, сложно сконструировать, и мотивацию чаще всего выявляют с помощью так называемых *проективных тестов* Л. Франка, которые, правда, дают нестабильные результаты и демонстрируют низкую валидность [5, с. 178]. Но методика проективных тестов обладает очевидным достоинством, сводящимся к тому, что обходя условную психологическую защиту потребителя, интервьюер может выявить близкое к настоящему мнению потребителя, в частности, и по восприятию уровня цен на данное благо в отношении ее справедливости относительно цен на блага-субституты.

Впервые понятие *относительности цены* именно в научный (правда, схоластический) оборот ввел в XIII в. Фома Аквинский [1]. Важное место в его учении занимает теория так называемой «справедливой цены». Справедливой он считал такую цену, которая: 1) учитывает труд, затраченный на производство блага, т. е. здесь цена призвана обеспечивать эквивалентность обмена в соответствии с количеством и качеством труда и издержек; в цене должны возмещаться затраты на хранение, доставку блага, а также должна быть учтена страховка на случай возможных утрат и повреждения блага; 2) дает возможность продавцу блага жить соответственно занятому социальному положению («пропитание по статусу»), т. е. один уровень благосостояния обеспечить ремесленнику, другой — служителю церкви, третий — феодалу; 3) должна дифференцироваться/дискриминироваться в зависимости от того, насколько покупатель данного блага приближен к Богу, т. е. для представителей церковного сословия цена должна быть, разумеется, ниже, чем для пейзажиста или цехового ремесленника.

Еще раньше (811–813) термин *ценовая справедливость* (только как инструментальный термин без дефиниций) появился в текстах прообраза Административного кодекса — капитулярии «О свершении справедливости» (*Capitularia regum francorum*) франкского короля Карла Великого [4]. И справедливыми монарх полагал те цены, которые назначал он сам и/или другие сюзерены королевства. Но оказывается, что еще за 500 лет до этого, в 301 г., римский император Диоклетиан принял закон о ценовой справедливости (как он понимал политкорректность этого термина), единой на товары и услуги для всей великой империи. Правда, невзирая на статус этого пиар-хода, довольно быстро внедренное мероприятие привело к тому, что население территорий перешло на бартерно-товарные отношения, и одновременно, как раз благодаря этому обстоятельству, расцвела пышным цветом спекуляция и коррупция на пространствах Римской империи [7]. Такова неожиданная траектория в эволюции понимания категории социально-экономической справедливости — хронологически новой эры *справедливости* христианской Европы.

Гораздо позднее, уже в 1920 г. новое содержание в термин вдохнул автор «Набросков к теории рыночного хозяйства» В. Парето [11]. Здесь справедливая, она же «безупречная аллокация» (*Allocation*) по Парето, т. е. экономически эффективная цена, трактуется как признаваемая всеми участниками и сторонами сделки цена. И в его теории рыночного хозяйства *аллокация*, с точки зрения безостановочного движения факторов производства в духе маржинализма Л. Вальраса, есть перемещение и распределение экономических ресурсов в рыночном пространстве с учетом строгой потребности в них в том или ином оговоренном месте, в то или иное отведенное время.

Но ощущение нерациональности в поведении покупателя при покупке и неправомерности в поведении продавца при продаже экономического блага при анализе тех и других поступков происходит из неполного представления о закономерностях, подчиняясь которым индивид принимает решения. Практически всегда это не логические принципы, а некие схемы рассуждения, позволяющие принимать решения о покупке/продаже с малым числом ошибок в достаточно стабильной социально-экономической ситуации и с незначительными затратами, усилиями и транзакционными издержками. Поэтому в обычных и устойчивых рыночных ситуациях обы-

денные умозаключения индивидуумов выглядят и логичными (разумными), и рациональными (типичными), и правильными (как-то кем-то и когда-то обоснованными), а при особых условиях выработки решения по продаже/покупке они приводят сначала к логическим, а затем и к счетным ошибкам [14].

Проанализировать же механизм принятия потребительского решения и покупательского выбора оказывается, как отмечалось выше, делом достаточно сложным, и многочисленные опросы это всегда подтверждают. Респонденты в своих ответах при анкетировании зачастую прибегают к психологической обороне/защите в типичных ситуациях следующего рода. Так, имея собственное отрицательное мнение по тому или иному вопросу анкеты, респондент испытывает угрызения, неловкость, желание не обидеть интервьюера, который в глазах потребителя предстает полномочным лицом продуцента, тем не менее, высказывает нейтральное или даже положительное суждение по спорному или деликатному вопросу, а подчас однозначному и очевидному.

Другим мотивом скрытности потребителя может оказаться излишне высокая продажная цена на благо, приводящая конкретного потребителя с учетом его реальной платежеспособности в замешательство и смущение. Или же надуманные соображения престижности пользования приобретенным благом вынуждают респондента дать неточный, несоответствующий действительности ответ. Подобные ответы ухудшают надежность выборочных данных, но отбраковать те или иные ответы из совокупности в ходе кабинетного анализа также оказывается делом затруднительным, поскольку оно будет сродни подтасовке научных сведений.

Американские экономисты Thomas T. Nagle и John E. Hogan определяют справедливую (относительную) цену как представление квалифицированных (продвинутых) потребителей о том, сколько должно стоить данное благо, какая цена будет для него справедливой и на что можно рассчитывать пользователю при покупке выбранного блага [16] с точки зрения его полезности. Следует заметить, что знание о величинах и механизмах изменения справедливой (относительной) цены оказывается *существенно важным* именно для продавца, так как только в сравнении с этими величинами потребитель/покупатель оценивает выгодность торгового предложения (например, оферты образовательной услуги в контексте исследования).

Указанные авторы также отвечают на вопрос — как потребитель формирует свое представление о справедливой (относительной) цене? Окружающий мир, по их мнению, в восприятии индивида принципиально неоднороден, и он делит все явления и объекты, с которыми ему приходится сталкиваться, на классы, группы, категории, страты, кластеры и т. д., которые организованы в некое подобие осмысленной иерархической структуры, что находит свое отражение в таком технико-гносеологическом понятии, как *категоризация*. Однако эта умозрительная классификация не жесткая, без четко выделенных и постоянно применяемых критериев и, что гораздо важнее с точки зрения проблем экономических измерений, счетных индикаторов. Индивид подсознательно пользуется классификацией, специально не задумываясь, не отдавая себе отчета в том, что он классифицирует. Пользователю кажется, что оценка, даваемая им тому или иному объекту его интереса — нечто само собой разумеющееся.

На оценку объекта по неустойчивым критериям, относящим его к приблизительной категории, оказывает воздействие множество социально-экономических, политических и иных факторов. Для этой оценки потребитель чаще всего черпает информацию из контекста ситуации, в которой происходит оценивание, из соотношения с другими объектами того же типа, фигурирующими в ситуации, из знания о прошлом или предполагаемом в будущем состоянии данного объекта. Все эти информационные источники создают определенные нормалы, точки отсчета категориальной сетки. И с помощью таких нормалей, как демонстрируют американские

авторы, можно управлять категоризацией, а, следовательно, и наметать справедливые (относительные) цены.

Реальных критериев определения эффекта ощущения воспринимаемой «справедливости» цены на услугу вообще и образовательную в частности не существует. Любые возможные оценки будут основаны на субъективных ощущениях потребителей, но это не исключает, по мнению автора статьи, возможности количественных измерений. Наиболее разработанными являются подходы, ориентированные на поиск соотношений текущих цен на товары и услуги с ценами ранее действовавшими, поскольку потребители обычно трактуют существенное повышение цены как «несправедливое» даже тогда, когда оно продиктовано существенным превышением спроса над предложением. Другой подход исследует соотношения цены на конкретный товар и услугу с ценами сходных продуктов или ценами, уплаченными в сходных ситуациях (особенно когда речь идет об услугах). И, наконец, последний из известных подходов базируется на установлении функциональной роли товара, работы и услуги в формировании стандарта минимального, достойного и т. д. потребления¹.

На рис. 1 представлены медианные восприятия ЦС потребителями образовательной услуги анализируемых вузов, что позволяет ориентироваться на поведение данного признака-фактора как результирующую ключевую переменную в ходе дальнейшего многофакторного статистического моделирования.

7. По результатам проведенного совместно с А. А. Волковой опроса абитуриентов четырех петербургских вузов (СПбГУ, СПбГЭУ, СПбУУиЭ, СПбБАТИП), соблюдая принцип *равновозможности сочетаний* признаков, автор получил 11 выборочных совокупностей в виде агрегированных признаков-факторов, образующих стохастическую совокупность, которую можно записать в виде распределения вероятностей по значению множества балльной оценки ответов респондентов. Как и ожидалось, распределение вероятностей оказалось асимметричным, что прямо свидетельствовало о его детерминированности, т. е. в основе этого распределения лежали обусловленные, предопределенные случайные величины — альтернативные и одномерные.

Однако следует подчеркнуть, что распределение вероятностей по значениям множества не обязательно должно быть асимметричным, если альтернативные случайные величины детерминированные. И здесь может отчетливо проявиться закономерность в уменьшении асимметрии полученного распределения по сравнению с асимметрией исходных распределений. Эта закономерность доказана А. М. Ляпуновым: сумма независимых случайных величин, имеющих какое угодно распределение вероятностей, при соблюдении необходимых условий имеет своим пределом нормальное распределение, которое достигается при достаточно большом числе случайных величин². Например, распределение в соответствии с функцией Лапласа следующего вида:

$$p(m) \cong \frac{1}{\sqrt{npq}} \cdot \frac{1}{\sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{1}{2} \left[\frac{m-np}{\sqrt{npq}} \right]^2},$$

где n — размер выборки; p — благоприятного события (B); q — неблагоприятного события (\bar{B}); m — количество учтенных признаков-факторов.

¹ Сайт ЦДО «Элитариум» [Электронный ресурс]. URL: www.elitarium.ru (дата обращения: 22.02.2015).

² Найденная закономерность была распространена А. А. Марковым на зависимые случайные величины при условии, что связь между ними ослабевает по мере их удаления друг от друга и что вариация этих величин ограничена определенными пределами.

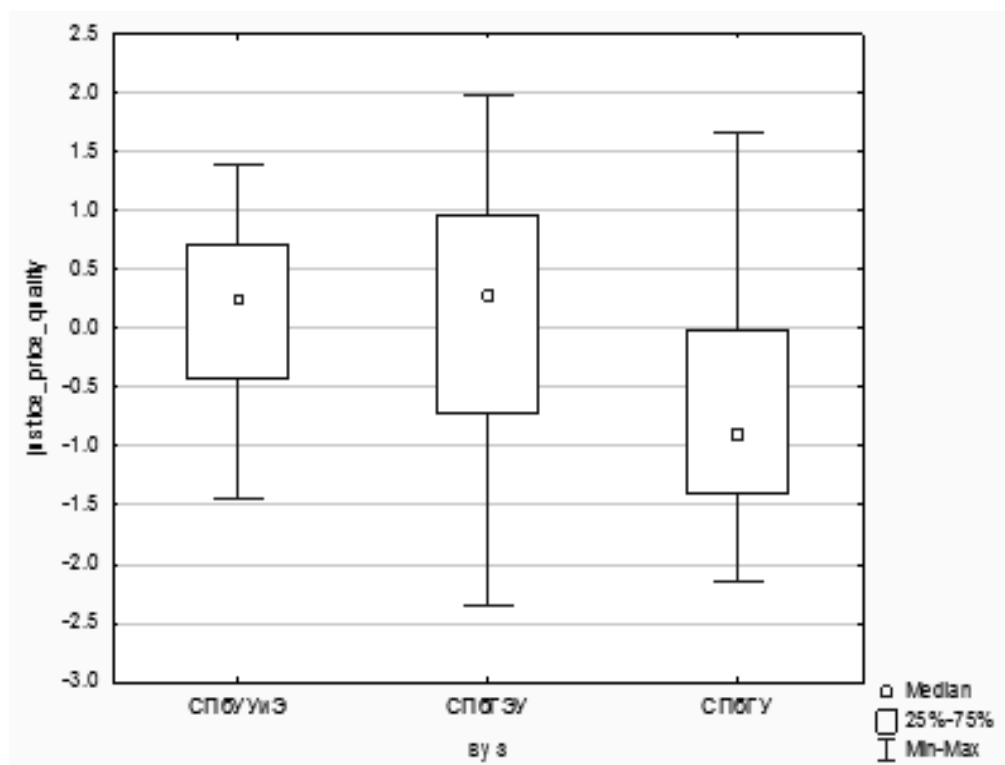

Рис. 1. Сравнение по вузам фактора ЦС по критерию Краскела—Уоллиса (*Kruskal—Wallis Test*: статистическая значимость при проверке H_0 определялась при $p\text{-value} < 0,05$ $H_0(2, n = 119) = 8,522180; p = 0,0141$)

Следовательно, асимметрия случайных величин переходит в симметрию, если стохастическая выборочная совокупность сформирована из достаточно большого числа случайных величин n [14].

Рассмотренная вероятностная модель альтернативных случайных величин была исследована в отношении процесса формирования распределения результативного агрегированного индикатора ЦС (*fair price*) по сгруппированным признакам-факторам ценовой чувствительности, таким как: соответствие бюджету; ценовая безопасность; стремление к экономии; престижные соображения потребителя и т. д., которые были подвергнуты психологическому и логико-семантическому ранжированию с учетом полученных значений корреляционной матрицы и по лекалам бихевиористики и социальной психологии. Результаты такого ранжирования в балльно-рейтинговой оценке показаны на рис. 2.

Все признаки-факторы были предварительно уточнены и просчитаны. Местоположение каждого из 11 агрегированных факторов в данном распределении определялось по балльно-рейтинговой системе, одинаково сдвинутых вправо и влево с шагом в одну счетную единицу (дискретно — балл), т. е. $[-5; +5]$ относительно ключевого фактора 10 (№ 6 по перечню факторов на оси абсцисс).

Так, признак-фактор 5 (№ 7), стоящий справа от ценовой справедливости, нуждается в некотором пояснении. Престижные соображения потребителя, как представляется, возникают в тех случаях, когда потребитель не только готов совершить покупку образовательной услуги в достойном и широко известном учебном заве-

Рис. 2. Семантическое ранжирование факторов ценовой чувствительности потребителя: Перечень факторов: 2 — соответствие бюджету; 11 — ценовая безопасность; 6 — стремление к экономии; 1 — знание цен; 4 — ценовые ожидания; 10 — ценовая справедливость с учетом качества; 5 — престижные соображения покупателя; 7 — ценовая прозрачность; 8 — ценовые пороги; 9 — удобства оплаты и эффективность расходов; 3 — ценовая неосведомленность

дении, сколько бы это не стоило. Подобный случай можно расценить как априорная первичность фактора по отношению к фактору *ценовая справедливость*. Если же речь идет просто о предельно высокой (на данном потребительском сегменте) цене на образовательную услугу, и этим обстоятельством можно козырять в своем кругу независимо от качества этой услуги, то, по существу, это вторично по отношению к анализируемому ключевому индикатору. Размеры подсчитанной в исследовании дисперсии отражают высказанные соображения.

Представленное на рис. 2 фактическое распределение является стохастическим, и его следует сравнить с эталонным нормальным распределением, отвечающим параметрам функции распределения плотностей вероятностей. Это делается для того, чтобы ответить на вопрос — является ли фактическое распределение статистически однородным. Решение подобной задачи будет в данном случае необходимым и первоочередным, поскольку расчет средней и дисперсии целесообразно производить только по статистически однородным (гомогенным) и одновременно независимым (по способу формирования) совокупностям. Коэффициенты корреляции также следует рассчитывать только между статистически однородными совокупностями [15].

Сопоставляя фактическое стохастическое распределение (в пересчете на адвалорные характеристики) с теоретическим нормальным распределением частностей $\phi_0^{(j)}$ и применяя процедуру стандартного нормирования, можно оценить степень расхождения между ними, например, по χ^2 -критерию. Такой подход позволит в случае

удовлетворительного результата, т. е. близости к нормальному или логнормальному распределению, а значит, и подтверждения требования однородности частной совокупности, использовать агрегированные признаки-факторы в качестве независимых переменных для дальнейшего многофакторного регрессионного моделирования потребительского ощущения ЦС.

С учетом особенностей исходной информации данного исследования может быть использован критерий согласия χ^2 в редакции акад. А. Н. Колмогорова, поскольку частотные распределения последнего — это абсолютно непрерывные распределения, обладающие условной дискретностью признаков-факторов, которые плавно перерастают друг в друга и наползают друг на друга, что широко используется в статистике для оценки распределения выборочных данных нечеткой и непараметрической природы. А в редакции академика критерий согласия предназначен для проверки гипотезы о подчиненности изучаемой выборки некоему установленному закону распределения, т. е. проверки того обстоятельства, что данное эмпирическое распределение соответствует предполагаемой модели.

Обычно специалисты рассматривают и критерий однородности Н. В. Смирнова, который используется для проверки гипотезы о принадлежности двух независимых выборок одному закону распределения, т. е. о том, что два эмпирических распределения соответствуют одному и тому же закону. Критерий Смирнова о проверке гипотезы об однородности двух эмпирических законов распределения является одним из наиболее часто используемых непараметрических критериев. Расчетные процедуры по обоим критериям — и Колмогорова, и Смирнова — вывешены на сайте Новосибирского государственного университета [12], а сами табличные материалы представлены в работе [3].

Все прописанное здесь и прежде позволяет обоснованно строить уравнения простой и множественной регрессии по всем правилам как модели восприятия ЦС от учтенных 10 признаков-факторов. Матрицы коэффициентов корреляции, рассчитанные предварительно, обеспечивают удовлетворительную надежность статистических связей в моделях и эффективность оценок параметров регрессий по обычному методу наименьших квадратов (ОМНК-оценки). В ходе исследования были построены шесть трехфакторных и четыре двухфакторных модели восприятия ЦС с последующим статистическим анализом, интерпретацией, комментариями, выводами и предложениями.

В качестве исходной зависимости были выбраны мультипликаторы типа агрегированной производственной функции Кобба—Дугласа, для линеаризации которой применялась процедура логарифмирования по основанию натурального логарифма. Для усиления случайного характера выборочных данных и снижения автокорреляции уровней в рядах распределений были рассчитаны первые разности значений по каждой из 10 независимых переменных в логарифмах и одному результативному признаку-фактору — $y_i^{(6)}$. И лишь затем строились системы нормальных уравнений, к которым применялось ОМНК-оценивание. Например, были построены и оценены следующие модели восприятия ЦС: $y_i^{(6)}(x_i^{(2)}, x_i^{(3)}, x_i^{(4)})$; $y_i^{(6)}(x_i^{(1)}, x_i^{(7)}, x_i^{(11)})$, где представлены переменные по номерам (верхний субиндекс) последовательности факторов (см. рис. 2) по каждому i -му респонденту. Отдельно по каждой модели давалась оценка вектору остаточного отклонения $\bar{\epsilon}$. Фрагменты статистических расчетов по первому набору факторов представлены в табл. 1.

Значения параметров:

$$a_{01} = -0,00398; \quad a_{12} = -0,10173; \quad a_{23} = 0,041181; \quad a_{24} = 0,920258.$$

Регрессионная статистика:

коэффициент множественной корреляции $R_m = 0,839288$;

Дисперсионный анализ

Наименование характеристики	<i>df</i>	<i>SS</i>	<i>MS</i>	<i>F</i>	Значимость <i>F</i>
Регрессия	3	1,99798	0,665993	4,943505	0,002902
Остаток	157	15,35818	0,134721		
Итого	160	17,35616			

коэффициент детерминации $d_y = 0,704404$;
 нормированный коэффициент детерминации $\hat{d}_{y1} = 0,190637$;
 стандартная ошибка $0,367043$;
 численность наблюдений $n = 161$;

коэффициент автокорреляции остаточных величин $r_a = -0,24754$;
 эмпирический коэффициент Дарбина–Уотсона $DW_3 = 2,7132$.

По изложенным в двухчастной статье материалам можно сделать три вывода.

1. Для той системы высшего образования, которая вполне благополучно существовала в России до рыночных преобразований и накопила много положительно-го, была характерна подготовка узких специалистов, что вполне соответствовало целям и задачам, безусловно, индустриального общества и отвечало интересам отраслевого принципа подготовки кадров. Неизбежный же переход (что достаточно спорно) к постиндустриальному обществу и инновационной экономике порождал новые требования к системе образования, которая должна быть ориентирована на доминирование довольно широкого профиля подготовки кадров нового времени и новой парадигмы¹.

2. Подобный профиль обычно достраивается множеством приемов разнообразных образовательных технологий, включая инновационные и интерактивные, т. е. до кондиций такого работника, который требуется конкретным секторам экономики и собирательным отраслям народного хозяйства. Такая перестройка должна базироваться на совершенствовании системы непрерывного образования потребителя услуг и более-менее точной идентификации спектра его будущих образовательных траекторий с учетом как прогнозируемых темпов профессионального и карьерного роста, так и длительности *жизненного цикла* (Life Cycle Analysis — LCA) образовательного продукта той или иной образовательной организации — учебного заведения страны [13].

3. Наиболее важным аспектом исследования образования и установления цен и тарифов на образовательные услуги системы высшего образования по различным формам и способам обучения (и не только на коммерческой основе) является определение количественных соотношений и измерение существующих связей между уровнем рыночных цен и системным качеством предоставляемых образовательных услуг, отражаемым триадой «цена — качество — сроки». С этой целью автором статьи были предприняты попытки изучения указанных соотношений на основе выборочного наблюдения за потребителями образовательных услуг отмеченных петербургских вузов.

Изложенный в статье подход позволит потребителям образовательной услуги упорядочить свои ощущения и обосновать мотивы своего рыночного выбора в пользу того или иного учебного заведения. А для продуцентов образовательной услуги, соответственно, — разработать методические рекомендации по укреплению

¹ Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 500-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

своих маркетинговых позиций на рынке образования, в том числе в области формирования цен и тарифов на услуги, а также по коммерческой работе с потенциальным контингентом обучающихся и их родителей.

Литература:

1. Аквинский Фома. Сума против язычников. Книга первая. 1259–1264 / пер. Т. Ю. Бородай. Долгопрудный Цифровая библиотека по философии, 2000 [Электронный ресурс]. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000791/> (дата обращения: 11.02.2015).
2. Блауг М. 100 великих экономистов после Кейнса (Библиотека «Экономической школы», вып. 42). — СПб. : Экономикс, 2009. — 384 с. — С. 336–339; Сс. 345–349.
3. Большев Л. Н., Смирнов Н. В. Таблицы математической статистики. — М. : Наука : главная редакция физико-математической литературы, 1983. 416 с.
4. Капитулярий о свершении справедливости (811–813) // Практикум по истории средних веков / Девятайкина Н. И., Мананчикова Н. П. Воронеж : Изд-во ВГУ, 1999. 240 с.
5. Козырев А. А. Применение проективных методик при изучении мотивации потребителей // Государство и бизнес. Вопросы теории и практики: моделирование, менеджмент, финансы. Т. 2. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2011. С. 177–182.
6. Котова Т. Н. Демонстрация ребенку действий с новым объектом: информирование об устройстве или передача способа употребления? «Экспериментальная психология». 2014. Т. 7. № 3. С. 57–68.
7. Кравчук А. Галерея римских императоров. Доминат [Электронный ресурс]. URL: http://www.telenir.net/istorija/galereja_rimskih_imperatorov_dominat/index.php (дата обращения: 11.11.2014).
8. ЛаСалль Д., Бриттон Т. А. Как превратить обычные продукты в необычные впечатления : пер. с англ. М. : Вильямс, 2006. 192 с.
9. Маслов П. П. Статистика в социологии. М. : Статистика, 1971. 212 с.
10. Пайн II Б. Дж., Гилмор Д. Х. Экономика впечатлений. М. : Вильямс, 2005. 792 с.
11. Парето В. Компендиум по общей социологии / пер. А. А. Зотова. 2-е изд. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. 511 с.
12. Статистический анализ данных, моделирование и исследование вероятностных закономерностей. Компьютерный подход : монография. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2011. 888 с.
13. Цацулин А. Н. Цены и ценообразование в системе маркетинга : учеб. пособие для вузов. М. : Филинь, 1998. 448 с.
14. Цацулин А. Н. Экономический анализ. Учебник третьего поколения. Т. 1. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб. : Питер, 2015. 704 с.
15. Чупров А. А. Основные проблемы теории корреляции. М. : Госстатиздат, 1960. 412 с.
16. Nagle Thomas T., Hogan John E. The Strategy and Tactics of Pricing : a Guide to Growing More Profitably. 4-th ed. 2005. Dec. 3. 624 p.
17. Pine II Joseph B., Gilmore James H. The Experience Economy: Work Is Theatre & Every Business a Stage (Boston: Harvard Business School Press, 1999).

References

1. Akvinsky Foma. *Summa contra Gentiles. Book the first 1259–1264* [Suma protiv yazychnikov. Kniga pervaya 1259–1264] // Translation of T. Yu. Boroday. Dolgoprudny : Digital library on philosophy [Tsifrovaya biblioteka po filosofii], 2000. [Electronic resource]. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000791/>
2. Blaug M. Great Economists since Keynes [100 velikikh ekonomistov posle Keinsa]: An introduction to the lives & works of one hundred great economists of the past. (Biblioteka «Economichekoi shkole», viep. 42). SPb. : Economicus, 2009. 384 p.
3. Bolshev L. N., Smirnov N. V. *Tables of mathematical statistics* [Tablitsy matematicheskoi statistiki]. M. : Science. Main edition physical and mathematical literatures [Nauka. Glavnaya redaktsiya fiziko-matematicheskomo literatury], 1983. 416 p.
4. *Kapitulyary about a fulfillment of justice (811–813)* [Kapitulyarii o svershenii spravedlivosti (811–813)] // Devyataykina N. I., Mananchikova N. P. Practical on history of the Middle Ages [Praktikum po istorii srednikh vekov]. Voronezh : Publishing house of VSU [Izd-vo VGU], 1999. 240 p.

5. Kozyrev A. A. *Application of projective techniques when studying motivation of consumers* [Primenenie proektivnykh metodik pri izuchenii motivatsii potrebitel'ei] // State and business. Questions of the theory and practice: modeling, management, finance [Gosudarstvo i biznes. Voprosy teorii i praktiki: modelirovanie, menedzhment, finansy]. V. 2. SPb. : Publishing house of SZAGS [Izd-vo SZAGS], 2011. P. 177–182.
6. Kotova T. N. *Demonstration to the child of actions with new object: informing on the device or transfer a direction of use?* [Demonstratsiya rebenku deistvii s novym ob"ektom: informirovanie ob ustroistve ili peredacha sposoba upotrebleniya?] // Experimental psychology [Eksperimental'naya psikhologiya]. 2014. V. 7. N 3. P. 57–68.
7. Kravchuk A. *Galery of the Roman emperors. Dominat* [Galereya rimskikh imperatorov. Dominat]. [Electronic resource]. URL: http://www.telenir.net/istorija/galereja_rimskih_imperatorov_dominat/index.php (date of the address: 11.11.2014).
8. LaSalle D., Britton Terry A. *Priceless. Turning Ordinary Products into Extraordinary Experiences* [Kak prevratit' obychnye produkty v neobychnye vpechatleniya] : Translation from English. M. : Williams [Vil'yams], 2006. 192 p.
9. Maslov P. P. *Statistics in sociology* [Statistika v sotsiologii]. M. : Statistics [Statistika], 1971. 212 p.
10. Pine II B. J., Gilmore J. H. *The Experience Economy* [Ekonomika vpechatlenii]. M. : Williams [Vil'yams], 2005. 792 p.
11. Pareto V. *Compendium on the general sociology* [Komp'juternyi podkhod]. Novosibirsk : Publishing house of SU HSE [Izd. dom GU VShE], 2008. 511 p.
12. *Statistical analysis of data, modeling and research of probabilistic regularities. Computer approach* [Statisticheskii analiz dannykh, modelirovanie i issledovanie veroyatnostnykh zakonomernostei. Komp'yuternyi podkhod]. Novosibirsk : Publishing house of NSTU [Izd-vo NGTU], 2011. 888 p.
13. Tsatsulin A. N. *The prices and pricing in system of marketing* [Tseny i tsenoobrazovanie v sisteme marketinga]. Tutorial for higher education institutions. M. : Filin [Izd-vo «Filin»], 1998. 448 p.
14. Tsatsulin A. N. *Economic analysis* [Ekonomicheskii analiz] : The textbook for higher education institutions, v. 1. 2-nd ed. SPb. : Piter, 2015. 704.
15. Chuprov A. A. *Main problems of the theory of correlation* [Osnovnye problemy teorii korrelyatsii]. M. : Gosstatizdat, 1960. 412 p.
16. Nagle Thomas T., Hogan John E. «*The Strategy and Tactics of Pricing*»: *A Guide to Growing More Profitably* (4th Edition) by (Dec. 3, 2005). 624 p.
17. Pine II Joseph B, Gilmore James H. *The Experience Economy: Work Is Theatre & Every Business a Stage* (Boston: Harvard Business School Press, 1999).

Государственная бюджетная политика в условиях кризиса: региональный аспект

Плотников Владимир Александрович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Научный редактор издательско-полиграфического центра
Доктор экономических наук, профессор
plotnikov2000@ya.ru

Федотова Гилян Васильевна

Волгоградский государственный технический университет
Доцент кафедры экономики и финансов предприятий
Кандидат экономических наук, доцент
g_evgeeva@mail.ru

РЕФЕРАТ

Современная кризисная ситуация в российской экономике, сложившаяся за последний календарный год, требует достаточно четкого реагирования государственных органов исполнительной власти на нарастающие проблемы социально-экономического характера. Традиционно сложившиеся правила управления государственными финансовыми потоками должны быть изменены и заменены новыми, отвечающими существующим потребностям и возникающим обязательствам. Государственные программы и планы, расписанные на несколько лет вперед, сегодня необходимо довольно сильно корректировать, что должно, прежде всего, отразиться в реализуемой бюджетной политике государства. Оценка существующей ситуации и параметров утвержденных бюджетов позволит четко представить тенденции и результаты современной антикризисной программы правительства.

Цель работы — подчеркнуть особенности и специфику бюджетных полномочий государства в системе формирования, управления, согласования индикаторов социально-экономического развития в условиях финансового кризиса. В статье были использованы методы сравнительного анализа, систематизации, классификации, вертикального и горизонтального анализа, графического анализа, обобщения.

Работа представляет собой комплексный анализ реализуемой бюджетной политики как на федеральном, так и на региональном уровне государственной власти. Исследование позволило сделать вывод о низкой вероятности реализации запланированных расходных обязательств, о сокращении поддержки регионов со стороны Федерации, что в 2015 г. обострит существующие проблемы. На основе проведенного исследования сделан вывод о том, что для сбалансированного развития всей страны сегодня необходимо наращивание налогового потенциала регионов и формирование более привлекательной бизнес-среды.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

финансовый кризис, экономический рост, региональная политика, экономическая политика, бюджетная система, межбюджетные отношения

Plotnikov V. A., Fedotova G. V.

The State Budgetary Policy in the Conditions of Crisis: Regional Aspect

Plotnikov Vladimir Aleksandrovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Scientific Editor of the Publishing and Printing Center
Doctor of Science (Economy), Professor
plotnikov2000@ya.ru

Fedotova Gilyan Vasilyevna

Volgograd State Technical University (Volgograd, Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of Economy and Finance of the Enterprises
PhD in Economy, Associate Professor
g_evgeeva@mail.ru

ABSTRACT

The modern crisis in the Russian economy, which developed for the last calendar year, demands rather accurate response of government bodies of executive power to the accruing problems of social and economic character. Traditional rules of management of the state financial streams have to be changed and replaced on new ones, meeting the existing requirements and the arising obligations. The state programs and plans painted for some year's ahead need to be corrected quite strongly today that has to be reflected first of all in the realized budgetary policy of the state. The assessment of the existing situation and parameters of voted budgets will allow presenting accurately tendencies and results of the modern anti-recessionary program of the government.

The work purpose — to emphasize features and specifics of the budgetary powers of the state in system of formation, management, coordination of indicators of social and economic development in the conditions of financial crisis. In the article methods of the comparative analysis, systematization, classification, vertical and horizontal analysis, graphic analysis, generalization were used.

The work represents the complex analysis of the realized budgetary policy, both on federal, and at the regional level of the government. Research allowed to draw a conclusion on low probability of implementation of the planned account obligations, on reduction of support from federation to regions that in 2015 will aggravate the existing problems. On the basis of the conducted research the conclusion that the balanced development of all country requires accumulation of tax capacity of regions and formation of more attractive business environment today is drawn.

KEYWORDS

Financial crisis, economic growth, regional policy, economic policy, budgetary system, inter-budgetary relations

На протяжении всей истории развития экономики ее эволюция проходила в тесной связи с финансовыми кризисами. Неспособность государственных властей предотвращать их самостоятельно приводит к необходимости поиска помощи в этих вопросах со стороны всевозможных международных финансовых организаций и объединений. С другой стороны, вероятная помощь извне порождает «недисциплинированность» государства и других субъектов финансового рынка, которые берут на себя излишне высокие риски, рассчитывая на финансовую поддержку со стороны, примером чего является ситуация последних лет в Греции и на Кипре.

Уточним сущность используемых терминов. Согласно «Энциклопедическому словарю экономики и права», финансовый кризис — это «глубокое расстройство государственной финансовой системы, сопровождаемое инфляцией, неустойчивостью курсов ценных бумаг, проявляющееся в резком несоответствии доходов бюджета их расходам, нестабильности и падении валютного курса национальной денежной единицы, взаимных неплатежах экономических субъектов, несоответствии денежной массы в обращении требованиям закона денежного обращения»¹. Данная трактовка, с нашей точки зрения, вполне обоснована и соответствует наблюдавшимся в России и других странах мира объективным кризисным проявлениям. В период кризиса, как показывают наши более ранние исследования, всегда происходит не только падение макроэкономических показателей, но и разбалансировка макроэкономической системы в целом [1; 2].

С позиций эволюции экономики, финансовый кризис — естественное явление в развитии любой экономической системы. Он проявляет диспропорции, делает

¹ Энциклопедический словарь экономики и права [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_economic_law/17154

явными противоречия, разрешение которых является движущей силой развития. Кризисы порождаются различными причинами (табл. 1), при этом можно выделить следующие виды финансовых кризисов:

- дефолты по внутреннему и внешнему долгу. Известными примерами последних 15 лет является российский дефолт 1998 г. по внутреннему долгу и аргентинский дефолт 2002 г. по внешнему;
- валютные кризисы, среди которых можно отметить кризисы в Таиланде и Индонезии во время азиатского кризиса 1997–1998 гг., а также бразильский кризис 1999 г.;
- кризисы банковской системы, наиболее масштабные среди которых — кризисы в североамериканских странах в конце 1980-х — начале 1990-х гг., банковский кризис в Японии в 1997 г.;
- падения капитализации фондовых рынков, примером которых может служить обвал цен на акции высокотехнологичных компаний в США в 2000 г.

В мировой истории известны следующие наиболее значимые комплексные финансовые кризисы:

- Великая депрессия в США, 1929–1939 гг.;
- Мексика, валютный и банковский кризисы 1991–1995 гг.;
- Юго-Восточная Азия, валютный и банковский кризисы 1997–1998 гг.;
- Россия, кризис 1998 г.;
- Аргентина, валютный и банковский кризисы и дефолт 2001–2002 гг.;
- мировой финансово-экономический кризис 2007–2008 гг.

Если анализировать современную ситуацию в России, то можно говорить о развитии в отечественной экономике финансового кризиса 2014–2015 гг. Это подтверждается объективными данными о динамике ВВП (табл. 2), а также прогнозами развития российской экономики в 2015 г. По мнению правительственных экспертов, «в условиях сохранения сильных геополитических рисков и гипотезы о том, что цена на нефть в среднегодовом выражении в 2015 году составит 50 долларов США за баррель, предполагается, что ВВП снизится на 3 процента. По прогнозным оценкам, российская экономика в 2015 году вступит в полосу затяжного спада»¹.

На внутренние диспропорции развития отечественной экономики наложились внешние факторы. Это — жесткие санкционные ограничения российского экспорта и сокращающиеся валютные доходы от экспорта энергоресурсов. Развернувшиеся политические события в 2014 г.: вооруженный конфликт на Украине, присоединение к России полуострова Крым и г. Севастополя, введение экономических санкций со стороны Европейского союза, США и ряда других стран, ответные экономические санкции России в виде продуктового эмбарго — все это явилось причинами обострения международных отношений. Как следствие данных событий, происходит рост неопределенности и неуверенности в составленных прогнозах развития.

Большая зависимость доходной части российского бюджета от экспортной выручки за энергоресурсы создала сложную ситуацию с выполнением бюджета в доходной его части. Продолжающийся переход на программно-целевые методы планирования и прогнозирования будущей социально-экономической политики требует постоянного мониторинга складывающейся ситуации на мировом рынке и подсчета валютной выручки. Государственный бюджет 2015–2017 гг. спланирован с учетом стоимости барреля нефти на уровне 95 долл.². Утвержденный бюджет 2015–2017 г.

¹ Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2015 год / Минэкономразвития России. М., 2015 (январь). С. 18.

² Основные параметры федерального бюджета 2015–2017 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://top.rbc.ru/economics/15/12/2014/548e2e4a2ae596194575fee2>

Причины возникновения финансовых кризисов

Причина	Факторы
Объективные предпосылки	Неудовлетворительные макроэкономические показатели: наличие бюджетного дефицита, дефицита счета текущих операций; дисбалансы, низкий объем международных резервов; сильная зависимость экономики от сырьевого экспорта; перегруженность банковской системы «плохими» активами; «перегрев» рынка недвижимости или фондового рынка
Внешние или внутренние шоки	Изменение объективных (внешний спрос, цены на экспортируемые товары) или субъективных (изменение готовности инвесторов размещать средства в развивающихся странах) условий
Особенности экономической политики правительства и денежных властей	Постоянные правила (например, режим курсовой политики или правила управления нефтяными доходами) и решения, принятые до или в условиях кризиса
Экономические агенты	Решения участников рынка (инвесторов или вкладчиков банков), связанные с доверием к государственной или частной финансовой системе. Развитие кризиса нередко определяется отказом инвесторов от рефинансирования долга правительства или банков, решением вкладчиков отозвать размещенные в банках депозиты, спекулятивные атаки на национальную валюту
Механизмы усиления и распространения кризисных явлений	Неожиданно большие масштабы глобального кризиса 2007–2009 гг. в значительной степени определялись механизмами многократного усиления возникающих проблем и их распространения между финансовыми рынками и странами

Составлено Г. В. Федотовой.

Таблица 2

Индексы физического объема ВВП России

Показатель	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Цепной индекс, % к предыдущему году	105,2	92,2	104,5	104,3	103,4	101,3	100,6
Базисный индекс (2008 г. — 100%)	100,0	92,2	96,7	100,8	104,2	105,6	106,2

Составлено В. А. Плотниковым с использованием данных Росстата, приведенных на официальном интернет-сайте.

уникален в том плане, что в нем учтены дотации Крыму, он сверстан в условиях санкционных ограничений и падающей мировой цены на нефть. Имеющиеся параметры государственного бюджета, по нашему мнению, достаточно условны, ввиду изменяющейся ситуации на мировом рынке и политической обстановки. Нам представляется, что в течение 2015 г. он будет неоднократно пересматриваться и корректироваться.

Следует отметить растущий дефицит федерального бюджета в 2015 г. с 430,7 до 540,9 млрд руб. Тем не менее, федеральный центр будет стараться обеспечи-

вать все обязательства перед регионами. Подчеркнем основные направления государственной бюджетной политики в складывающихся условиях¹:

- постепенное снижение зависимости национального бюджета от экспорта нефти. Так, доля нефтегазовых доходов в общем объеме доходов бюджета в 2015 г. составит 51%, а уже к 2017 г. снизится до 49,6%;
- изменение бюджетного правила. В период высоких цен на нефть в бюджет закладывалась более низкая цена, полученные сверхдоходы формировали резервный фонд, размер которого на 1 сентября 2014 г. составлял 3,387 трлн руб. С 2015 г. все дополнительные нефтяные доходы будут направлены на финансирование дефицита бюджета, тем самым запланировано отвлечение из резервного фонда около 500 млрд руб.;
- запланированный средний курс доллара на период 2015–2017 гг. составляет 37,7 руб. Рост курса рубля не планируется, так как ослабление национальной валюты при пересчете экспортной выручки за нефть в рубли выгодно российской экономике;
- существенный рост расходов на национальную оборону с 3,4% ВВП в 2014 г. до 4,2% в 2015 г. В 2015 г. рост составит 30%, что достаточно логично ввиду сложившейся политической обстановки. В последующие 2016–2017 гг. будет происходить снижение расходов, они составят 3,6–3,7% ВВП;
- постепенное снижение внешнего государственного долга: в 2015 г. до 3,696 млрд долл. США, в 2016 г. — до 5,686 и в 2017 г. до 3,729 млрд долл. США.

Ожидание вероятного изменения макроэкономических показателей привело к тому, что на правительственном уровне разработан и утвержден «План первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 году»², согласно которому ключевыми в государственной экономической политике в течение первой половины 2015 г. будут являться следующие приоритеты:

- поддержка импортозамещения и экспорта по широкой номенклатуре несырьевых, в том числе высокотехнологичных товаров;
- поддержка и содействие развитию малого и среднего предпринимательства посредством снижения административных издержек;
- формирование возможностей для привлечения оборотных и инвестиционных ресурсов с приемлемой стоимостью в наиболее значимых отраслях экономики;
- компенсация дополнительных инфляционных издержек посредством государственной финансовой поддержки наиболее уязвимых категорий граждан;
- снижение напряженности на рынке труда и поддержка эффективной занятости;
- оптимизация бюджетных расходов за счет выявления и сокращения неэффективных затрат, концентрации ресурсов на приоритетных направлениях развития и выполнении публичных обязательств;
- повышение устойчивости банковской системы и создание механизма санации проблемных системообразующих организаций.

Отдельную проблему, которая остро проявилась именно в последние годы, составляет неуравновешенность российского консолидированного бюджета [6]. Федеральный бюджет был ориентирован на сбалансированность региональных бюджетов, однако не всегда ее удается обеспечить, результатом чего является возрастание долговой нагрузки на бюджеты субъектов Федерации. Основная проблема обеспе-

¹ Основные параметры федерального бюджета 2015–2017 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://top.rbc.ru/economics/15/12/2014/548e2e4a2ae596194575fee2>

² Распоряжение Правительства РФ от 27 января 2015 г. № 98-р «План первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 году» // Российская газета от 2 февраля 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2015/02/02/plan-dok.html>

чения сбалансированного и динамичного социально-экономического развития нашей страны заключается в достаточно сильной дифференциации российских регионов по уровням доходов населения, по произведенному валовому региональному продукту, по объемам поступивших налогов в бюджетную систему, по объемам инвестиций в региональную экономику, по экспорту и импорту и другим показателям [7]. Уровень дифференциации регионов по различным показателям социально-экономического развития может быть проиллюстрирован данными, приведенными в табл. 3.

Согласно представленному рейтингу, мы видим, что лидером по основным показателям является Центральный федеральный округ, уступая значительно только по показателю инвестиций на душу населения Уральскому федеральному округу. По федеральным округам самые высокие показатели среднемесячной номинальной заработной платы в Дальневосточном округе, а по объемам собираемых налогов и сборов в бюджет лидирует Уральский федеральный округ. Южный федеральный округ отстает по таким социальным показателям, как среднедушевые доходы в месяц, поступление налогов в бюджет.

Высокую дифференциацию также подтверждает показатель минимальной условной бюджетной обеспеченности на 1 жителя, характеризующий общий объем получаемых населением государственных и муниципальных услуг (табл. 4). Показатель минимальной бюджетной обеспеченности разбивает все округа и субъекты Федерации на три группы. По данным таблицы видно, что основное количество регионов по бюджетным расходам на 1 жителя сосредоточено в двух группах: до 40 тыс. руб. и 40–100 тыс. руб. Основное количество регионов с низким уровнем бюджетной обеспеченности расположено в Южном и Северо-Кавказском округах. Регионов с обеспечением свыше 100 тыс. руб. на 1 жителя всего 11, территориально они расположены в Дальневосточном, Уральском, Северо-Западном и Центральном федеральном округах.

Уровень бюджетной обеспеченности напрямую связан с показателями доходной части бюджета, прежде всего, с налоговыми доходами. Население региона с высоким налоговым потенциалом, как правило, более комплексно и эффективно обеспечивается государственными и муниципальными услугами, чем жители территорий, налоговый потенциал которых невелик. При этом отметим, что анализ на уровне федеральных округов недостаточно информативен [4], поэтому постараясь сузить наш объект исследования до одного региона. В качестве такого региона нами выбрана Волгоградская область, относящаяся к числу дотационных регионов.

Региональные экономические системы должны сегодня выступить основными проводниками государственной экономической политики, реализаторами утвержденных и внедряемых программ социально-экономического развития. Но поставленные перед ними задачи достаточно трудно реализуемы ввиду сильной дифференциации регионов по уровню бюджетной обеспеченности, уровню социально-экономического развития, в силу сложившихся проблем с финансированием бюджетных обязательств. Существующий огромный разрыв в бюджетной обеспеченности субъектов РФ — основная проблема, препятствующая проведению единой экономической политики на территории всего государства. Отсутствие сбалансированного развития в регионах России способствует дисбалансу всей национальной экономической системы, что приводит к углублению кризисных явлений.

Волгоградская область одной из первых в России приняла бюджет на 2015 г. и на период до 2017 г.¹ Согласно ему, прогнозируемые поступления в областной

¹ Экспертное заключение к проекту закона Волгоградской области «Об областном бюджете на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов», представленному в Волгоградскую областную Думу на первое чтение. 24 октября 2014 г. № 01КСП-02-02 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ksp34.ru/activity/experts>

**Рейтинг федеральных округов по некоторым показателям
социально-экономического развития в 2013 г.**

Федеральный округ	Численность населения на 01.01.2014 г.	Среднедушевой месячный доход	Среднемесячная номинальная заработная плата	Сельскохозяйственная продукция	Поступление налогов и сборов в бюджет на душу населения	Инвестиции в основной капитал на душу населения
Центральный	1	1	2	1	2	5
Северо-Западный	5	4	4	7	3	4
Южный	4	6	5	3	7	3
Северо-Кавказский	7	8	7	5	8	8
Приволжский	2	5	6	2	4	6
Уральский	6	2	3	6	1	1
Сибирский	3	7	5	4	6	7
Дальневосточный	8	3	1	8	5	2

Составлено Г. В. Федотовой по данным Росстата: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156

Таблица 4

Бюджетные расходы на 1 жителя в федеральных округах, 2013 г.

Федеральный округ	Всего субъектов	До 40 тыс. руб.	40–100 тыс. руб.	Более 100 тыс. руб.
Центральный	18	12	5	1
Северо-Западный	11	—	9	2
Южный	6	5	1	—
Северо-Кавказский	7	6	1	—
Приволжский	14	9	5	—
Уральский	6	2	1	3
Сибирский	12	2	10	—
Дальневосточный	9	—	4	5
Россия в целом	83	36	36	11

Составлено Г. В. Федотовой по: Портал «Открытый бюджет» Комитета гражданских инициатив [Электронный ресурс]. URL: <http://budget4me.ru/ob/faces/home>

бюджет в 2016 г. несколько снизятся, а в 2017 г. возрастут. Дефицит бюджета планируется преодолевать посредством резкого сокращения бюджетных расходов, например в 2016 г. — на 35,5% по сравнению с 2015 г. В этом случае необходимо более четко посмотреть, какие именно направления расходов должны быть секвестрированы, так как переход к социально-ориентированной экономике не оставляет возможности сокращать финансирование социальной сферы. Исходя из целей и задач социально-экономического развития, наибольшее количество средств в ре-

гиональном бюджете предусмотрено на социальную сферу — 54,3 млрд руб., или 68% всех расходов, в том числе на здравоохранение — 15,5 млрд руб.; образование — 18,5 млрд руб.; социальную защиту населения — 19 млрд руб.¹.

Планируемый резкий рост доходов бюджета в 2017 г. на 10,9% по сравнению с 2016 г. также, с нашей точки зрения, не имеет четкого обоснования на фоне сокращающейся производственной базы предприятий и организаций, роста уровня безработицы среди населения региона. Планируемые объемы доходов следует оценивать с позиций реалистичности и складывающейся ситуации в предпринимательском секторе региона, так как декларируемые цифры могут не совпадать с реальными итогами реализации бюджетного процесса. Охарактеризуем перечень мероприятий, планируемых к реализации руководством региона для роста налоговой базы:

- снижение ставки налога (с 15 до 5%), уплачиваемого в связи с применением упрощенной системы налогообложения, для индивидуальных предпринимателей, поставленных на налоговый учет в качестве индивидуального предпринимателя после 1 июля 2014 г., осуществляющих экономически и социально значимые виды деятельности;
- дифференциация налогового бремени для индивидуальных предпринимателей, занятых в сфере автомобильного транспорта. Планируется законопроект, согласно которому размер потенциально возможного к получению индивидуальным предпринимателем годового дохода будет дифференцироваться в зависимости от грузоподъемности транспортного средства и количества посадочных мест в транспортном средстве, а также территории действия патентов по муниципальным образованиям;
- с 1 января 2016 г. на территории Волгоградской области налоговая база по налогу на имущество организаций будет определяться для административно-деловых центров и торговых центров (комплексов) и помещений в них; нежилых помещений, назначение которых предусматривает размещение офисов, торговых объектов, объектов общественного питания и бытового обслуживания либо которые фактически используются для указанных целей исходя из кадастровой стоимости;
- проведение индексации ставок транспортного налога;
- проведение комплекса мер, направленных на сокращение теневой экономики и задолженности по налогам, уменьшение числа убыточных организаций;
- совершенствование инвестиционного и налогового законодательства Волгоградской области, предусматривающего предоставление льгот организациям, реализующим инвестиционные проекты на территории региона;
- инвентаризация предоставленных налоговых льгот с целью отмены неэффективных налоговых льгот и оказание государственной поддержки в виде предоставления налоговых льгот только в случае подтверждения их эффективности;
- принятие новой льготы на региональном уровне, налогового освобождения или иного стимулирующего механизма должно сопровождаться определением финансового источника для реализации такого решения, в качестве которого, в том числе, может рассматриваться отмена одной или нескольких неэффективных льгот;
- продолжение работы по отстаиванию на федеральном уровне инициатив по отмене налоговых льгот по региональным и местным налогам, необходимости укрепления финансовой самостоятельности субъектов Российской Федерации и

¹ Бюджет региона 2015–2017: от дефицита – к профициту [Электронный ресурс]. URL: <http://volgoduma.ru/informacziya-press-sluzhby/news/14018-byudzhet-regiona-2015-2017-ot-defitsita-k-profitsitu.html>

муниципальных образований, а также осуществление мероприятий по привлечению средств федерального бюджета в бюджет Волгоградской области.

Таким образом, видим, что региональное правительство будет предпринимать все возможные меры для поддержания и роста налоговых доходов областного бюджета, что весьма важно в условиях разворачивающихся в экономике РФ кризисных явлений. При этом, на наш взгляд, достаточно осторожно следует подходить к налоговым льготам, предоставляемым отдельным категориям налогоплательщиков. Так, по оценке правительства Волгоградской области, выпадающие доходы областного бюджета от предоставления налоговых льгот в 2015 г. составят 7903,9 млн руб., из которых в соответствии с федеральным законодательством — 4390,1 млн руб., или 55,5% общей суммы льгот. В 2016 г. общая сумма налоговых льгот прогнозируется в размере 7925,6 млн руб. (в том числе по федеральному законодательству — 4916,5 млн руб., или 62%), в 2017 г. — 8017,6 млн руб. (в том числе по федеральному законодательству — 5390 млн руб., или 67,2%). Мы видим четкую тенденцию возрастания сумм налоговых льгот, предоставляемых федеральным центром, которые ухудшают сбалансированность регионального бюджета. Очевидно, что такая политика не может быть признана эффективной, так как ее реализация приводит к дальнейшей разбалансировке бюджетной системы страны.

Основные направления бюджетной и налоговой политики на 2015 г. и на плановый период 2016 и 2017 гг., подготовленные в целях составления проекта федерального бюджета на очередной трехлетний период, предусматривают рассмотрение налоговых льгот в качестве «налоговых расходов». При этом (и это созвучно нашим рассуждениям) планируется сократить масштабы и перечень льгот, предоставляемых федеральным законодательством, в отношении налогов, зачисляемых полностью или частично в бюджеты субъектов РФ и местные бюджеты. В частности, объем льгот сформирован с учетом ежегодного роста и факта сокращения льгот, предоставляемых федеральным законодательством, например, роста ставки налога на имущество организаций в период с 2013 по 2018 г. с 0,4 по 1,9% в отношении железнодорожных путей, магистральных трубопроводов, линий электропередач. Указанный рост ставки налога уменьшит потери областного бюджета Волгоградской области в 2015 г. на 1213,2 млн руб. (при сравнении проектов бюджета на 2015–2017 гг. и на 2014–2016 гг. соответственно).

В целом бюджетная и налоговая политика Волгоградской области сформированы по оптимистическому сценарию развития, к 2017 г. запланирован рост доходов бюджета за счет увеличения налоговой составляющей в общей сумме доходной базы. Рост налоговой базы доходов областного бюджета, по нашему мнению, недостаточно обоснован ввиду сложившейся сложной экономической ситуации в регионе, низкой инвестиционной привлекательности и отсутствия четкого механизма взаимодействия частного бизнеса и государственных структур. Существующие тенденции (сокращение числа предприятий, рост безработицы, необоснованные налоговые льготы, сокращение производств по некоторым категориям товаров [5]) увеличивают вероятность риска недополучения запланированных сумм налогов.

В складывающихся условиях одной из достаточно эффективных мер могла бы стать передача на федеральный уровень обязательств по уплате страховых взносов на обязательное медицинское страхование (ОМС) неработающего населения (примерно 0,67% ВВП). Это нефинансируемый федеральный мандат, объем которого однозначно определен федеральным законодательством. В финансовом плане закрепление расходных обязательств по ОМС за федеральным уровнем бюджетной системы предпочтительнее, чем передача дополнительных доходных источников регионам, поскольку оказывает более сильный выравнивающий эффект. Он достигается за счет большего сокращения расходных обязательств в расчете на

одного жителя наименее финансово обеспеченных регионов, где, как правило, выше доля неработающего населения.

Еще одним возможным вариантом передачи полномочий с регионального на федеральный уровень является исключение региональных социальных доплат к пенсии из компетенции субъектов Федерации (0,17% ВВП). В целом пенсионное обеспечение является федеральным полномочием. Кроме того, механизм региональных доплат недостаточно эффективен, поскольку только три региона в РФ осуществляют эти доплаты без федеральной финансовой поддержки (через механизм межбюджетных субсидий).

Как при увеличении объема трансфертов регионам, так и при передаче расходных полномочий с регионального на федеральный уровень для предотвращения роста дефицита федерального бюджета необходимо перераспределение средств за счет других направлений федеральных расходов. При этом важно рассматривать изменения в структуре расходов с позиции «производительных расходов» (образование, здравоохранение, производственная инфраструктура), обеспечивающих экономический рост, и «непроизводительных расходов» (национальная оборона, правоохранительная деятельность, государственное управление), не способствующих или мало способствующих росту (сверх определенного предела). С этой точки зрения увеличение расходов федерального бюджета, например, на здравоохранение (за счет включения в них расходов на ОМС неработающего населения) при существенно меньшем (чем заложено сейчас в проекте бюджета на 2015–2017 гг.) росте расходов на оборону и сокращении расходов на госуправление и правоохранительную деятельность в большей мере соответствовали бы цели увеличения темпов роста российской экономики в средней долгосрочной перспективе, целевым ориентирам ее развития [3].

Федеральный бюджет является, по сути, «бюджетом последней инстанции», поэтому нарастание проблем на региональном уровне потребует принятия решений со стороны центра. В условиях развивающегося кризиса может потребоваться наращивание финансовой помощи регионам для предотвращения снижения социально значимых расходов. В то же время, приведенные данные показывают, что даже при достаточно благоприятном макроэкономическом прогнозе доходы консолидированных бюджетов субъектов федерации по-прежнему остаются на минимальных уровнях в долях ВВП, что говорит о долгосрочном дефиците финансовых ресурсов на региональном уровне. Это обстоятельство является источником рисков устойчивости социально-экономического развития Российской Федерации в среднесрочной перспективе.

Литература

1. Плотников В. А. Глобальные проблемы социально-экономического развития и нейтрализации рисков экономической безопасности периода экономического кризиса // Экономика и управление. 2009. № 3/6. С. 12–16.
2. Плотников В. А., Вертакова Ю. В. Системный подход в оценке путей преодоления финансово-экономического кризиса // Современные технологии. Системный анализ. Моделирование. 2010. № 3. С. 213–224.
3. Плотников В. А., Федотова Г. В. Программно-целевой метод в управлении экономикой региона // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2013. № 7. С. 2–9.
4. Федотова Г. В. Государственный контроль в системе стратегического планирования развития региона // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 8. С. 17–22.
5. Федотова Г. В. Государственный финансовый контроль в управлении бюджетами // Финансы и кредит. 2012. № 19. С. 23–28.
6. Федотова Г. В. Программный бюджет в региональном стратегическом планировании // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 44. С. 31–37.

7. Фундаментальные проблемы пространственного развития макрорегиона при переходе к инновационной экономике на примере Северо-Запада России : кол. монография / Н. В. Андросенко [и др.] ; науч. ред. В. В. Окрепилов; ИПРЭ РАН, Санкт-Петербург, 2010.

References

1. Plotnikov V. A. *Global problems of social and economic development and neutralization of risks of economic security of the period of an economic crisis* [Global'nye problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya i neutralizatsii riskov ekonomicheskoi bezopasnosti perioda ekonomicheskogo krizisa] // *Economy and management* [Ekonomika i upravlenie]. 2009. N 3/6. P. 12–16.
2. Plotnikov V. A., Vertakova Yu. V. *System approach in an assessment of ways of overcoming of financial and economic crisis* [Sistemnyi podkhod v otsenke putei preodoleniya finansovo-ekonomicheskogo krizisa] // *Modern technologies. System analysis. Modeling* [Sovremennyye tekhnologii. Sistemnyi analiz. Modelirovanie]. 2010. N 3. P. 213–224.
3. Plotnikov V. A., Fedotova G. V. *A program and target method in management of region economy* [Programmno-tselevoi metod v upravlenii ekonomikoi regiona] // *Financial analytics: Problems and decisions* [Finansovaya analitika: Problemy i resheniya]. 2013. N 7. P. 2–9.
4. Fedotova G. V. *State control in system of strategic planning of development of the region* [Gosudarstvennyi kontrol' v sisteme strategicheskogo planirovaniya razvitiya regiona] // *Regional economy: theory and practice* [Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika]. 2013. N 8. P. 17–22.
5. Fedotova G. V. *State financial control in management of budgets* [Gosudarstvennyi finansovyi kontrol' v upravlenii byudzheta] // *Finance and the credit* [Finansy i kredit]. 2012. N 19. P. 23–28.
6. Fedotova G. V. *The program budget in regional strategic planning* [Programmnyi byudzhет v regional'nom strategicheskom planirovanii] // *Regional economy: theory and practice* [Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika]. 2013. N 44. P. 31–37.
7. *Fundamental problems of spatial development of the macro region upon transition to innovative economy on the example of the North-West of Russia* [Fundamental'nye problemy prostranstvennogo razvitiya makroregiona pri perekhode k innovatsionnoi ekonomike na primere Severo-Zapada Rossii] : collective monograph / N. V. Androsenko [etc.] ; scientific ed. V. V. Okrepilov ; Russian Academy of Science, Institute of Problems of Regional Economy [Rossiiskaya akad. nauk, In-t problem regional'noi ekonomiki]. St. Petersburg, 2010.

Проблемы и тенденции развития межбюджетных отношений в России

Запорожан Анатолий Яковлевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
 Профессор кафедры макроэкономического регулирования
 Доктор экономических наук, профессор
 Rakov1960@rambler.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена рассмотрению проблем и тенденций развития межбюджетных отношений в России. Автор показывает, что с течением времени проблемы развития межбюджетных отношений в России не только не разрешаются, а наоборот, усиливаются, и что бюджетная система России все более деформируется, дрейфует в направлении бюджетной системы СССР.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

межбюджетные отношения, бюджетный федерализм, дефицит и профицит бюджета, бюджетное выравнивание, бюджетные трансферты, дотации, субвенции, субсидии

Zaporozhan A. Ya.

Problems and Tendencies of the Interbudgetary Relations Development in Russia

Zaporozhan Anatoly Yakovlevich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
 Professor of the Chair of Macroeconomic Regulation
 Doctor of Science (Economics), Professor
 Rakov1960@rambler.ru

ABSTRACT

The article is devoted to consideration of problems and tendencies of development of the interbudgetary relations in Russia. The author shows that eventually problems of development of the interbudgetary relations in Russia not only aren't resolved, and on the contrary amplify, and that the budgetary system of Russia is more and more deformed, drifts in the direction of the budgetary USSR system.

KEYWORDS

interbudgetary relations, budgetary federalism, deficiency and surplus of the budget, budgetary alignment, budgetary transfers, grants, subventions, subsidies

Из исходного принципа организации бюджетной системы РФ — разграничения доходов и расходов субъектов бюджетной системы — вытекает проблема бюджетного эгоизма, когда одни субъекты бюджетной системы реализуют свои интересы в бюджетной сфере за счет ущемления интересов других. Особенно остро стоит эта проблема во взаимоотношениях выше и нижестоящих субъектов бюджетной системы. Бюджетный федерализм представляет собой такую организацию бюджетных отношений, которая позволяет в условиях самостоятельности и автономии каждого бюджета органично сочетать интересы государства с интересами субъектов Федерации и органов местного самоуправления.

Политика бюджетного федерализма проводится более 15 лет. Однако ситуация в сфере межбюджетных отношений кардинальным образом не меняется.

Разбалансировка бюджетной системы по вертикали

Проблема бюджетного эгоизма в сфере межбюджетных отношений наиболее зримо выявляется в разбалансировке бюджетных доходов и расходов соответственно федерального бюджета и консолидированного бюджета субъектов РФ (табл. 1).

Настораживает не столько факт диспропорции в соотношении бюджетных доходов и расходов федерального бюджета и консолидированного бюджета субъектов РФ, сколько тенденция. Это — во-первых. Во-вторых, из диспропорции в соотношении бюджетных доходов и расходов федерального бюджета и консолидированного бюджета субъектов РФ вытекает искусственность дотационного характера многих регионов и территорий.

Существует понятие «самодостаточный регион». Самодостаточным является регион, с территории которого собирается и направляется в федеральный бюджет налоговых доходов больше, чем возвращается в регион из федерального бюджета в форме бюджетных трансфертов. Таких регионов, по расчетам директора Департамента бюджетной политики Минфина А. М. Лаврова, на 2007 г. было 50 из 86. Значит, реально дотационными регионами на тот год могли считаться 36, а не 67 регионов в соответствие с официальными данными. Аналогично и по муниципальным образованиям. Например, в Саратовской области 42,2% собранных налогов в 2007 г. были зачислены в федеральный бюджет, 42% — в бюджет области и только 15,8% остались местным бюджетам¹.

Диспропорции в соотношении бюджетных доходов и расходов федерального бюджета и консолидированного бюджета субъектов РФ обуславливаются:

1) перераспределением налоговых доходов между федеральным и региональными бюджетами.

Если в 2001–2002 гг. налоговые доходы делились между регионами и центром в пропорции 50:50, то в 2006 г. у регионов осталось уже чуть более 30% [2]. В целом же за период 1998–2013 гг. доля доходов консолидированных бюджетов субъектов РФ в консолидированном бюджете Российской Федерации уменьшилась в 1,6 раза (с 54 до 33,9%).

В настоящее время в федеральный бюджет поступают доходы от наиболее стабильных, обильных и хорошо собираемых налогов: на добавленную стоимость (НДС); на добычу полезных ископаемых в виде углеводородного сырья; на доходы физических лиц (60% налоговых доходов); большая часть акцизов.

Бюджеты субъектов Федерации формируются доходами от менее стабильных, менее обильных и более трудно собираемых налогов. Так, например, доходы от налога на прибыль зависят от экономической конъюнктуры. В 2013 г. поступления по данному налогу оказались ниже прогнозируемых на 13% вследствие замедления темпов экономического роста [1, с. 64]. В плане налога на прибыль бюджет регионов теряет также налоговые доходы от применения «института консолидированной группы налогоплательщиков» (КГН). По данным Счетной палаты РФ, за счет консолидации убытков внутри КГН региональные бюджеты в 2012 г. недосчитались 8 млрд руб. налога на прибыль, в 2013 г. — 16,4 млрд руб. [3, с. 15]. Бюджеты субъектов РФ пополняются также за счет трех региональных налогов: на имущество организаций, транспортного налога и налога на игорный бизнес. Однако с собираемостью этих налогов существуют серьезные проблемы.

В местные бюджеты зачисляются налог на имущество физических лиц и земельный — незначительные по суммам сборов, трудоемкие в сборе и плохо собираемые. Таким образом, в распоряжении региональных и особенно местных властей оказались в основном плохо собираемые налоги, что сильно снижает их бюджетный потенциал;

¹ Государственная власть и местное самоуправление // 2007, № 6. С. 19.

Разбалансировка бюджетной системы по вертикали

Показатель, %	1998	1999	2000	2003	2007	2012	2013
Доходы консолидированного бюджета субъектов Федерации к консолидированному бюджету РФ	54	49	46	42	41	34,4	33,9
Расходы консолидированного бюджета субъектов Федерации к консолидированному бюджету РФ	54	52	52,9	55,1	56,6	—	—
Превышение расходов над доходами	0	3	6,9	13,9	15,5	—	—

Примечание: Цифровые данные таблицы взяты автором из разных источников.

2) перераспределением расходных полномочий между федеральным центром и регионами.

Особенностью сложившейся бюджетной системы стала концентрация на верхнем уровне бюджетной системы в основном концептуальных и более гибких обязательств, бюджетное финансирование которых можно корректировать в зависимости от располагаемых денежных средств. В то же время расходы субъектов РФ большей частью представлены социальными обязательствами, от которых невозможно отказаться. Например, в 2011 г. в среднем по России расходы консолидированных бюджетов субъектов Федерации на 59% были представлены расходами на социально-культурные мероприятия (а в пяти субъектах их доля превышала 70%), еще 12,6% составляли расходы на жилищно-коммунальное хозяйство.¹

Нормами Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»² были распределены предметы ведения и расходные полномочия между бюджетами разных уровней бюджетной системы, а также разрешалась передача расходных полномочий по взаимной договоренности от выше к ниже стоящему бюджету с соответствующей передачей доходов на их финансирование. Делегирование расходных полномочий можно рассматривать как меру, направленную на повышение эффективности использования бюджетных средств, если в результате этого происходит снижение расходов на предоставление соответствующих бюджетных услуг. Однако на практике этот процесс пошел в изначально непредсказуемом направлении с изначально предсказуемыми последствиями:

- делегирование расходных полномочий на практике чаще всего осуществляется не в результате взаимной договоренности, а в одностороннем порядке; федеральными нормативными и правовыми актами;
- с течением времени увеличивается перечень и объем расходных полномочий, передаваемых с выше на ниже стоящий уровень бюджетной системы. Всего, по расчетам Института реформирования общественных финансов, на начало 2013 г. на уровень субъектов РФ было передано 112 полномочий (обязательств) социального характера, ранее относившихся к предметам ведения Российской Федерации [4, с. 12];

¹ Финансы России — 2012 : статистический сборник. Федеральная служба государственной статистики РФ [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_51/lssWWW.exe/Stg/02-14.htm

² Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 03.02.2015) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173444/

- финансовое обеспечение передаваемых расходных полномочий осуществляется чаще всего в форме субсидий. Из этого следует, что расходные обязательства федерального бюджета частично должны финансироваться из бюджетов субъектов Федерации и муниципальных образований;
- бюджетная обеспеченность передаваемых полномочий не всегда является полной. Так, еще в 2006 г. в целом по России недостаток средств на исполнение субъектами Федерации государственных полномочий составил, по оценкам Счетной палаты РФ, около 300 млрд руб. [Там же, с. 13];
- делегирование расходных полномочий увеличивает объем работ на ниже стоящем уровне бюджетной системы, что требует их дополнительного финансирования, доплаты действующим работникам или приема на работу новых. Но эти расходы изначально не принимаются во внимание.

Разбалансировка бюджетной системы по горизонтали

Важнейшим принципом бюджетного федерализма является принцип соответствия финансовых ресурсов каждого уровня бюджетной системы закрепленным за ним расходным полномочиям. Однако реализовать этот принцип на практике чрезвычайно сложно. Дело в том, что, несмотря на единый набор налоговых источников бюджетных доходов для субъектов Федерации (муниципальных образований) объем бюджетных доходов по регионам и территориям существенно различается вследствие неодинакового уровня их экономического развития. На долю самых богатых регионов с 10% постоянно проживающего населения страны в 2012 г. приходилось 28,6% бюджетных доходов, а на долю самых бедных регионов — только 3,4%. Таким образом, децильный коэффициент по собственным доходам бюджетов в 2012 г. был равен 8,4. Разрыв между самым богатым регионом (Ненецким АО) и самым бедным (Республикой Ингушетия) в 2012 г. составил более 44,2 раза [5, с. 26]. По данным министра финансов РФ А. Г. Силуанова, фактический уровень бюджетной обеспеченности до применения механизма бюджетного выравнивания отличался в 17,5 раз [1, с. 65].

Вследствие природно-климатических и географических причин различаются и расходы регионов и территорий, несмотря на единство предметов ведения и расходных полномочий. Поэтому бюджеты одних регионов и территорий являются профицитными, а другие дефицитными. Причем явно преобладают дотационные (с дефицитом бюджета) регионы и территории. Настораживает в данной ситуации не столько факт диспропорции в соотношении бюджетных доходов и расходов бюджетов субъектов Федерации (муниципальных образований), сколько тенденция: разрыв в уровне экономического развития регионов и территорий с течением времени нарастает.

Соотношение темпов роста показателей экономического развития (реальные располагаемые денежные доходы населения, объем инвестиций в основной капитал, объем налоговых и неналоговых доходов консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации) по 10 субъектам Российской Федерации с наибольшим значением и 10 субъектам Российской Федерации с наименьшим значением этих показателей в 2013 г. составляло 1,35, и в соответствии с проектом государственной программы «Региональная политика и федеративные отношения» это соотношение планируют снизить к 2020 г. до 1,1.

Число дотационных регионов увеличивается. Еще в 2007 г. количество регионов, не получающих дотации на бюджетное выравнивание, составляло 19. В 2009 г. оно снизилось до 13, в 2011 г. — до 11. В 2013 г. их осталось только 10 [5, с. 29]. Разбалансировка бюджетной системы по горизонтали наблюдается и на местном уровне. Число дотационных муниципальных образований по разным оценкам колеблется от 85 до 97%.

Проблема диспропорции в соотношении бюджетных доходов и расходов бюджетов регионов и территорий существует во всех странах с федеральным устройством государства, правда с разной степенью остроты. И решается эта проблема за счет приведения в действие механизма бюджетного выравнивания. Разделяют горизонтальное и вертикальное бюджетное выравнивание. В Германии преимущественно используется механизм горизонтального, а в России — вертикального бюджетного выравнивания. Вертикальное бюджетное выравнивание означает перечисление бюджетных средств (бюджетных трансфертов) от выше к ниже стоящим бюджетам в форме дотации, субсидии и субвенций.

Несовершенство системы бюджетного выравнивания

В последние годы изменилась структура системы финансовой помощи:

- уменьшилась доля средств, выделяемых на межбюджетное выравнивание, и увеличилась доля, распределяемая в рамках целевых государственных программ.
- в структуре бюджетных трансфертов, выделяемых на межбюджетное выравнивание, наметилась тенденция сокращения доли дотаций за счет роста доли субсидий и субвенций. Доля дотаций в межбюджетной помощи из года в год уменьшается (табл. 2).

Через субсидии федеральный центр стимулирует субъекты Федерации выполнять общегосударственные, а не местные задачи. Это, во-первых. А во-вторых, регионы вынуждены тратить собственные бюджетные средства на софинансирование тех мероприятий, на которые выделяются эти субсидии. В итоге в бюджетах остается меньше средств на реализацию собственных приоритетов регионов. Поэтому для регионов более значимыми являются дотации;

- увеличилось количество видов субсидий. По данным Силуанова, количество видов субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации в последние годы выросло с 17 до 92 [1, с. 66], по другим данным, с 2005 по 2011 г. оно увеличилось с 62 до 107 [5, с. 26]. Разной в подсчете количество видов субсидий говорит об отсутствии системы их предоставления;
- часть дотаций также стала носить целевой характер, что противоречит содержанию данного типа помощи (примером являются дотации, выделяемые в рамках Программы реформирования ЖКХ).

В государственной программе «Создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами, повышения устойчивости бюджетов субъектов Российской Федерации», утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 18 марта 2013 г. № 376-р, предусматривается увеличение доли дотаций в распределяемой помощи до 42% в 2020 г. Здесь же намечено снижение количества субсидий — с 110 в 2012 г. и с 93 в 2013 г. до 42 в 2020 г.;

- отсутствие логичной системы предоставления бюджетных трансфертов. Региональная политика реализуется с помощью разносторонней и сложной системы межбюджетных трансфертов, которая в 2013 г. включала предоставление из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации 14 видов дотаций, 96 видов субсидий, 25 видов субвенций и 42 вида иных межбюджетных трансфертов;¹
- 3) система выравнивания бюджетной обеспеченности регионов отличается недостаточной прозрачностью и вследствие этого низкой эффективностью. В основе распределения дотаций из Федерального фонда финансовой поддержки субъектов РФ лежит расчет уровня бюджетной обеспеченности региона, определяемого

¹ Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации, 2014 г., № 10. С. 155.

Доля дотаций в бюджетных трансфертах [5]

Год	2005	2007	2009	2010	2011	2012
Доля дотаций, %	69,5	54,3	39	37,4	34,3	32,2

как отношение индекса налогового потенциала к индексу бюджетных расходов региона, которые могут рассчитываться по-разному. Регионам выгодно налоговый потенциал занижать, а уровень планируемых расходов завышать. Поэтому в России в течение ряда лет наблюдается неуклонное увеличение количества регионов — получателей дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности;

- 4) Приоритетом межбюджетных отношений в последние годы стало замещение трансфертного финансирования долговым. В 2009–2013 гг. выделение межбюджетных трансфертов оставалось практически на одном уровне, а привлечение кредитов выросло в 2 раза [3, с. 14].

Несовершенство системы бюджетного выравнивания демонстрирует тенденцию к увеличению дефицита региональных бюджетов. С дефицитом исполнены в 2013 г. бюджеты 77 регионов (в 2012 г. — 67, в 2011 г. — 57). Из них в 35 регионах дефицит превысил 15% объема налоговых и неналоговых доходов консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации, а у 10 субъектов Российской Федерации дефицит 25%.¹

В докладе Счетной палаты по мониторингу региональных бюджетов за 2013 г. констатируется: «Итоги исполнения консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации в 2013 году отражают тенденцию замедления экономического роста в регионах, а также несбалансированность и неустойчивость исполнения бюджетов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований»².

Возникновение и рост государственного долга субъектов РФ

На научно-практической конференции «Бюджетный федерализм: итоги и перспективы», которая прошла в конце марта 2014 г. в Совете Федерации, председатель Совета Федерации В. И. Матвиенко обратила внимание участников на то, что закрепление полномочий за нижестоящими органами государственной власти происходит без должной оценки их реальных финансовых возможностей. В связи с этим многие регионы сталкиваются с серьезными финансовыми проблемами. Объемы выделяемых из федерального центра субсидий и субвенций, как правило, не покрывают расходы, необходимые регионам и муниципалитетам. Большая часть региональных бюджетов перенапряжена. Для выполнения текущих обязательств субъекты Федерации вынуждены сокращать инвестиционные расходы и увеличивать долговые обязательства. Это тупиковый путь. Только по итогам 2012 г. объем государственного долга регионов увеличился почти на 400 млрд руб. [1, с. 65].

В течение 2008–2013 гг. объем государственного долга субъектов Федерации увеличился в 3 раза — с 0,6 до 2 трлн руб. На его погашение регионы вынуждены направлять около трети собственных бюджетных ресурсов. По итогам 2013 г. близкий к критическому уровень долговой нагрузки (свыше 70% собственных бюджетных доходов) имели 27 регионов. Это в 2 раза больше, чем в 2012 г. (табл. 3) [3, с. 13].

Необходимо отметить увеличение доли кредитов от кредитных организаций, иностранных банков и международных финансовых организаций (с 32,6% по со-

¹ Там же.

² Там же.

Государственный и муниципальный долг консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации в 2008–2014 гг.*

Год	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2013 к 2008, раз	На 1 сентября 2014 г.
Долг, млрд руб.	600	1025	1266	1387	1597	2026	3,4	2005,1
В % собствен- ных доходов	12,2	24,0	25,4	23,8	25,0	30,8	18,6 п. п.	28,6

Примечание: * Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации, 2014 г., № 10. С. 155.

стоянию на 1 января 2013 г. до 39,8% по состоянию на 1 января 2014 г.), что обуславливает рост расходов по их обслуживанию. В 2013 г. расходы на обслуживание государственного и муниципального долга субъектов Российской Федерации увеличились по сравнению с 2012 г. на 22,2% и составили 91,2 млрд руб., или 1,4% налоговых и неналоговых доходов (в 2012 г. — 1,2%).¹ Вследствие девальвации курса рубля рост расходов на обслуживание государственного долга субъектов РФ в 2014 г. значительно увеличился.

Бюджетная обеспеченность муниципальных образований

Ключевым условием функционирования эффективной модели бюджетного федерализма является максимальная реализация принципа самостоятельности бюджетов разных уровней. Базовым критерием самостоятельности служит наличие собственных доходов, закрепленных законодательством на постоянной или договорной основе. Дело в том, что наличие постоянного, предсказуемого источника доходов позволяло бы региональным и местным органам власти осуществлять среднесрочное и долгосрочное планирование своего социального-экономического развития, повысить бы их экономическую ответственность за исполнение бюджетных полномочий.

Собственная доходная база местных бюджетов (постоянные налоговые и не налоговые доходы) обеспечивает лишь 40 % их расходных обязательств. А собственные налоговые доходы составляют менее пятой части их доходов. Так, например, в общем объеме доходов местных бюджетов в 2012 г. доля межбюджетных трансфертов составляла 61,8% (в 2011 г. — 60,7%).² Следовательно, на долю налоговых и неналоговых доходов местных бюджетов приходилось в 2011 и 2012 г. — 39,3 и 38,2% соответственно.

Минфин по поводу бюджетной обеспеченности местных бюджетов придерживается иной позиции. «Вопросы сбалансированности отдельных муниципальных образований должны рассматриваться не только с позиции финансового обеспечения муниципальных образований закрепленными действующим законодательством налогами, но и с учетом выделяемых из региональных бюджетов межбюджетных трансфертов, которые являются собственными доходами местных бюджетов и направляются на решение вопросов местного значения. В условиях существенного увеличения с 1 января 2006 года количества муниципальных образований это приводит к значительной дифференциации налогового потенциала местных бюджетов, в свя-

¹ Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации // Октябрь. 2014, № 10. С. 155.

² Мониторинг местных бюджетов за 2012 год. С. 7.

зи с чем возникает необходимость выравнивания бюджетной обеспеченности муниципальных образований для осуществления их полномочий для решения вопросов местного значения.»¹ В этой позиции есть своя логика.

Несовершенна система налоговых источников местных бюджетов. За ними закреплены в основном имущественные налоги, в связи с чем у органов местного самоуправления нет стимулов для экономического развития своих территорий. Поэтому целесообразно законодательно закрепить соответствующий процент отчислений, например, от налога на прибыль предприятий, в бюджеты муниципальных образований. При этом должен использоваться принцип единства взимания и использования налоговых доходов для данного территориального сообщества, т. е. налог на прибыль должны платить предприятия, осуществляющие хозяйственную деятельность на данной территории.

В этом случае муниципальные образования будут заинтересованы в появлении на своей территории новых предприятий. Дело в том, что образование новых предприятий ведет к повышению стоимости земельных участков, соответственно повышается арендная плата. Растет занятость населения, и соответственно растут налоговые поступления от НДФЛ в местный бюджет. Повышение уровня благосостояния граждан ведет к приобретению ими дорогостоящего имущества, а соответственно к росту доходов от налога на имущества физических лиц.

В структуре межбюджетных трансфертов велика доля средств, передаваемых с целью финансового обеспечения исполнения органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в форме субвенций из федерального и региональных бюджетов. Эта доля составляла 39,6% в 2011 г. и увеличилась до 46,1% в 2012 г.² Следовательно, на решение вопросов местного значения муниципальным образованиям выделяется немногим более половины бюджетных трансфертов.

Следует отметить рост количества передаваемых муниципальным образованиям государственных полномочий. Так, в 2011 г. 15 полномочий было передано на местный уровень четырьмя субъектами РФ и в 2012 г. — пятью.³ В Федеральном законе № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» при описании механизма межбюджетных трансфертов в регионе городские округа и муниципальные районы идут одной группой, что не совсем правильно. Дело в том, что бюджеты городских округов традиционно имеют большую устойчивость по отношению к бюджетам муниципальных районов. В 2012 г. наименее дотационными являлись городские округа, в бюджетах которых удельный вес дотаций в собственных доходах составил 6,7%, в бюджетах поселений и муниципальных районов, соответственно, 21,1 и 20,9%.⁴

Распределение неналоговых доходов по типам муниципальных образований также осуществляется неравномерно. В 2012 г. основной объем неналоговых доходов (63,0%) поступил в бюджеты городских округов, доля неналоговых доходов муниципальных районов составляет 23,6% и поселений — 13,4%.⁵ Следует также отметить, что муниципальные районы из своего бюджета оказывают финансовую помощь поселениям; вынуждены принимать на себя их бюджетные полномочия, когда в силу ряда причин они не могут самостоятельно осуществлять бюджетный процесс.

Остро стоит и проблема иждивенчества. Она может решаться стимулированием роста налоговой базы регионов и территорий. Доходная база регионов и террито-

¹ Доклад Минфина за 2007 г.

² Мониторинг местных бюджетов за 2012 год. С. 8.

³ Там же, с. 10.

⁴ Там же, с. 13.

⁵ Там же, с. 6.

рий складывается из налоговых и неналоговых доходов, а также безвозмездных перечислений. При этом налоговые доходы подразделяются на: постоянные — доходы от местных (региональных) налогов и отчисления от вышестоящих налогов, закрепленных на постоянной основе; регулирующие — т. е. доходы от вышестоящих налогов, нормативы отчислений от которых меняются из года в год.

Иждивенчество региональных и местных органов власти провоцируют безвозмездные перечисления, ибо здесь действует принцип — чем беднее регион или территория, тем больше размер финансовой помощи. Поэтому нет стимула развития. Регулирующие доходы дают некоторый стимул развития, ибо величина доходов определяется не только нормативом отчислений, но и размером налогооблагаемой базы. Однако нормативы отчислений могут пересматриваться из года в год, в том числе уменьшаться с ростом налогооблагаемой базы, что уменьшает стимулирующий фактор. Регулирующие налоговые доходы эффективнее безвозмездных перечислений. Но у них есть недостаток. Безвозмездные перечисления имеют адресный характер. А нормативы отчислений от вышестоящих налогов едины для всех регионов и территорий. А почему бы их не сделать дифференцированными и удлинить срок их действия на несколько лет? При этом для дотационных регионов и муниципальных образований заложить снижение норматива по годам для стимулирования увеличения налоговой базы, а для регионов и муниципальных образований, у которых налоговая база растет, сделать неизменными эти нормативы в течение определенного периода времени.

В методику расчета объемов дотаций Фонда финансовой поддержки регионов (ФФПР) с 2007 г. были внесены изменения по расчету индекса налогового потенциала, направленные на то, чтобы для регионов, которые достигли более высоких показателей социально-экономического развития и смогли увеличить свой налоговый потенциал выше среднероссийского уровня, объем федеральных дотаций не сокращался. В 2013 г. четыре региона оставались получателями дотаций из федерального фонда финансовой поддержки регионов без снижения их объема благодаря действующему механизму.

Подводя итог, отметим, что первичная причина всего комплекса проблем межбюджетных отношений лежит, на наш взгляд, в политической сфере — в реализации принципа укрепления вертикали власти. Приносит ли этот принцип политические дивиденды — это один вопрос. Но проблематика межбюджетных отношений как минимум не разрешается. Более того, бюджетная система России все более деформируется и дрейфует в направлении бюджетной системы СССР, т. е.:

- федеральный бюджет все более становится бюджетом регионального финансирования, а региональные бюджеты — муниципального финансирования;
- государство через федеральный бюджет становится доминирующим инвестором. Бремя перевода российской экономики на инновационный путь развития ложится опять же на федеральный бюджет;
- государство все более берет на себя всю полноту ответственности за состояние экономики и социальной сферы, в том числе по регионам и муниципальным образованиям.

Литература

1. Бюджетный федерализм: России нужна новая концепция межбюджетных отношений // Финансы. 2014. № 4.
2. Забавина Ю. Потеря кормильцев // Новые известия. 2013. 29 апр.
3. Ильин В. Бюджетный кризис регионов как отражение неэффективности отжившей модели экономики // Экономист. 2014. № 12.
4. Климанов В. В. Передача расходных обязательств и проблемы их финансового обеспечения // Финансы. 2013. № 5.

5. Малкина М. Ю. Анализ и оценка выравнивающего эффекта межбюджетных трансфертов в Российской Федерации в 2000–2012 годах // Финансы и кредит. 2014. № 22(598). С. 23–34.

References

1. *Budgetary federalism: Russia needs the new concept of the interbudgetary relations* [Byudzhetniy federalizm: Rossii nuzhna novaya kontsepsiya mezhyudzhethnykh otnoshenii] // Finance [Finansy]. 2014. N 4.
2. Zabavina Yu. *Loss of supporters* [Poterya kormil'tsev] // New Izvestia [Novye izvestiya]. 2013. 29 apr.
3. Ilyin V. *The budgetary crisis of regions as reflection of an inefficiency of the become obsolete economy model* [Byudzhetniy krizis regionov kak otrazhenie neeffektivnosti otzhivshei modeli ekonomiki] // Economist. 2014. N 12.
4. Klimanov V. V. *Transfer of account obligations and problem of their financial security* [Peredacha raskhodnykh obyazatel'stv i problemy ikh finansovogo obespecheniya] // Finance [Finansy]. N 5. 2013.
5. Malkina M. Yu. *The analysis and assessment of the leveling effect of the interbudgetary transfers in the Russian Federation in 2000–2012 years* [Analiz i otsenka vyravnivayushchego effekta mezhyudzhethnykh transfertov v Rossiiskoi federatsii v 2000 — 2012 godakh] // Finance and Credit [Finansy i kredit]. 2014. N 22(598). P. 23–24.

Перекрест В. Т., Курзенов В. А., Перекрест И. В.

Концептуально-аналитическое моделирование рынка труда России

Перекрест Владимир Терентьевич

Санкт-Петербургский экономико-математический институт РАН (Санкт-Петербург)
Заведующий лабораторией
Доктор физико-математических наук, старший научный сотрудник
Vladimir_Perekrest@emi.nw.ru

Курзенов Владимир Анатольевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры бизнес-информатики, математических и статистических методов
Доктор технических наук, профессор
kurzenev@szags.ru

Перекрест Игорь Владимирович

Санкт-Петербургский экономико-математический институт РАН (Санкт-Петербург)
Научный сотрудник

РЕФЕРАТ

Рассмотрены вопросы разработки информационно-аналитического инструментария для решения задач государственного регулирования региональных рынков труда (РРТ) (на примере Санкт-Петербурга) и рынка труда РФ в целом. Предложены методы оценки уровня и структуры региональной безработицы, потенциала ее формирования и развития. Рынок труда рассматривается как пространственная экономическая система, для исследования которой предложены методы эконометрического сопоставления РРТ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

институциональная безработица, баланс трудовых ресурсов, профессионально-квалификационная структура рабочей силы, профессиональное образование, трудовая миграция

Perekrest V. T., Kurzenev V. A., Perekrest I. V.

Conceptual and Analytical Modeling of Labor Market of Russia

Perekrest Vladimir Terentievich

Saint-Petersburg Economic-Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Head of the laboratory
Doctor of Science (Physics and Mathematics), Professor
Vladimir_Perekrest@emi.nw.ru

Kurzenev Vladimir Anatolyevich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of Business-Informatics, Mathematic and Statistic Methods
Doctor of Science (Technical Sciences), Professor
kurzenev-va@szags.ru

Perekrest Igor Vladimirovich

Saint-Petersburg Economic-Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Research Associate

ABSTRACT

Questions of development of information and analytical tools for the solution of problems of state regulation of the regional labor markets (RLM) (on the example of St. Petersburg) and labor market

of the Russian Federation in general are considered. Methods of an assessment of level and structure of regional unemployment, potential of its formation and development are offered. Labor market is considered as spatial economic system for which research methods of econometric comparison of RRT are offered.

KEYWORDS

institutional unemployment, balance of a manpower, vocational structure of labor, professional education, labor migration

Прикладные задачи создания математического инструментария и информационно-аналитических технологий для регулирования РРТ и рынка труда РФ условно можно разбить на две группы: 1) задачи анализа и прогнозирования ситуации на РРТ (в статье будет рассмотрено ее решение на примере рынка труда Санкт-Петербурга); 2) задачи создания системы исчисления структурного баланса трудовых ресурсов.

Первая группа включает оценку уровня и структуры региональной безработицы, потенциал ее формирования и развития, разработку научного обоснования развития институтов трудовой мобильности рабочей силы. Решению задач этой группы и посвящена настоящая статья. Одним из основных методических инструментов здесь является зона риска, вводимая для РРТ. Индикаторы зоны риска позволяют для каждого представителя как экономически активного, так и неактивного населения региона оценить степень его принадлежности к потенциалу развития негативных явлений (потенциал безработицы, в том числе — регистрируемой) для различных сценариев регионального социально-экономического развития.

Общие модельные требования

Предлагаются системные и технологические принципы эконометрического моделирования РРТ как социально-экономических систем регионального уровня¹. Рынок труда России представляется как совокупность РРТ субъектов РФ с отражением ключевых индикаторов:

- процессов занятости и безработицы;
- потребности в кадрах на приоритетных направлениях экономического развития;
- деятельности системы профессионального образования и подготовки; миграционной политики и пр. — в рамках официальной статистической информации и правового поля.

В качестве типового примера РРТ анализируется региональный рынок труда Санкт-Петербурга [3].

Ниже рассматриваются задачи моделирования развития РРТ, которые, хотя и принадлежат единому экономическому пространству, но, вообще говоря, не образуют единого рынка труда. При этом в качестве характеристических, необходимых условий единого рыночного пространства рассматриваются:

- принцип «демократичности» доступа к трудовым ресурсам для всех экономических агентов на всем экономическом пространстве, даже при неоднородном распределении в этом пространстве человеческого капитала²; при этом струк-

¹ В этом контексте последний может трактоваться как объект пространственной экономики — см., напр.: [16].

² При этом отметим следующие важные задачи: измерение человеческого капитала, процессов капитализации, а также оценка его влияние на формирование личных и общественных конкурентных преимуществ на рынке труда.

тура межрегионального распределения человеческого капитала может оставаться неизменной и являться константой экономического пространства;

- принцип «демократичности» трансформации рабочей силы, понимаемый как одинаковые возможности трудовой мобильности (профессиональной и территориальной — межрегиональной) для территориальных единиц экономического пространства;
- принцип «прозрачности» процессов взаимодействия для основных участников, действующих на рынке труда;
- наличие единой информационно-технологической и организационно-методической инфраструктуры, адекватной основным целям и задачам рассматриваемого рыночного пространства.

Выполнение указанных принципов не означает однородность единого рынка труда относительно системы его локальных компонент, в качестве которых будут рассматриваться РРТ. Одной из важнейших задач анализа общего рынка труда является типологизация (функциональная, проблемно-тематическая и т. п.) РРТ с целью выявления различных типов функциональной специализации: трудоизбыточные и трудонедостаточные регионы, регионы с трансформационной специализацией (центры профессионального образования) и т. п.¹

Рассматриваемую пространственную экономическую систему рынков труда субъектов РФ будем называть квазирынком, поскольку она не удовлетворяет ряду приведенных выше необходимых условий [3; 4]. Примеры исследования подобных экономических систем — квазирынков труда и национальной инновационной системы РФ методами классификационно-типологического анализа приведены в [4; 7; 10].

В дальнейшем для рассматриваемых рынков труда используется единая концептуальная схема, в основе которой лежит следующая система понятий и обозначений. Для произвольного РРТ в указанном контексте будет использоваться обозначение $LM = (D, O, I; R_p, R_s)$. В этом представлении рынок труда понимается как упорядоченная совокупность основных институтов (объектов, экономических агентов и т. п.), а также отношений (зависимостей, взаимосвязей и т. п.) между ними (табл. 1).

Основная цель посредников и регуляторов — формирование такой системы взаимодействия объектов рынка труда, чтобы баланс спроса и предложения на нем был бы в определенном смысле оптимальным. Достижение этой цели при трансформации системы РРТ в единое рыночное пространство приводит к некоторому терминальному (стационарному) состоянию рынка труда, которое можно рассматривать как результат процесса «глобализации» — объединения неоднородной системы региональных рынков труда в единое рыночное пространство². В этом случае рынок труда России рассматривается как система РРТ, объединенных в сферу занятости РФ, а развитие национального рыночного пространства сводится к формированию интегрированного рынка, сегментированного по административно-территориальному основанию. Основными субъектами развития являются институты государственного регулирования и саморегулирования.

¹ Вообще говоря, наличие единого рыночного экономического пространства как объекта пространственной экономики предполагает гармонизацию процессов территориального перемещения: инновационных технологий; рабочей силы; товаров и услуг; ресурсов разного рода и ряда других, а также гармонизацию территориальных нормативно-правовых полей.

² Одним из вариантов «глобализации» в рамках единого экономического пространства с неоднородной системой РРТ может являться «замораживание» указанных различий и использовании возникающей разницы «экономических потенциалов», т. е. использование региональных особенностей и межрегиональных различий в действующем законодательстве, стоимости и качестве рабочей силы и т. п.

Соответствие обозначений

Обозначение	Институт	Представитель
<i>D</i>	Спрос	Хозяйствующие субъекты — рабочие места
<i>O</i>	Предложение	Рабочая сила — экономически активное население (ЭАН)
<i>I</i>	Посредничество	Государственная служба занятости (ГСЗ), рекрутерские фирмы
<i>R_p</i>	Государственное регулирование	Органы государственной власти (ОГВ) — исполнительные, законодательные и пр.
<i>R_s</i>	Саморегулирование	Общественные и частно-государственные организации, негосударственные агентства по подбору персонала, рекрутерские фирмы и т. п.

Баланс спроса и предложения как индикатор институциональной безработицы

На протяжении кризисных и посткризисных периодов 1998–2004 и 2008–2012 гг. основной проблемой занятости в России являлась институциональная безработица. Она характеризовалась структурным дисбалансом спроса и предложения, несоответствием структуры трудового потенциала потребностям развивающейся экономики¹. Эти проблемы по-прежнему сохраняются и носят институциональный характер, а указанные периоды выявили ряд существенных недостатков в государственном регулировании сферы занятости России [11]. Это — отсутствие эффективной политики на рынке труда, нацеленной на развитие институтов посредничества и саморегулирования, обеспечивающих трудовую мобильность рабочей силы как профессиональную, так и связанную с процессами межрегионального трудоустройства.

Следует обратить внимание на сходство ситуации на рынке труда Санкт-Петербурга в указанные посткризисные периоды по ряду существенных статистических показателей (табл. 2). Однако существуют и различия. Во-первых, имеет место существенное увеличение численности населения в возрасте, установленном для измерения экономической активности (от 15 до 72 лет). Возможно, это произошло за счет трудовой миграции (в основном — иммиграции)². А во-вторых — существенное снижение уровня общей и регистрируемой безработицы³.

Особенностью институциональной безработицы является сочетание большого количества незамещенных (вакантных) рабочих мест и относительно высокого уровня общей региональной безработицы. При этом в качестве индикатора безработицы рассматривается уровень дисбаланса спроса и предложения (дефицита кадров) на региональном рынке труда. Так, например, в 2003 г. на предприятиях Санкт-Петербурга было трудоустроено около 420 тыс. работников. При этом в целом на 10 трудоустройств приходилось 18 ищущих работу, из которых 13 были безработными (по

¹ См., напр.: Концепция действий на рынке труда на 2003–2005 гг. : протокольное решение Правительства РФ от 17 апреля 2002 г.

² При этом, если учитывать повышенный уровень экономической активности этого контингента, то получаем справедливость вывода о снижении экономической активности «традиционного» постоянного населения.

³ Вместе с тем следует отметить, что проведенные в 2012 г. исследования рынка труда Санкт-Петербурга показывают, что потенциал указанных видов безработицы весьма велик, превосходя более чем в два раза их официальные численности.

**Официальные статистические данные,
характеризующие сферу занятости Санкт-Петербурга в целом**

Наименование показателя	2003*	2012**
Численность населения в возрасте 15–72 лет, тыс. чел.	3641	3922,9
Численность ЭАН, тыс. чел.	2483	2674,2
Уровень экономической активности, %	68,2	68,2
Численность не ЭАН (возраст 15–72), тыс. чел.	1158	1248,7
Численность безработных по критериям МОТ (общая безработица), тыс. чел.	102	27,6
Уровень общей безработицы, % ЭАН	4,1	1,0
Численность безработных, зарегистрированных ГСЗ, тыс. чел.	19,9	10,6
Численность безработных, зарегистрированных ГСЗ, % ЭАН	0,8	0,4
Отношение численности общей безработицы к объему регистрируемой	5,1	2,6
Численность населения, занятого в экономике, тыс. чел.	2381	2646,6

* См.: [12, с. 22].

** Комитет по труду и занятости населения Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. URL: http://gov.spb.ru/gov/otrasl/kom_zan/ (дата обращения: 22.09.2012).

критериям МОТ). Для ряда профессиональных сегментов (укрупненных групп профессий) наблюдался дефицит кадров — технические служащие, квалифицированные рабочие сквозных специальностей (6–8 предложений на 10 вакансий). Для остальных профессиональных сегментов предложение рабочей силы превосходило спрос (в два-три раза), в том числе — для квалифицированных работников отраслевых технологических специальностей — в два раза (в 1,5 раза — для безработных) [12, с. 11].

Согласно результатам исследований рынка труда Санкт-Петербурга, проведенных Комитетом по труду и занятости населения (КТЗН) Санкт-Петербурга в 2012 г. [15], дефицит кадров наблюдался для обеих укрупненных групп квалифицированных рабочих: 3 предложения на 10 вакансий — для отраслевых специальностей и 5 — для сквозных. Особенно выраженным кадровый дефицит был для строительных профессий: 1 предложение на 10 вакансий для строителей-монтажников и 2 предложения — для строителей-отделочников.

Рассмотренные кризисные периоды выявили ряд недостатков в государственном регулировании сферы занятости России. Прежде всего, это отсутствие эффективной политики на рынке труда, нацеленной на развитие необходимых институтов посредничества и саморегулирования, обеспечивающих трудовую мобильность рабочей силы, а также котировку рабочей силы, соответствующую требованиям рынка труда. В этом контексте в статье рассматриваются информационно-аналитические аспекты следующих двух задач государственного регулирования РРТ, связанных с общей проблемой структурного рассогласования спроса и предложения на локальных рынках труда РФ:

- 1) создание единого рыночного пространства РФ в сфере занятости и развитие необходимых институтов посредничества и саморегулирования;
- 2) оценка объема и структуры спроса и предложения на РРТ с необходимым уровнем детализации (профессионально-квалификационная сегментация рабочей силы и пр.), оценка возможной трансформации рабочей силы (под воздействием социальных и демографических факторов профобразования, пер-

вичного вступления на рынок труда и трудовой миграции — межрегиональной и иммиграции).

Особая важность указанной проблематики связана с задачами формирования и прогнозирования баланса трудовых ресурсов России (где неприменимы «точечные» модели). В этом случае можно использовать типологические модели, адекватно представляющие всю систему РРТ субъектов РФ в виде набора базовых (типовых) РРТ. Для последних разрабатываются типовые технологии формирования и прогнозирования региональных балансов трудовых ресурсов, совокупность которых и позволяет решить поставленную задачу для страны в целом.

Далее обсуждаются различные аспекты сравнительного анализа состояний РРТ России [4], а также механизмы повышения ликвидности РРТ и создания единого рынка труда России в рамках общего процесса инкорпорирования РРТ в единое рыночное пространство России. При этом предлагается модель оценки реализованного спроса с помощью репрезентативного обследования населения [5; 6; 8; 9; 13; 14] в сочетании с анализом регионального банка вакансий [12].

Индикативные модели оценки состояния РРТ

В предлагаемых подходах используется опыт мониторинга рынка труда Санкт-Петербурга [5; 12; 13], в рамках которого проводились выборочные обследования населения Санкт-Петербурга в возрасте 15–72 лет¹, для этой цели обеспечивалась статистическая представительность по основаниям: 1) возрастно-половая и 2) образовательная структура; 3) социально-профессиональный статус; 4) основные структурные характеристики РРТ. При этом применялись специальные математические методы репрезентирования выборочных данных с использованием процедур многомерного взвешивания [8; 9].

При разработке моделей государственного регулирования РРТ на основе результатов мониторинга применялась достаточно простая аналитика (индикативные и экстраполяционные методы) и продвинутое информационные технологии². Так, при исследовании нестационарных, быстроменяющихся процессов социально-экономического развития использовались методы оценивания потенциала развития негативных тенденций, распространенности ключевых феноменов и т. п. на РРТ, а при построении прогнозных оценок — сценарные технологии.

Характерным примером такого подхода является зона риска рынка труда Санкт-Петербурга [2; 12]. Рассмотрение ее индикаторов связано с тем, что при исследовании проблем безработицы важную роль играют неэффективная занятость — скрытая безработица и потенциал формирования наблюдаемой безработицы. Их изучение и анализ позволяет осуществлять индикацию процессов формирования и роста (смягчения) социальной напряженности. Основной инструмент анализа указанных явлений — зона риска рынка труда, которая подразделяется на следующие основные уровни:

А. Критическая зона РРТ (КЗРТ) — зона риска РРТ I уровня — часть ЭАН, которая оказалась в сложном материальном положении из-за полного или частичного отсутствия работы или низкого уровня ее оплаты. КЗРТ — зона социального и экономического неблагополучия, ее размер — индикатор масштабов «социальной проблемности» РРТ:

[с/з³ 1] лица, имеющие официальный статус безработного, со среднедушевым доходом в семье (СДДС) ниже прожиточного минимума (ПМ);

¹ Возраст, установленный в РФ для измерения экономической активности населения.

² «Продвинутое» и методически сложные модели анализа данных применялись для ретроспективного анализа данных мониторинга и при сравнительном анализе результатов реализации различных сценарных подходов развития конъюнктуры.

³ С/з — субзона.

- [с/з 2] безработные по критериям МОТ, не имеющие официального статуса, — со СДДС ниже ПМ;
- [с/з 3] работающие в режиме неполной занятости, не имеющие дополнительного заработка, со СДДС ниже ПМ;
- [с/з 4] занятые полный рабочий день, не имеющие дополнительного дохода с заработной платой ниже ПМ.

Б. Зона риска РРТ II уровня:

- [с/з 5] безработные по критериям МОТ, со СДДС от 1 до 2 ПМ;
- [с/з 6] работающие в режиме неполной занятости, не имеющие дополнительного заработка, со СДДС в пределах от 1 до 2 ПМ;
- [с/з 7] занятые полный рабочий день с заработной платой от 1 до 2 ПМ.

В. «Благополучная» часть ЭАН:

- [с/з 8] Оставшаяся, «благополучная» часть ЭАН.

Динамика основных индикаторов зоны риска РРТ Санкт-Петербурга в 1998–2003, а также в 2012–2013 гг. представлена в табл. 3 и на рис. 1. В частности, рис. 1 указывает на особую роль субзоны 4 в развитии кризисных и посткризисных явлений. Максимальный объем (42% ЭАН) этой субзоны приходится на пик кризиса (1999). К концу кризиса ее объем снижается до 4%. Данные для пика второго кризиса (2008–2009) отсутствуют¹, но характер выхода из кризиса 2008–2012 гг. похож на выход из первого (4 и 3% соответственно для 2012 и 2013 гг. (табл. 3)).

Для индикации и прогнозирования дефицита кадров разработана специальная тематическая профессионально-квалификационная сегментация рынков труда и образовательных услуг. Она реализована в виде классификатора профессиональных групп КППГ-2003, включающего 59 базовых и 7 укрупненных профессиональных групп (УПГ) в соответствии с Общероссийским классификатором занятий [6]. Оценка потребности региональной экономики в специалистах, а также построение прогнозных оценок спроса на рабочую силу и возможности возникновения дефицита кадров определялись для целевых групп в рамках сегментации РРТ.

Идентификация трудоизбыточных и трудонедостаточных сегментов РРТ осуществлялась при ретроспективном анализе массива данных, соответствующего годовому объему выборки, включающему свыше 24 тыс. наблюдений мониторинга, а выявление ситуации кадрового дефицита на этих сегментах — по данным регионального банка вакансий (РБВ) [12; 13].

Статистическая надежность полученных оценок обеспечивалась системой репрезентации, а также большим объемом эмпирической базы: для 1999–2003 гг. — 245–420 тыс. трудоустройств в год. В частности, представительность рассмотренных УПГ достигала от 4 до 34% от общего количества трудоустройств на РРТ за соответствующие периоды. Результаты экстраполяционного прогнозирования для укрупненной профессиональной структуры спроса на РРТ Санкт-Петербурга приведены в [6]. На рис. 2 показан пример результатов анализа динамики структуры спроса на РРТ Санкт-Петербурга для укрупненных профессиональных групп.

В дополнение к традиционным рекомендациям по оценке спроса на рынке труда (через обследование организаций), в исследовании была предложена модель оценивания, основанная на результатах обследования (в режиме мониторинга) населения с использованием в качестве основных тематических индикаторов характеристик реализованного предложения. Результаты реализации такого подхода [6], а также технологии целевой трансформации трудового потенциала субъекта РФ для кадрового обеспечения приоритетных направлений экономического развития региона [14] остаются актуальными².

¹ В 2004–2011 гг. измерения не проводились.

² Это, например, подтверждается анализом ситуации в сфере занятости РФ в кризисной и посткризисной ситуациях с 2008 г. по настоящее время.

**Структура зоны риска рынка труда Санкт-Петербурга
по результатам обследований 2012–2013 гг.**

Категория населения	2012		2013 (1 п/г)	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Зарегистрированный безработный, СДДС* ≤ ПМ**	11,6	0,4	8,65	0,30
Безработный МОТ без регистрации в СЗ, СДДС ≤ ПМ	28,0	1,1	19,1	0,66
Неполная занятость без доп. заработка, СДДС ≤ ПМ	21,57	0,8	29,5	1,02
Полная занятость без доп. дохода, з/п ≤ ПМ	105,8	4,0	79,5	2,75
Безработный МОТ без регистрации в СЗ, СДДС 1–2 ПМ	28,9	1,1	3,2	0,11
Неполная занятость без доп. заработка, СДДС 1–2 ПМ	28,67	1,1	9,06	0,31
Полная занятость без доп. дохода, з/п 1–2 ПМ	388,5	14,8	321,4	11,1
Оставшаяся «благополучная» часть ЭАН	2020,1	76,7	2426,2	83,8
<i>Итого (ЭАН)</i>	<i>2633,1</i>	<i>100,0</i>	<i>2896,7</i>	<i>100,0</i>

* Среднедушевой доход семьи (руб./мес.).

** Прожиточный минимум. Во время обследования использовалось значение ПМ, равное 7,1 тыс. руб.

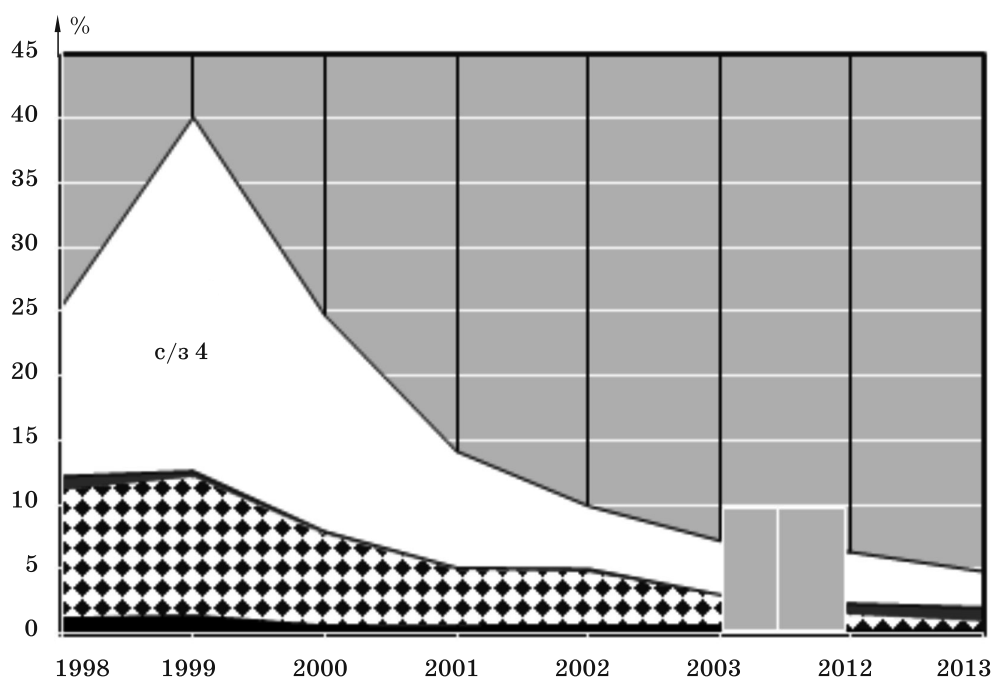

Рис. 1. Экономическая активность населения и структура КЗРТ для Санкт-Петербурга в 1998–2003 и 2012–2013 гг.

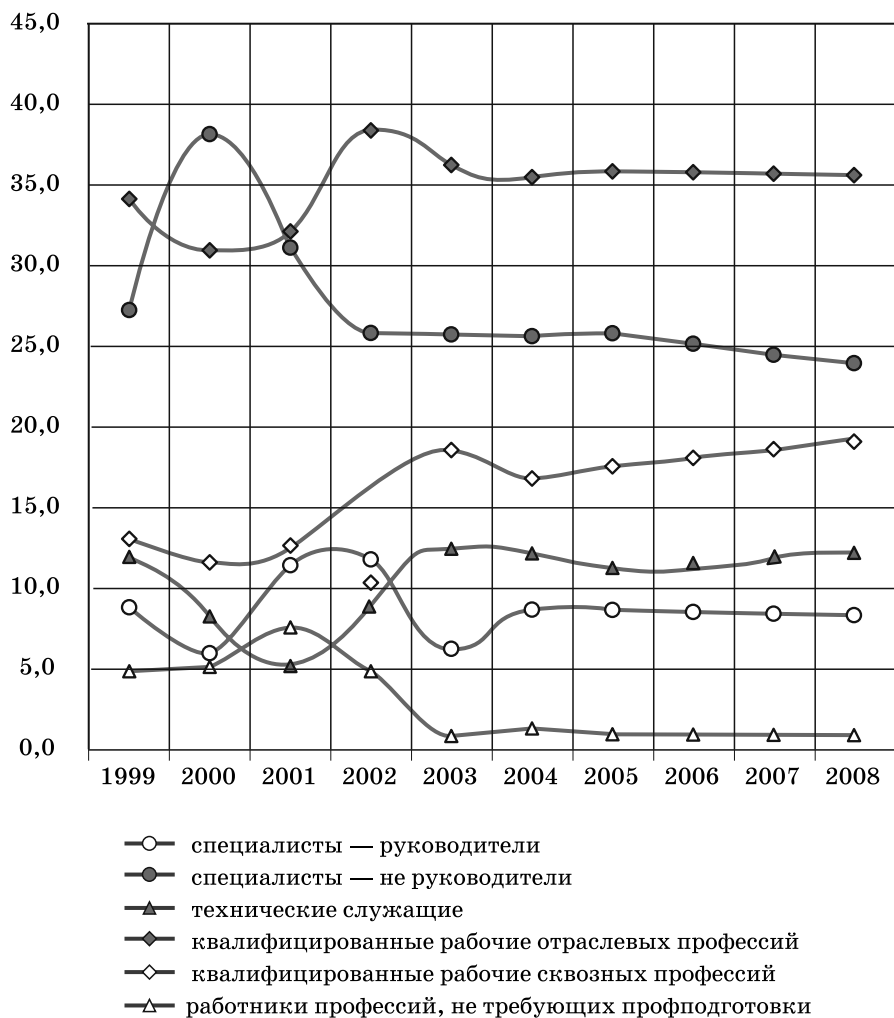

Рис. 2. Тенденции динамики структуры спроса на РРТ Санкт-Петербурга для укрупненных профессиональных групп, тыс. чел.

В частности, рассматриваемые технологии применяются в настоящее время в рамках пакета проектов, реализуемых СПб ЭМИ РАН по заданию Комитета по труду и занятости населения Санкт-Петербурга [11; 15].

Модели эконометрического сопоставления РРТ

Разработка моделей осуществлялась в рамках общей задачи распределения бюджетного ресурса на проведение мероприятий активной политики занятости населения как между субъектами РФ, так и в рамках одного региона — между отдельными целевыми программами содействия занятости населения [4]. Предполагалось, что наиболее перспективный подход к госрегулированию процессов занятости основан на дифференциации методов относительно типов субъектов РФ (объединяющие регионы, близкие по уровню социально-экономического развития и т. п).

Отсюда одна из весьма существенных частных задач — построение тематической (проблемной) типологии РРТ в рамках модели их эконометрического сопоставления.

В качестве информационной основы сравнительного анализа использовалась разработанная тематическая база проблемных индикаторов РРТ России. Методические подходы к ее формированию изложены в [4]. Там же подробно показан процесс построения типологической модели, ее верификации, анализа и содержательной интерпретации. Для построения типологической модели совместно решаются следующие задачи.

1. Представление каждого состояния анализируемых РРТ в виде точки модельного (типологического) пространства — евклидова пространства подходящей (обычно невысокой) размерности.
2. Разбиение всей совокупности состояний РРТ на однородные классы.
3. Анализ структуры взаимосвязи первичных типобразующих признаков и разбиение их на однородные по силе связи группы. (Представление каждой выделенной группы в виде интегрального показателя. При этом интегральные показатели линейно зависят от исходных признаков на каждом выделенном типе РРТ.)

На рис. 3 приведен пример — модельное пространство типологизации в форме двумерной евклидовой плоскости, на которой изображены 169 состояний РРТ для 88 субъектов РФ¹. «Система ориентации» на плоскости типологизации задается с помощью построенных интегральных факторов, представленных на рис. 4. Она включает три существенных типологических фактора. Длина вектора влияния фактора определяет степень его существенности. Верификация построенной модели дает содержательную интерпретацию факторам [4]:

- ф1 — масштабы безработицы и занятости в РФ;
- ф2 — индикатор ослабления контроля над безработицей в регионе;
- ф3 — индекс высвобождения специалистов.

Векторы влияния для типологических факторов позволяют интерпретировать как различные направления на плоскости типологизации, так и крайние положения на ней. В частности, субъекты РФ, расположенные в правом верхнем углу, характеризуются максимальным уровнем безработицы (общей и регистрируемой) и неразвитой инфраструктурой РРТ, в том числе низким уровнем влияния региональной ГСЗ на ситуацию на РРТ. В левой нижней части плоскости расположены те субъекты РФ, для РРТ которых максимально развита инфраструктура РРТ и, как следствие, — минимален уровень безработицы. В левом верхнем углу находятся регионы, в которых размеры регистрируемой безработицы существенны в масштабах России (например, Москва и Дагестан).

В левой части типологической плоскости, ближе к центру, находятся РРТ с наибольшими объемами общей безработицы. В нижней средней части находятся РРТ, для которых среди безработных выявлен наибольший процент высвобожденных, а также лиц с высшим и средним профессиональным образованием.

Движение точки в направлении (против направления), определяемом фактором, указывает на увеличение (уменьшение) степени его проявления и, следовательно, на усиление (ослабление) связанных с ним реальных тенденций на РРТ. Геометрически близкие на типологической плоскости типы объединены в три укрупненных типа РРТ, характеристические свойства которых определяются их расположением на плоскости типологизации (см. рис. 3) и характерными для них значениями типологических факторов (см. рис. 4). При этом используются приведенные выше интерпретации перемещения точек модельного пространства в различных направлениях.

РРТ первого типа включают 48 объектов классификации — состояний РРТ. К первому типу относятся регионы имеющие: объемы безработицы, весьма существен-

¹ Анализировались данные за 2000–2001 гг.

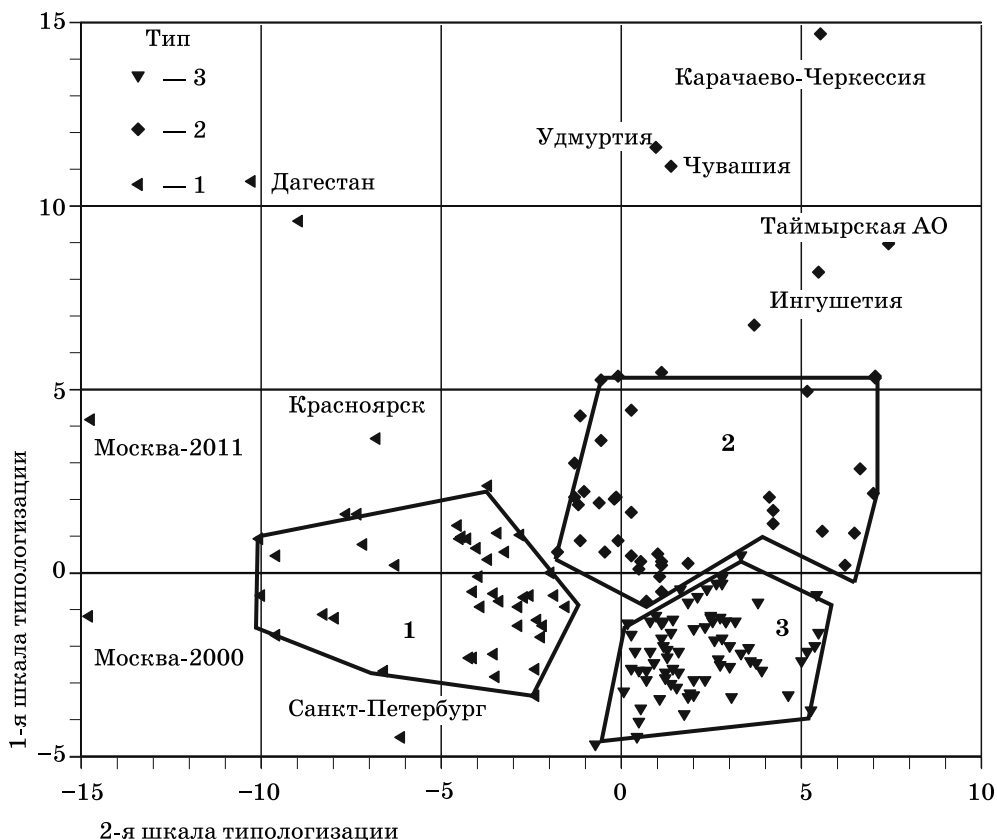

Рис. 3. Положение состояний РРТ на плоскости типологизации

ные в масштабах РФ; относительно низкий уровень безработицы; сравнительно развитую инфраструктуру РРТ; удовлетворительный уровень контроля ГСЗ над РРТ. К ним, в частности, относятся: Москва, Санкт-Петербург, Московская и Свердловская области.

РРТ второго типа — 46 объектов классификации: регионы с высоким уровнем безработицы, ослабленным уровнем контроля региональных органов занятости и относительно неразвитой инфраструктурой РРТ (Архангельская, Владимирская, Мурманская области и др.).

Третий тип РРТ — наиболее однороден, в нем нет уникальных классов. Он включает 75 элементов. Регионы этого типа характеризуются сравнительно небольшими объемами безработицы, средним уровнем региональной безработицы, средним уровнем развития инфраструктуры РРТ и низким уровнем предувольнительных мероприятий, проводимых органами занятости, особенно применительно к группам ОНСЗ¹ (Курская, Калининградская, Ленинградская области и др.).

Разбиение всей совокупности состояний РРТ на три укрупненных типа позволило сформировать группы регионов, однородные с точки зрения возможности разработки для них единых алгоритмов оценки эффективности целевых программ занятости и методики их финансирования [2].

¹ Граждане, особо нуждающиеся в социальной защите.

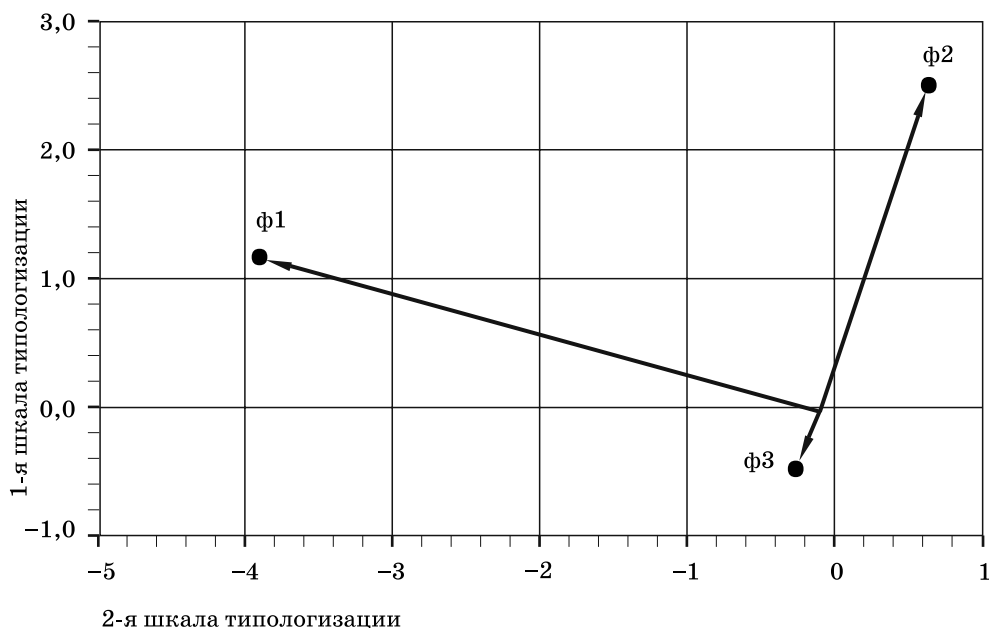

Рис. 4. Векторы влияния для интегральных факторов, характеризующих РРТ России (данные 2000–2001 гг.)

Литература

1. Здравоохранение, образование, культура в Санкт-Петербурге и Ленинградской области в 2011 году : стат. сборник. СПб. : Петростат, 2012. 164 с.
2. Критическая зона рынка труда: размеры, структура и динамика // Мониторинг социально-экономической ситуации и состояния рынка труда Санкт-Петербурга. СПб. : 2000, № 3. С. 53–67.
3. Курзнев В. А., Перекрест В. Т. Моделирование процессов безработицы на рынках труда: проблема концептуальной адекватности и аналитические технологии // Государство и бизнес. Вопросы теории и практики: моделирование, менеджмент, финансы : материалы IV международной конференции. СПб. : Изд-во СЗИУ РАНХиГС, 2012. С. 109–124.
4. Математические модели процессов государственного регулирования регионального рынка труда в условиях экономического роста / Е. М. Ильин, М. А. Клупт [и др.] // Экономико-математические исследования: математические модели и информационные технологии. III. СПб. : Наука, 2003. С. 104–152.
5. Мониторинг занятости: методология, методики, опыт организации / И. Б. Береснева, О. И. Иванов [и др.] // Мониторинг социально-экономической ситуации и состояния рынка труда Санкт-Петербурга. СПб., 1995. № 2. С. 42–45.
6. Особенности прогнозирования структуры спроса на региональных рынках труда в ситуации экономического роста / Е. М. Ильин, М. А. Клупт [и др.] // Экономико-математические исследования: математические модели и информационные технологии. Вып. 4. Ч. 1. СПб. : СПб ЭМИ РАН, 2005. С. 201–263.
7. Перекрест В. Т. Эконометрическое моделирование пространственных экономических систем с помощью технологий многомерного метрического шкалирования // Государство и бизнес. Вопросы теории и практики: моделирование, менеджмент, финансы : материалы III международной конференции. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2011. С. 38–48.
8. Перекрест В. Т. Математико-статистические аспекты применения выборочных статистических наблюдений в задачах моделирования региональных социально-экономических систем // Государство и бизнес. Вопросы теории и практики: моделирование, менеджмент, финансы : материалы II международной конференции. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2010. С. 38–48.

9. *Перекрест В. Т.* Системы статистических эталонов и проблема репрезентативности выборочных статистических наблюдений // Статистическое измерение российской экономики с учетом эволюции международных стандартов : международная научная конференция, 21–22 июня 2011 г. М. : НИУ ВШЭ.
10. *Перекрест В. Т., Шакирова Н. И.* Эконометрическое сопоставление инновационных систем субъектов РФ методами многомерного шкалирования // Управленческое консультирование. 2011. № 3. С. 146–159.
11. Проблемы институциональной безработицы в контексте современных представлений баланса трудовых ресурсов и региональных образовательной и миграционной политик / В. А. Курзенов, В. Т. Перекрест [и др.] // Модели оценки и анализа сложных социально-экономических систем. Харьков : ИНЖЭК, 2013. Русск. яз., укр. яз., англ. яз. С. 322–337.
12. Рынок труда Санкт-Петербурга: структура спроса и банк вакансий / М. А. Клупт, А. Н. Кротов [и др.]. — СПб. : ЦСАОП, 2004. 52 с.
13. Спрос и предложение на региональном рынке труда: методы оценивания // Экономико-математические исследования и информационные технологии II. СПб. : СПб ЭМИ РАН, 2001. С. 208–259.
14. Технологические принципы целевой трансформации трудового потенциала на субфедеральном уровне для приоритетных направлений экономического развития. СПб. : ЦСАОП, 2007. 44 с.
15. *Чернейко Д. С.* Решение проблем рынка труда через развитие институциональной инфраструктуры // Экономика и управление, 2013. № 11(97).
16. *Mayer T., Thisse J-F.* Economic Geography: The Integration of Regions and Nations. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2008. 399 pp.

References

1. *Health care, education, culture in St. Petersburg and the Leningrad region in 2011* [Zdravookhranenie, obrazovanie, kul'tura v Sankt-Peterburge i Leningradskoi oblasti v 2011 godu]. Statistical collection. SPb. : Petrostat, 2012. 164 p.
2. *Critical zone of labor market: sizes, structure and dynamics* [Kriticheskaya zona rynka truda: razmery, struktura i dinamika] // Monitoring of a social and economic situation and condition of labor market of SPb [Monitoring sotsial'no-ekonomicheskoi situatsii i sostoyaniya rynka truda SPb]. SPb., 2000, N 3. P. 53–67.
3. Kurzenev V. A., Perekrest V. T. *Modeling of processes of unemployment in labor markets: problem of conceptual adequacy and analytical technologies* [Modelirovanie protsessov bezrabotitsy na ryнкakh truda: problema kontseptual'noi adekvatnosti i analiticheskie tekhnologii] / State and business. Questions of the theory and practice: modeling, management, finance [Gosudarstvo i biznes. Voprosy teorii i praktiki: modelirovanie, menedzhment, finansy] : materials of the IV International conference. SPb. : Publishing house of NWIM of RANEPА [Izd-vo SZIU RANKhiGS], 2012. P. 109–124.
4. *Mathematical models of processes of state regulation of regional labor market in the conditions of the economic growth* [Matematicheskie modeli protsessov gosudarstvennogo regulirovaniya regional'nogo rynka truda v usloviyakh ekonomicheskogo rosta] / E. M. Ilyin, M. A. Klupt [et al.] // Economic-mathematical researches: mathematical models and information technologies [Ekonomiko-matematicheskie issledovaniya: matematicheskie modeli i informatsionnye tekhnologii]. III. SPb. : Science [Nauka], 2003. P. 104–152.
5. *Employment monitoring: methodology, techniques, organization experience* [Monitoring zanyatosti: metodologiya, metodiki, opyt organizatsii] / I. B. Beresneva, O. I. Ivanov [et al.] // Monitoring of a social economic situation and condition of labor market of St.-Petersburg [Monitoring sotsial'no-ekonomicheskoi situatsii i sostoyaniya rynka truda S.-Peterburga]. SPb., 1995. N 2. P. 42–45.
6. *Features of forecasting of structure of demand in regional labor markets in a situation of economic growth* [Osobennosti prognozirovaniya struktury sprosa na regional'nykh ryнкakh truda v situatsii ekonomicheskogo rosta] / E. M. Ilyin, M. A. Klupt [et al.] // Economic-mathematical researches : mathematical models and information technologies [Ekonomiko-matematicheskie issledovaniya: matematicheskie modeli i informatsionnye tekhnologii]. V. 4. Part 1. SPb. : SPb EMI RAS [SPb EMI RAN], 2005. P. 201–263.
7. *Perekrest V. T. Econometric modeling of spatial economic systems by means of technologies of multidimensional metric scaling* [Ekonomicheskoe modelirovanie prostranstvennykh ekonomicheskikh sistem s ispol'zovaniem tekhnologii mnogorazmernogo shkalyrovaniya] // Upravlencheskoe konsultirovanie. 2011. № 3. С. 146–159.

- cheskikh sistem s pomoshch'yu tekhnologii mnogomernogo metriceskogo shkalirovaniya] // State and business. Questions of the theory and practice: modeling, management, finance [Gosudarstvo i biznes. Voprosy teorii i praktiki: modelirovanie, menedzhment, finansy] : materials of the III International Conference. SPb. : Publishing house of SZAGS [Izd-vo SZAGS], 2011. P. 38–48.
8. Perekrest V. T. *Mathematics and statistical aspects of application of selective statistical supervision in problems of modeling of regional social and economic systems* [Matematiko-statisticheskie aspekty primeneniya vyborochnykh statisticheskikh nablyudenii v zadachakh modelirovaniya regional'nykh sotsial'no-ekonomicheskikh system] // State and business. Questions of the theory and practice: modeling, management, finance [Gosudarstvo i biznes. Voprosy teorii i praktiki: modelirovanie, menedzhment, finansy] : materials of the II International Conference. SPb. : Publishing house of SZAGS [Izd-vo SZAGS], 2010. P. 38–48.
 9. Perekrest V. T. *Systems of statistical standards and problem of a representativeness of selective statistical supervision* [Sistemy statisticheskikh etalonov i problema reprezentativnosti vyborochnykh statisticheskikh nablyudenii] // International scientific conference “Statistical Measurement of the Russian Economy taking into account Evolution of the International Standards” [Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Statisticheskoe izmerenie rossiiskoi ekonomiki s uchetom evolyutsii mezhdunarodnykh standartov»]. M. : NRU HSE [NIU VShE], on June 21–22, 2011.
 10. Perekrest V. T., Shakirova N. I. *Econometric comparison of innovative systems of territorial subjects of the Russian Federation by methods of multidimensional scaling* [Ekonometrichekoe sopostavlenie innovatsionnykh sistem sub"ektov RF metodami mnogomernogo shkalirovaniya] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2011. № 3. P. 146–159.
 11. *Problems of institutional unemployment in the context of modern representations of balance of a manpower and regional educational and migratory policy* [Problemy institutsional'noi bez-rabotitsy v kontekste sovremennykh predstavlenii balansa trudovykh resursov i regional'nykh obrazovatel'noi i migratsionnoi politik] / V. A. Kurzenev, V. T. Perekrest [et al.] // Models of an assessment and analysis of difficult social and economic systems [Modeli otsenki i analiza slozhnykh sotsial'no-ekonomicheskikh system]. Kharkov : Publishing House “EngEc” [ID «INZhEK»], 2013. Russian language, Ukrainian language, English language. P. 322–337.
 12. *Labor market of St. Petersburg: structure of demand and bank of vacancies* [Rynok truda Sankt-Peterburga: struktura sprosa i bank vakansii] / M. A. Klupt, A. N. Krotov [et al.]. SPb. : TsSAOP, 2004. 52 p.
 13. *Supply and demand in regional labor market: estimation methods* [Spros i predlozhenie na regional'nom rynke truda: metody otsenivaniya] // Economic-mathematical researches and information technologies II [Ekonomiko-matematicheskie issledovaniya i informatsionnye tekhnologii II]. SPb.: SPb AMY RAHN [SPb EMI RAN], 2001. P. 208–259.
 14. *The technological principles of target transformation of labor potential at the subfederal level for the priority directions of economic development* [Tekhnologicheskies printsipy tselevoi transformatsii trudovogo potentsiala na subfederal'nom urovne dlya prioritetykh napravlenii ekonomicheskogo razvitiya]. SPb. : CSASP, 2007. 44 p.
 15. *Cherneyko D. S. The solution of problems of labor market through development of institutional infrastructure* [Reshenie problem rynka truda cherez razvitie institutsional'noi infrastruktury] // Economy and management [Ekonomika i upravlenie], 2013. N 11(97).
 16. Mayer T., Thisse J.-F. *Economic Geography: The Integration of Regions and Nations*. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2008. 399 p.

Классификация торговых посредников и варианты их использования в цепях поставок

Тяпухин Алексей Петрович

Оренбургский филиал РАНХиГС
Профессор кафедры менеджмента организации
Доктор экономических наук, профессор
artyapuhin@mail.ru

Тяпухина Ольга Алексеевна

Оренбургский государственный университет
Старший преподаватель кафедры прикладной математики
olga.tyapuhina@mail.ru

РЕФЕРАТ

Статья включает классификацию торговых посредников, описание типовых структур систем поставок ресурсов, бизнес-процессов и функций, выполняемых торговыми посредниками, а также вариантов организации каналов и цепей систем поставок ресурсов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

торговые посредники, системы поставок, каналы поставок, цепи поставок

Tyapukhin A. P., Tyapukhina O. A.

Classification of the Trade Intermediaries and the Variants of their Using in Supply Chains

Tyapukhin Alexey Petrovich

Orenburg branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Orenburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of Management of the Organization
Doctor of Science (Economics), Professor
artyapuhin@mail.ru

Tyapukhina Olga Alekseevna

Orenburg State University (Orenburg, Russian Federation)
Assistant Professor of the Chair of Applied Mathematics
olga.tyapuhina@mail.ru

ABSTRACT

The article includes the classification of the trade intermediaries, typical structures of the resources supply systems, business-processes and functions, which trade intermediaries executive and also the variants of the channels and chains of the resources supply systems

KEYWORDS

trade intermediaries, supply systems, classification, structures, channels, chains

Введение

Роль торговых посредников на современном рынке постоянно подчеркивается в зарубежной и отечественной литературе. Более того, в высокоразвитых сферах мировой экономики она продолжает возрастать, что в первую очередь связано с уникальной способностью торговых посредников сокращать время доставки ценности (продукции и услуг) значительному количеству потребителей. Именно фактор

времени является ключевым конкурентным преимуществом торговых посредников. Поэтому их роль на российском рынке крайне низка и часто подвергается критике в связи с более высокими ценами на менее качественную продукцию и услуги, чем в развитых странах мира. Не вызывает сомнения тот факт, что без привлечения к сотрудничеству торговых посредников российским предприятиям невозможно обеспечить приемлемые условия реализации продукции и услуг на зарубежных рынках и, следовательно, достичь минимально необходимого уровня конкурентоспособности.

Обзор литературных источников

Решение данной задачи сдерживается рядом причин, в том числе теоретико-методологического характера. Так, например, до сих пор:

- дублируются определения различных типов торговых посредников. В частности, А. Б. Борисов приводит определение джоббера как «фирмы, скупающей крупные партии товара для быстрой перепродажи, дилера, маклера» [2, с. 181];
- отсутствует четкая классификация торговых посредников [7; 8];
- не разграничены функции, выполняемые тем или иным типом торговых посредников при доведении продукции и услуг до их конечного потребителя [9; 10];
- не проработаны теоретические аспекты формирования цепей поставок продукции и услуг в зависимости от факторов внешней среды их звеньев, включая торговых посредников [11; 12];
- не разработаны методические рекомендации по обеспечению конкурентоспособности цепей поставок на рынках различного типа [13–15] и др.

Исходя из изложенного выше материала, можно сделать вывод о том, что проблемы теории и методологии управления цепями поставок, включающими разнообразных торговых посредников, являются актуальными. Целью данной статьи является разработка классификации торговых посредников и обоснование их использования на рынках различного типа.

Классификация торговых посредников, их структура, функции и бизнес-процессы

Для достижения поставленной цели обратимся к данным работы [1, с. 60], в которой предложена базовая классификация торговых посредников (рис. 1). Недостатком классификации торговых посредников, представленной на этом рисунке, является игнорирование ряда принципиально важных с точки зрения выполняемых функций управления цепями поставок торговых посредников. Данный недостаток частично устранен авторами, что нашло отражение на рис. 2.

Анализ содержания информации, представленной на рис. 1 и 2, позволяет сделать следующие выводы:

- 1) использование дополнительных классификационных признаков позволяет выделить не пять, а восемь основных типов торговых посредников;
- 2) классификационный признак «тип партии ресурсов» касается торговли и позволяет разграничить термины «дилер» и «джоббер», первый из которых связан с оптовыми, а второй — с розничными партиями. Следовательно, в цепи поставок их формированием могут быть заняты как дилер, так и джоббер, поскольку оба они работают от своего имени и за свой счет;
- 3) классификационный признак «наличие склада» относится к движению как составляющей логистического менеджмента и является основой для разграничения понятий «маклер» и «дистрибьютор», а также терминов «комиссионер» и «консигнатор». В первом случае поставщик контролирует деятельность торговых

<p><i>Свой счет</i> За чей счет посредник осуществляет свои операции <i>Чужой счет</i></p>	От чьего имени работает посредник	
	Свое имя	Чужое имя
	Дилер	Дистрибьютор
	Комиссионер	Агент, брокер

Рис. 1. Классификация торговых посредников по двум признакам

<p><i>Свой счет</i> За чей счет посредник осу- ществляет свои операции <i>Чужой счет</i></p>	От чьего имени работает посредник			
	Свое имя		Чужое имя	
	Тип партии ресурсов		Наличие склада	
	<i>Оптовые</i>	<i>Розничные</i>	<i>Нет</i>	<i>Есть</i>
	Дилер (Дл)	Джоббер (Дб)	Маклер (Мк)	Дистрибьютор (Дс)
	Комиссионер (Кс)	Консигнатор (Кн)	Брокер (Бр)	Агент (Аг)
	<i>Нет</i>	<i>Есть</i>	<i>Есть</i>	<i>Нет</i>
Наличие склада		Место работы		

Рис. 2. Классификация торговых посредников по пяти признакам

посредников посредством исполнения административных функций, а во втором — посредством финансовых инструментов. Очевидно, что торговые посредники данного типа могут формировать цепи поставок исключительно под контролем предприятия-поставщика;

- 4) классификационный признак «место работы» также следует отнести к компоненту логистического менеджмента «территория» [3, с. 22]. Можно предположить, что указанный выше классификационный признак также касается компонента «место» комплекса маркетинга. Однако данный компонент распространяется на место расположения потребителя, но не посредника. По указанному выше классификационному признаку можно разграничить понятия «агент» и «брокер»;
- 5) с определенной долей условности можно обосновать структуру системы поставок ресурсов, отражающую последовательность установления отношений между торговыми посредниками различного типа (рис. 3).

Из рис. 3 следует, что:

- производитель, являющийся инициатором проектирования цепи поставок, может организовать взаимодействие с любым типом торговых посредников, используя либо складскую, либо транзитную форму движения ресурсов; на складскую форму ориентирован дистрибьютор, а на транзитную — маклер;
- практически любой из торговых посредников может осуществлять свои операции на фондовом рынке, используя услуги брокера на любом участке движения ресурсов;
- типовой цепью поставок при доставке продукции конечному потребителю является цепь следующего вида: предприятие-поставщик — дистрибьютор (маклер) — дилер — консигнатор (комиссионер) — джоббер — агент — потребитель;

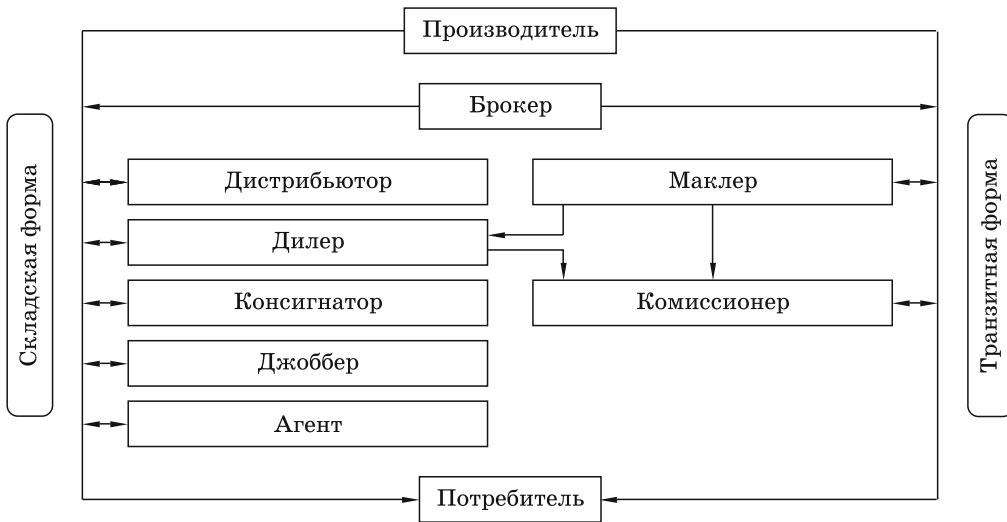

Рис. 3. Структура системы поставок ресурсов, включающей восемь типов торговых посредников

- длина типовой цепи определяется приоритетами конечного потребителя, в частности, затратами и/или временем;
- проектирование цепи поставок целесообразно начинать от конечного потребителя по направлению к предприятию-поставщику; конечным результатом такого проектирования является система реализации продукции, включающая каналы, цепи, фронты и эшелоны [3, с. 77], состоящие из взаимосвязанных по горизонтали и вертикали торговых посредников различного типа;
- торговые посредники включают в свой состав унифицированные подсистемы [Там же, с. 49], которые отражены в табл. 1, при этом соблюдается закономерность: чем ближе торговый посредник к конечному потребителю, тем меньше в его составе данных подсистем;
- основные подсистемы того или иного торгового посредника выполняют типовые бизнес-процессы, изложенные в работе [Там же, с. 29]. В зависимости от статуса торгового посредника в системе поставок набор данных бизнес-процессов существенно различается (табл. 2);
- изложенные в табл. 2 бизнес-процессы предполагают выполнение ряда входящих в их состав функций [5, с. 50], что следует принимать во внимание при выборе того или иного торгового посредника. Данный аспект исследования отражен в табл. 3.

Уточненная классификация торговых и логистических посредников

Классификация, представленная на рис. 2, также не отражает все многообразие торговых посредников и выполняемых ими функций. Для окончательного решения данной проблемы предполагается свести многообразие присущих им классификационных признаков до четырех: от чьего имени работает торговый посредник (от своего или от чужой); за чей счет посредник осуществляет свои операции (за свой или чужой); тип партии ресурсов (крупная или мелкая); наличие или отсутствие логистических операций. Перечисленные классификационные признаки позволяют выделить 16 основных типов торговых посредников (табл. 4).

Основные подсистемы торговых посредников*

Подсистема	Дилер	Джоб-бер	Маклер	Дистри-бьютор	Комиссионер	Консигнатор	Брокер	Коммивояжер
маркетинга-менеджмента	+	±	±	±	—	±	—	±
торговли	+	+	+	+	+	+	+	+
логистического менеджмента	+	±	+	+	—	+	—	±
инновационного менеджмента	+	±	—	—	—	—	—	—
технологического менеджмента	+	—	—	+	—	—	—	—
финансовая	+	±	+	+	—	±	—	±
информационная	+	+	+	+	+	+	+	+
сервисная	+	—	+	+	—	+	—	—
персонала	+	+	+	+	+	+	+	+

* Примечание: знак «+» означает, что подсистема является составной частью структуры торгового посредника; знак «—» — она таковой системой не является; знак «±» предусматривает и ту, и другую возможность.

Таблица 2

Основные бизнес-процессы торговых посредников

Бизнес-процесс	Ди-лер	Джоб-бер	Ма-клер	Дистри-бьютор	Комиссионер	Консигнатор	Бро-кер	Комми-vojaжер
Управление отношениями с потребителями	+	+	+	+	+	+	+	+
Управление товаром	+	+	+	+	+	+	—	+
Финансовый менеджмент	+	±	+	+	—	±	—	±
Логистический менеджмент	+	±	+	+	—	+	—	±
Управление требованиями	+	+	+	+	+	+	+	+
Стратегический менеджмент	+	+	+	+	+	+	+	+
Управление отношениями с поставщиками	+	+	+	+	+	+	+	+
Технологический менеджмент	+	—	—	+	—	—	—	—

Основные функции торговых посредников

Функция	Дилер	Джоббер	Маклер	Дистрибьютор	Комиссионер	Консигнатор	Брокер	Коммивояжер
информационная	+	+	+	+	+	+	+	+
продвижения	+	±	±	±	-	±	-	±
торга (сделки)	+	+	+	+	+	+	+	+
заказа	+	+	+	+	+	+	-	+
финансирования	+	±	+	+	-	±	-	±
оплаты	+	+	+	+	-	-	-	-
концентрации-распределения	+	±	+	+	±	+	-	-
консолидации-разукрупнения	+	+	±	+	-	+	-	±
транспортировки	+	±	+	+	-	+	-	±
хранения	+	±	-	+	-	+	-	-
экспедиции и охраны	+	-	+	+	-	+	-	-
передачи права собственности	+	+	+	+	-	-	-	-
страхования	+	±	+	+	-	+	-	-
консалтинга	+	±	+	+	-	+	-	±
обслуживания	+	-	+	+	-	+	-	-
обучения персонала	+	-	+	+	-	+	-	-

Таблица 4

Классификация торговых посредников по четырем классификационным признакам

От чьего имени	За чей счет	Тип партия ресурсов	Наличие логистических операций	Тип торгового посредника (код)
От чужого	За чужой	Малая	-	Агент (Аг)
От чужого	За чужой	Малая	+	Коммивояжер (Км)
От чужого	За чужой	Крупная	-	Брокер (Бр)
От чужого	За чужой	Крупная	+	Принципал (Пр)
От чужого	За свой	Малая	-	Треjder (Тр)
От чужого	За свой	Малая	+	Фэктор (Фк)
От чужого	За свой	Крупная	-	Маклер (Мк)
От чужого	За свой	Крупная	+	Дистрибьютор (Дс)
От своего	За чужой	Малая	-	Поверенный (Пв)
От своего	За чужой	Малая	+	Ритейлер (Рт)
От своего	За чужой	Крупная	-	Комиссионер (Кс)
От своего	За чужой	Крупная	+	Консигнатор (Кн)
От своего	За свой	Малая	-	Стокист (Ст)
От своего	За свой	Малая	+	Джоббер (Дб)
От своего	За свой	Крупная	-	Купец (Кп)
От своего	За свой	Крупная	+	Дилер (Дл)

Анализ данных, представленных в табл. 4, позволяет сделать следующие выводы:

- торговые посредники, работающие от своего имени и за свой счет (дилер, купец, джоббер и стокист) вправе проектировать и формировать свои собственные цепи и эшелоны поставок, однако при этом предприятие-поставщик может лишиться контроля ключевых потребностей рынка. В данном случае проблема решается при помощи логистических вытягивающих концепций на основе децентрализации управленческих функций, типа «точно во время»;
- торговые посредники, работающие от чужого имени и за чужой счет (принципал, брокер, коммивояжер, агент), находятся под полным контролем предприятия-поставщика или торговых посредников более высокого уровня. Непосредственный контакт с конечным потребителем позволяет торговым посредникам данного типа получать достоверную информацию о потребностях рынка. Кроме того, эти посредники могут выполнять свои функции не только в системе реализации продукции и услуг предприятия-поставщика, но и в системе обеспечения данного предприятия необходимыми ресурсами;
- торговые посредники, работающие от чужого имени и за свой счет (дистрибьютор, маклер, фэктор и трейдер), в цепях поставок занимают места непосредственно за предприятием-поставщиком или (при необходимости) за торговыми посредниками, работающими от своего имени и за свой счет. Вполне возможна ситуация, когда посредники, более близкие к конечному потребителю, могут реализовывать более крупные партии продукции, нежели торговые посредники более высокого уровня. Эта ситуация типична для торговых посредников, консолидирующих партии продукции разнообразного ассортимента, поступающие от различных звеньев системы поставок;
- торговые посредники, работающие от своего имени и за чужой счет (консигнатор, комиссионер, ритейлер и поверенный), находятся под финансовым контролем торгового посредника более высокого уровня. Тем не менее, посредники данного типа могут привлекать к сотрудничеству торговых посредников более низкого уровня. Кроме того, эти посредники могут обладать необходимыми ресурсами и компетенциями, обеспечивающими их приоритетное использование в цепях поставок;
- привлечение к сотрудничеству торговых посредников, не выполняющих логистические операции, не снижает их конкурентоспособности в системе поставок, поскольку данные операции в ряде случаев целесообразно передавать на аутсорсинг в рамках реализации логистики «второй волны» — концепции управления предприятиями [3, с. 23]. В данном случае речь идет об использовании логистических посредников, которые также можно разграничить по совокупности классификационных признаков (табл. 5).

Таблица 5

Классификация логистических посредников

Наличие			Тип посредника
транс-порта	склада	экспедиторской службы и охраны	
–	–	+	Экспедиторская организация (ЭО)
–	+	–	Склад (Сл)
–	+	+	Складской комплекс (СК)
+	–	–	Транспортная организация (ТО)
+	–	+	Транспортно-экспедиторская организация (ТЭ)
+	+	–	Терминал (Тр)
+	+	+	Логистический центр (ЛЦ)

Варианты каналов и цепей в системах поставок ресурсов

Проблема аутсорсинга в цепях поставок также в настоящее время проработана не в полной мере. Ее решение во многом предопределяется реализуемой предприятием концепции управления и приоритетами поведения конечного потребителя. В работе [3, с. 21] обоснованы три такие концепции: производственного менеджмента — при однородных потребностях рынка; маркетинга — при разнородных потребностях рынка, позволяющих формировать так называемые сегменты рынка; логистики — при элитарных (уникальных) потребностях рынка; при этом, как уже упоминалось ранее, можно выделить концепции логистики «первой» и «второй волн». Первая концепция реализуется на уровне отдельного предприятия, а вторая — в цепях поставок, начиная от начального поставщика ресурсов и заканчивая конечным потребителем продукции и услуг.

Кроме того, в работе [6] для каждой из представленных выше концепций управления предложены блоки принципов управления предприятиями (рис. 4). Очевидно, что при реализации блока принципов А предпочтение в цепях поставок будет отдаваться торговым посредникам, выполняющим логистические операции и, в первую очередь, — хранение продукции (ресурсов). В случае реализации блока принципов D роль логистических посредников, функционирующих как отдельные хозяйствующие субъекты, в системе поставок существенно возрастает.

Влияние поведения потребителя на структуру цепи поставок ресурсов отражено на рис. 5 [4, с. 29]. При активном поведении потребителя (сектора F и H) ее длина сокращается. Максимальная длина цепи поставок наблюдается при варианте G, когда потребитель занимает пассивную позицию. Следует отметить, что данная позиция адекватна условиям реализации концепции — логистики «второй волны» и группе принципов D (рис. 4). Использование информации, представленной в табл. 4 и рис. 4 и 5, позволяет разработать модель формирования системы поставок продукции конечному потребителю (КП) (рис. 6). Знаком «+» отмечены варианты возможных каналов системы поставок.

Анализ содержания рис. 5 позволяет сделать следующие выводы:

- 1) с учетом того, что продукт не планируется (хотя и допускается) поставлять посредникам одного и того же уровня, например, от консигнатора к комиссионеру и др. (см. рис. 2), можно выделить 128 каналов системы поставок данного продукта, из которых можно сформировать цепи поставок любой длины и фронты любой ширины;
- 2) продукт может быть доставлен непосредственно потребителю любым из представленных на рис. 6 торговых посредников, а также предприятием-поставщиком (вариант G (рис. 5)). Возможна ситуация, при которой конечный потребитель сам выберет место получения продукта (вариант F (рис. 5));
- 3) имеется несколько вариантов доставки продукта конечному потребителю. Например, на рис. 6 представлены шесть таких вариантов:
 - ◆ от предприятия-поставщика;
 - ◆ посредством канала «предприятие-поставщик—дистрибьютор»;
 - ◆ посредством трехзвенной цепи «предприятие-поставщик—дистрибьютор—фэктор»;
 - ◆ посредством четырехзвенной цепи «предприятие-поставщик — дистрибьютор — фэктор — джоббер»;
 - ◆ посредством пятизвенной цепи «предприятие-поставщик—дистрибьютор—фэктор—джоббер—принципал»;
 - ◆ посредством шестизвенной цепи «предприятие-поставщик—дистрибьютор—фэктор—джоббер—принципал—коммивояжер»;
- 4) конкретный канал или цепь выбирается (или формируется) в зависимости от предпочтений конечного потребителя, которые сводятся к компонентам комплекса управления ценностью (рис. 4):

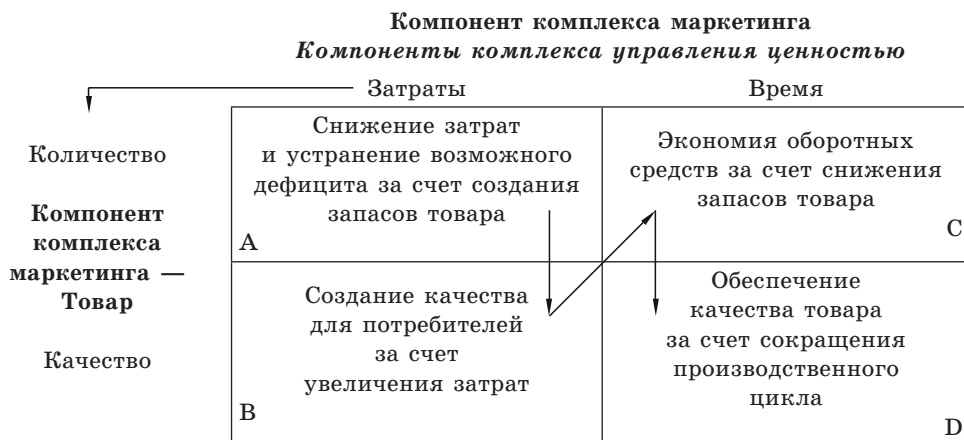

Рис. 4. Блоки принципов управления предприятием и их взаимосвязь

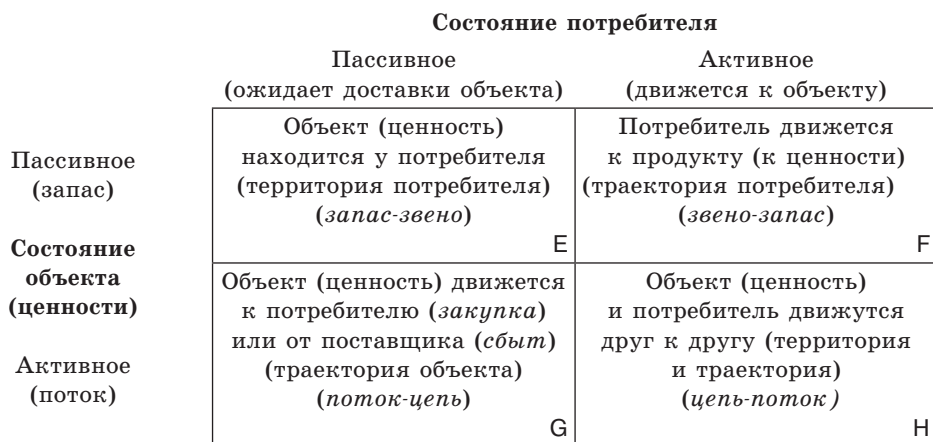

Рис. 5. Варианты состояний продукта и потребителя с точки зрения управления потоками

- ◆ затратам при реализации предприятиями концепции производственного менеджмента;
- ◆ качеству при реализации концепции маркетинга;
- ◆ времени при реализации концепции логистики.

Компонент «количество» может быть обеспечен за счет поставки необходимой продукции из нескольких источников (звеньев системы поставок), что предполагает усложнение данной системы как за счет использования дополнительного количества звеньев, так и за счет увеличения количества взаимосвязей между ними;

- 5) перечисленные выше компоненты связаны между собой, что предполагает разработку комплексного подхода к оценке эффективности отношений с поставщиками и потребителями в системе поставок;
- 6) с учетом ориентации потребителей на удовлетворение элитарных потребностей значение складского хозяйства в системах поставок будет неуклонно снижаться, что приведет к выделению в отдельные предприятия подразделений торговых посредников, связанных с выполнением логистических операций. Данная тенден-

	ПП	Дс	Мк	Фк	Тр	Дл	Кп	Дб	Ст	Кн	Кс	Рт	Пв	Пр	Бр	Км	Аг	
ПП		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
Дс				+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
Мк				+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
Фк						+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
Тр						+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
Дл								+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
Кп								+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
Дб										+	+	+	+	+	+	+	+	
Ст										+	+	+	+	+	+	+	+	
Кн												+	+	+	+	+	+	
Кс												+	+	+	+	+	+	
Рт														+	+	+	+	
Пв														+	+	+	+	
Пр																+	+	
Бр																	+	+
Км																		
Аг																		

Конечный потребитель (КП)																	
	В	В		В		В								В		В	

Рис. 6. Основные варианты каналов и цепей, формирующих системы поставок

ция должна сопровождаться повышением качества управления звеньями систем поставок;

- 7) основные характеристики цепей поставок, используемых при той или иной концепции управления, и тенденции их изменения отражены в табл. 6. Данные тенденции объективно подтверждаются результатами, полученными предприятиями стран с развитой рыночной экономикой;
- 8) учитывая закономерности развития концепций управления предприятиями, можно разработать типовые схемы цепей поставок и определить основные тенден-

Таблица 6

Основные характеристики цепей поставок, используемых при различных концепциях управления предприятиями

Характеристика	Производственный менеджмент	Маркетинг	Логистика
Тип потребностей рынка	Однородные	Разнородные	Элитарные
Приоритеты потребителя	Затраты	Качество	Время
Форма движения ресурсов	Складская	Складская и транзитная	Транзитная
Размер партии, поставляемой конечному потребителю	Укрупненные	Средние	Малые
Связи между цепями поставок	Отсутствуют	Эпизодические	Широко развиты

Характеристика	Производственный менеджмент	Маркетинг	Логистика
Принцип управления системой	Централизация	Централизация и децентрализация	Децентрализация
Выполнение логистических операций	Торговыми посредниками	Торговыми и логистическими посредниками	Логистическими посредниками

Рис. 7. Типовые схемы цепей поставок при реализации предприятиями различных концепций управления

ции их изменений (рис. 7). При формировании цепей поставок следует учитывать экономические интересы привлекаемого к сотрудничеству торгового посредника. В ряде случаев ему невыгодно связывать себя обязательствами только с одним предприятием-поставщиком, что повышает уровень риска его коммерческой деятельности.

Заключение

Таким образом, в результате исследования нами получены следующие результаты:

- предложены дополнительные классификационные признаки «размер партии ресурсов» и «наличие логистических операций», на основе которых разработаны матрицы классификации торговых посредников;

- разработаны варианты структуры системы поставок ресурсов, включающие различные типы торговых посредников, учитывающие в том числе реализуемые предприятиями концепции управления;
- определены основные бизнес-процессы и функции, выполняемые торговыми посредниками разного уровня в системах поставок, и выделены основные подсистемы, присущие данным торговым посредникам;
- разработана схема вариантов каналов и цепей, формирующих системы поставок ресурсов.
В ходе дальнейших исследований нами планируется:
- разработать рекомендации по формированию цепей поставок как в системе реализации продукции и услуг, так и в системе обеспечения предприятий ресурсами;
- обосновать управленческие решения по выполнению бизнес-процессов торговыми посредниками в системах поставок в зависимости от приоритетов конечных потребителей продукции и услуг;
- предложить алгоритмы проектирования потоков ресурсов в системах поставок и разработать методики их формирования и движения, обеспечивающие получение конкурентных преимуществ данными системами на рынках различного типа.

Литература

1. Аникин Б. А. Коммерческая логистика : учебник / Б. А. Аникин, А. П. Тяпухин. М. : Проспект : Велби, 2005. 432 с.
2. Борисов А. Б. Большой экономический словарь / А. Б. Борисов. М. : Книжный мир, 2005. 860 с.
3. Тяпухин А. П. Логистика : учебник / А. П. Тяпухин. М. : Юрайт, 2013. 568 с.
4. Тяпухин А. П. Предпосылки формирования теории логистических потоков / А. П. Тяпухин: Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд / Т. И. Баранова, В. В. Боброва [и др.] ; отв. ред. Е. В. Годовова. Оренбург : Пресса, 2013. 212 с.
5. Тяпухин А. П. Функции участников и классификация каналов распределения / А. П. Тяпухин, С. Ю. Корниенко : материалы II Международной научной конференции «Стратегия конкурентоспособности и модернизации экономики Казахстана в XXI веке. Актобе-Оренбург : Изд-во Актюбинского государственного университета им. К. Жубанова, 2005. С. 47–55.
6. Тяпухин А. П. Эволюция принципов управления предприятиями: авторская версия / А. П. Тяпухин // Вопросы современной экономики: электронный научный журнал. 2013. № 2 [Электронный ресурс]. URL: [http:// economic-journal.net/2013/07/136/](http://economic-journal.net/2013/07/136/)
7. Bowersox D., Closs D. and Cooper B. (2007), Supply Chain Logistics Management. 2-nd ed., McGraw-Hill/Irwin, N. Y.
8. Christopher M. L. (1992) Logistics and Supply Chain Management. L. : Pitman Publishing, London.
9. Coyle J. J., Bardi E. J. and Langley C. J. (2003) The Management of Business Logistics: A Supply Chain Perspective. Mason, OH: South-Western Thomson Learning.
10. Harrison A. and van Hoek R. (2005), Logistics management and strategy. Harlow, England : Prentice Hall, Financial Times.
11. Lambert D. M. (2006) Supply chain management. In Supply Chain Management: Processes, Partnerships, Performance (2-nd ed.). Supply Chain Management Institute, Sarasota, FL.
12. Monczka R., Handfield, R., Giunepero L. and Patterson J. (2009) Purchasing and Supply Management, 4-th ed., SouthWestern/Cingage, Mason: Ohio.
13. Simchi-Levi D., Kaminsky P. and Simchi-Levi E. (2003) Designing and Managing the Supply Chain: Concepts, Strategies, and Case Studies. N. Y. : McGraw-Hill.
14. Stock J. R. and Lambert D. M. (2001) Strategic Logistics Management; McGraw-Hill — Irwin.
15. Waters D. (2003), Logistics: An introduction to Supply Chain management. N. Y. : Palgrave Macmillann.

References

1. Anikin B. A. *Commercial logistics* [Kommercheskaya logistika] : textbook / B. A. Anikin, A. P. Tyapukhin. M. : Prospectus : Velbi [Izd-vo «Prospekt», TD «Velbi»], 2005. 432 p.

2. Borisov A. B. *Large economic dictionary* [Bol'shoi ekonomicheskii slovar'] / A. B. Borisov. M. : Book world [Knizhnyi mir], 2005. 860 p.
3. Tyapukhin A. P. *Logistika* [Logistika] : textbook / A. P. Tyapukhin. M. : Yurait, 2013. 568 p.
4. Tyapukhin A. P. *Prerequisites of formation of the theory of logistic streams* [Predposylki formirovaniya teorii logisticheskikh potokov] / A. P. Tyapukhin: Current trends in economy and management: new view [Sovremennyye tendentsii v ekonomike i upravlenii: novyi vzglyad] / T. I. Baranova, V. V. Bobrova [etc.] ; general edition of E. V. Godovov. Orenburg : JSC Pressa Agency [Agentstvo «Pressa»], 2013. 212 p.
5. Tyapukhin A. P. *Functions of participants and classification of distributions* [Funktsii uchastnikov i klassifikatsiya kanalov raspredeleniya] / A. P. Tyapukhin, S. Yu. Kornienko : materials of the II International scientific conference "Strategy of competitiveness and modernization of economy of Kazakhstan in the XXI century [Materialy II Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Strategiya konkurentosposobnosti i modernizatsii ekonomiki Kazakhstana v XXI veke]. Aktobe-Orenburg : Publishing house of the Aktyubinsk State University of K. Zhubanov [Izd-vo Aktyubinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K. Zhubanova], 2005. P. 47–55.
6. Tyapukhin A. P. *Evolution of the principles of management of the enterprises: author's version* [Evolutsiya printsipov upravleniya predpriyatiyami: avtorskaya versiya] / A. P. Tyapukhin // Questions of modern economy: electronic scientific journal [Voprosy sovremennoi ekonomiki: elektronnyi nauchnyi zhurnal]. 2013. N 2 [Electronic resource]. URL: [http:// economic-journal.net/2013/07/136/](http://economic-journal.net/2013/07/136/)
7. Bowersox D., Closs D. and Cooper B. (2007) *Supply Chain Logistics Management*. 2-nd ed., McGraw-Hill/Irwin, N. Y.
8. Christopher M. L. (1992) *Logistics and Supply Chain Management*. L. : Pitman Publishing,
9. Coyle J. J., Bardi E. J. and Langley C. J. (2003) *The Management of Business Logistics: A Supply Chain Perspective*. Mason, OH: South-Western Thomson Learning.
10. Harrison A. and van Hoek R. (2005) *Logistics management and strategy*, Harlow, England : Prentice Hall, Financial Times.
11. Lambert D. M. (2006) *Supply chain management*. In *Supply Chain Management: Processes, Partnerships, Performance* (2-nd ed.). Supply Chain Management Institute, Sarasota, FL.
12. Monczka R., Handfield R., Giunepero L. and Patterson J. (2009) *Purchasing and Supply Management*. 4-th ed., SouthWestern/Cingage, Mason: Ohio.
13. Simchi-Levi D., Kaminsky P. and Simchi-Levi E. (2003) *Designing and Managing the Supply Chain: Concepts, Strategies, and Case Studies*. N. Y. : McGraw-Hill.
14. Stock J. R. and Lambert D. M. (2001) *Strategic Logistics Management*; McGraw-Hill — Irwin.
15. Waters D. (2003) *Logistics: An introduction to Supply Chain management*. N. Y. : Palgrave Macmillann.

Хлутков А. Д., Круглова И. А.

Транснациональный бизнес и вопросы международной экономической безопасности в современной мировой экономике

Хлутков Андрей Драгомирович

Санкт-Петербургский государственный экономический университет
 Профессор кафедры экономической теории и экономической политики
 Доктор экономических наук
 finec.etme@gmail.com

Круглова Инна Александровна

Международный банковский институт (Санкт-Петербург)
 Проректор по научной работе
 Кандидат экономических наук, кандидат юридических наук
 inna_kruglova@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье дано определение роли транснациональных корпораций (ТНК) в современных глобальных мирохозяйственных процессах с точки зрения выполнения и обеспечения ими принципов международной экономической безопасности. Проанализированы основные тенденции и направления деятельности ТНК на современном этапе в аспекте формирования ими угроз современному экономическому мирупорядку, представлены пути решения сложившихся проблем.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

мировая экономика, международные экономические отношения, международный бизнес, транснациональные корпорации, международная экономическая безопасность

Khlutkov A. D., Kruglova I. A.

Transnational Business and Issues of International Economic Security in the Modern Global Economy

Khlutkov Andrey Dragomirovich

Saint-Petersburg State University of Economics (Saint-Petersburg, Russian Federation)
 Professor of the Chair of Economic Theory and Economic Policy
 Doctor of Sciences (Economy)
 finec.etme@gmail.com

Kruglova Inna Aleksandrovna

International Banking Institute (Saint-Petersburg, Russian Federation)
 Vice-Rector for Research
 PhD in Economy, PhD in Jurisprudence
 inna_kruglova@mail.ru

ABSTRACT

The paper provides a definition of the role of transnational corporations (TNCs) in today's global world economic processes in terms of implementation and enforcement of the principles of international economic security. Analyzes the main trends and activities of transnational corporations at the present stage in terms of their reporting of threats to the modern economic world order, presented solutions to existing.

KEYWORDS

world economy, international economic relations, international business, multinational corporations, transnational corporations, international economic security

Процессы глобализации, происходящие в последние несколько десятилетий в мире и выражающиеся в беспрецедентном развитии транснационального бизнеса и распространении его экономического влияния на мировое сообщество, поражают своим охватом, количественными и качественными масштабами, влиянием на современную систему международных экономических отношений. При этом транснациональные корпорации (ТНК), являясь инициаторами и локомотивами глобализации, способствуют изменению устоявшейся системы международных экономических отношений, снижению роли традиционных акторов мировой политики. Более того, в совокупности с экономическим успехом и мощностью, неконтролируемая деятельность ТНК порождает и угрозы международному миропорядку. Это обусловлено, с одной стороны, обостряющей противоречивостью интересов отдельных государств (в основном тех, в отношении которых направлена экономическая экспансия ТНК) и международных корпораций, а с другой стороны, совместной деятельностью ТНК и государств стран базирования (например, инфокоммуникационное сотрудничество компании «Microsoft» и Агентства национальной безопасности США, компаний «British Telecom» и «Vodafone Cable» и др. с Британским центром правительственной связи и др. [5]), осуществляющейся в целях, не совместимых с задачами обеспечения международной стабильности и безопасности.

Общепризнанными правовыми гарантиями сохранения международной экономической безопасности являются следующие [4]:

- ориентированность на решение глобальных мировых проблем;
- гарантия свободного выбора и осуществления каждым государством стратегии социального и экономического развития;
- достижение взаимной выгоды в сотрудничестве всех стран мирового сообщества; сохранение и обеспечение суверенитета государств в части использования природного, ресурсного, производственного и экономического потенциала и контроля доступа к нему;
- отсутствие исключительной приоритетности в экономическом развитии отдельных стран или групп государств;
- обеспечение ответственности государств и их хозяйствующих субъектов перед мировым сообществом за последствия проводимой ими экономической политики;
- решение экономических проблем, возникающих между субъектами мировой экономики, мирным способом.

При осуществлении своей деятельности ТНК не руководствуются вышеперечисленными принципами, а во многом способствуют их нарушению и тем самым усугубляют общую нестабильность современной мирохозяйственной системы. Результатом деятельности транснациональных корпораций и их филиалов является ограничение экономического суверенитета государств, разделение мира на «бедный Юг» и «богатый Север», или — на «Центр» и «Периферию» мировой экономики. То есть свободный поток капиталов в условиях глобализации протекает в условиях сильно поляризованной мировой системы в плане экономической мощи и возможностей. При этом небольшая группа ведущих стран, в которых базируются крупнейшие ТНК мира, контролирует значительную часть производства и потребления мировых финансовых ресурсов, даже не прибегая к политическому или экономическому давлению. Соответственно, внутренние приоритеты и ценностные ориентиры этих стран в лице ТНК накладывают отпечаток на все крупнейшие сферы интернационализации. Такое положение является потенциальным источником угроз, рисков, проблем и конфликтов между разными странами.

Также необходимо отметить, что наиболее острая критика бизнеса ТНК связана с тем, что их деятельность ориентируется на обслуживание интересов сравнительно узкого круга владельцев капитала и не принимает во внимание интересы рядовых граждан, небольших предприятий и компаний как принимающих стран, так

и стран базирования. Имеют ли ТНК возможность навязывать свою волю в вопросах, связанных с регулированием экономических процессов, в глобальном масштабе? Ученые, критически настроенные по вопросу деятельности ТНК, обвиняют транснациональные корпорации в способности и стремлении устанавливать (самостоятельно или через лоббируемые ими национальные правительства и международные организации) выгодные для себя авторитарные принципы принятия решений в сфере регулирования мирохозяйственных процессов.

ТНК способны успешно отстаивать свои интересы во взаимодействии с субъектами принятия решений, но они лишь в очень ограниченной мере отражают потребности рядовых граждан и представителей малого и среднего бизнеса (эффективное лоббирование при неэффективном объединении индивидуальных интересов) или отдельных государств в рамках глобального экономического пространства. Международные организации и социальные движения способны успешно объединять стремления людей в соответствии с их общими интересами, но не могут конкурировать с транснациональными корпорациями в вопросах реализации этих интересов в конкретные решения (эффективное объединение индивидуальных интересов при неэффективном лоббировании). Наблюдается очевидное неравенство в представлении интересов граждан и компаний развитых и развивающихся стран. Мы можем назвать одну из причин существования такой ситуации — сравнительное небольшое количество крупных ТНК базируется в развивающихся странах, по сравнению с развитыми государствами.

Еще одна проблема — нахождение механизмов выработки приемлемых решений в случае возникновения конфликта интересов транснационального бизнеса и государства. Мировой опыт показывает, что такие конфликты чаще всего разрешаются либо путем принятия решений в соответствии с интересами доминирующих сторон, либо путем отказа от дальнейших переговоров (например, провал переговоров по Международному соглашению по инвестициям в 1998 г. привел к тому, что полноценный набор правил международного регулирования международной инвестиционной деятельности до сих пор отсутствует). В начале XXI в. все чаще на международных встречах глав правительств, международных симпозиумах и конференциях в рамках обсуждения вызовов глобализации поднимался вопрос обеспечения глобальной управляемости. Являясь одним из ведущих акторов мировой политики и мировой экономики, ТНК определяют правовое поле участия транснационального бизнеса в решении глобальных проблем.

ТНК могут выстраивать политические сообщества для решения проблем глобального развития. Причем, используя новейшие практики корпоративного управления, они могут делать это более гибко и результативно, чем международные бюрократические структуры или национальные государства, поскольку система глобальной управляемости не предполагает создания привычных иерархических структур для принятия решений. Однако серьезной помехой на этом пути становится присущий бизнесу поиск конкурентных преимуществ и извлечение прибыли. Тем более что социально ответственное поведение компании не влияет на повышение ее конкурентоспособности и прибыльности.

Также необходимо отметить еще одну проблему — влияние ТНК на возникновение мирового финансового кризиса. К примеру, транснациональные банки, в связи с тем, что их финансовая деятельность во многом неподконтрольна государству, в целях достижения высоких прибылей долгое время целенаправленно поощряли рискованные финансовые операции в 2000-х гг. Только по мере возникновения мирового финансового кризиса, государства в лице «G-20», стран — мировых лидеров, в 2008–2009-х гг. пришли к взаимной договоренности о введении мер контроля со стороны правительств к деятельности в банковской сфере.

Необходимо также отметить и роль транснациональных банков в 1990-х гг., когда через их сети отмывались (и отчасти продолжают отмываться) деньги транснацио-

нальных сетей по производству и сбыту наркотических средств. Также, после событий 11 сентября 2001 г. в США, была раскрыта информация о деятельности некоторых транснациональных банков по аккумулярованию на своих счетах денежных средств, используемых международными террористическими организациями [1].

Международные энергетические корпорации, в частности нефтяные, на протяжении более чем 50 лет активно влияют на колебание ценовых пропорций на глобальном рынке энергоносителей. Соответственно, от действий транснационального энергетического бизнеса во многом зависит стабильность мирового экономического развития. Также очевидно, что негосударственные субъекты, а именно представители транснационального бизнеса, оказывают большое влияние на состояние глобальной среды военно-политической и экономической безопасности и, соответственно, на решение глобальных проблем.

Учитывая вышесказанное, на наш взгляд, решением по устранению или минимизации угрозы международной экономической безопасности со стороны транснационального бизнеса может стать принятие обязательных норм международного права, в части регламентации деятельности ТНК в принимающих государствах и в целом в мировом хозяйстве. Для определенного ограничения экспансии ТНК и регламентирования их деятельности международным сообществом в 1974 г. были созданы Центр и Комиссия ООН по ТНК.

Среди целей их образования можно выделить следующие:

- стремление углубить понимание политических, экономических, социальных и правовых последствий деятельности ТНК в развивающихся странах;
- обеспечить выполнение международных соглашений, которые способствуют росту мировой экономики и ликвидации негативных последствий функционирования транснациональных корпораций;
- укрепление переговорного потенциала принимающих стран, в частности развивающихся, в их отношениях с ТНК [6].

В течение двух десятилетий данные организации занимались тремя основными направлениями деятельности: предоставлением информации, касающейся транснациональных групп, анализом их политики и оказанием консультационных услуг. Однако в их деятельности преобладал теоретический подход, все принятые ими акты носили рекомендательный, а не обязательный характер, что, безусловно, не могло оказывать существенного влияния на деятельность ТНК. В 1993 г. Центр и Комиссия ООН по ТНК прекратили свое существование, войдя в состав Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД)¹.

Также в 1974 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята «Хартия экономических прав и обязанностей государств», призванная содействовать ускорению экономического роста развивающихся стран². Среди прочего, в ст. 2 второй главы данной Хартии указываются права, которыми обладают государства:

- a) регулировать и контролировать иностранные инвестиции в пределах действия своей национальной юрисдикции согласно своим законам и постановлениям и в соответствии со своими национальными целями и первоочередными задачами. Ни одно государство не должно принуждаться к предоставлению льготного режима иностранным инвестициям;
- b) регулировать и контролировать деятельность транснациональных корпораций в пределах действия своей национальной юрисдикции и принимать меры по

¹ UNCTC Origins // Official website of UNCTAD. URL: <http://unctc.unctad.org/asp/UNCTCOrigins.aspx> (last visited 15.02.2015).

² Хартия экономических прав и обязанностей государств. Принята резолюцией 3281 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 12 декабря 1974 г. // Официальный сайт ООН [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/rights_and_duties.shtml (дата обращения: 15.02.2015).

обеспечению того, чтобы такая деятельность не противоречила его законам, нормам и постановлениям и соответствовала его экономической и социальной политике. Транснациональные корпорации не должны вмешиваться во внутренние дела принимающего государства;

с) национализировать, экспроприировать или передавать иностранную собственность. В этом случае государство, принимающее такие меры, должно выплачивать соответствующую компенсацию с учетом соответствующих законов и постановлений и всех обстоятельств, которые это государство считает уместными. Положения Хартии повторяют основные принципы обеспечения международной экономической безопасности:

- соблюдение права выбора и осуществления каждым государством своей стратегии экономического и социального развития;
- обеспечение суверенитета каждого государства на использование своих природных, производственных и экономических ресурсов;
- достижение и обеспечение взаимовыгодности сотрудничества всех стран и субъектов экономик этих стран в рамках мировой экономики.

Однако, несмотря на значение положений Хартии, в том числе в части обеспечения международной экономической безопасности, она была принята резолюцией и имеет лишь рекомендательный характер. По мнению некоторых авторов, эта ситуация является подтверждением серьезного противостояния разных регионов, у которых «несовпадающие, очень разные экономические и политические интересы» [2]. Таким образом, можно говорить о том, что ввиду необязательного характера Хартии корпорации получили полную свободу в своей международной деятельности, что напрямую представляет угрозу экономической безопасности в рамках мирового сообщества.

О наличии противоречий между государствами свидетельствует также процесс разработки Кодекса поведения ТНК (с конца 70-х и в течение 80-х гг. XX в). Развитые государства (например, США) настаивали на том, что Кодекс должен иметь рекомендательную природу. Развивающиеся страны в свою очередь стремились придать ему обязательный характер, желая регламентировать обязательства ТНК по отношению к принимающим странам [3]. Результатом споров стало то, что Кодекс так и не был принят, даже в рекомендательной форме.

Таким образом, мы видим, что международные объединения государств пытаются решить противоречия, складывающиеся между государствами и ТНК. На уровне правительственных организаций речь идет скорее о координации и ограничении деятельности ТНК, помощи развивающимся странам с целью содействия их экономическому и социальному прогрессу. Однако стоит признать, что большинство попыток, направленных на улучшение сложившейся ситуации, не увенчалось успехом. Более удачны в этом плане оказались старания неправительственных организаций (например, непрекращающееся противостояние между организациями в области экологии и защиты окружающей среды и ТНК). Как указывают некоторые исследователи, многие транснациональные корпорации чувствительны к критике и, прислушиваясь к ней, начинают проводить «экологизацию» своей деятельности.

Соответственно, в рамках формирующейся мировой системы ТНК создают свой собственный международный экономический и политический порядок. Наиболее активно при этом они взаимодействуют с государственными структурами в странах базирования материнской компании и принимающих странах, при этом в большинстве случаев руководствуясь только коммерческими интересами, не принимая во внимание общепринятые принципы обеспечения международной экономической безопасности. Усугубляется этот процесс общими тенденциями развития мировой экономики — ростом интенсивности процессов транснационализации, а значит,

ростом экономической и политической мощи ТНК, увеличением массы капиталов, проходящих по каналам субъектов международного бизнеса, неравномерным распределением концентрации финансовых ресурсов по странам мира с их концентрацией в странах базирования ТНК и, соответственно, автономизацией ТНК и ТНБ, и одновременно нестабильностью и динамичностью мировой финансовой системы с большой вероятностью возникновения финансовых кризисов.

Укреплению международной экономической безопасности будут способствовать совместные усилия государств по стабилизации международных рынков энергоносителей. В данном аспекте возможно введение ограничений на спекулятивные сделки ТНК с финансовыми активами, привязанными к их поставкам. Может также быть рассмотрена идея создания новых международных институтов или организаций для решения данных задач. Международная координация могла бы ускорить разработку национальных программ энергосбережения, а также освоение нетрадиционных и возобновляемых источников энергии, тем более что ТНК располагают для этого необходимыми финансовыми ресурсами.

В качестве рекомендаций по совершенствованию системы обеспечения международной экономической безопасности и минимизации угроз мировому экономическому порядку от деятельности ТНК, целесообразно предложить осуществить выработку и активное продвижение на международной арене проектов международных документов, регулирующих глобальную экономическую политику в сфере деятельности транснационального бизнеса путем принятия юридически обязывающих конвенций ООН. Ключевым документом в этой сфере может стать обновленный Кодекс поведения ТНК, предполагающий всеобъемлющий характер и полный охват проблематики международной деятельности ТНК и обеспечения принципов международной безопасности; предполагающий распространение своего действия на все государства — члены ООН; носящий юридически обязывающий характер и тем самым являющийся действенным международно-правовым инструментом международного сообщества.

Литература

1. Богатуров А. Понятие глобальных проблем сквозь призму опыта 2000-х годов // Международные процессы. Т. 9. № 1(25). 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-fifth/005.htm> (дата обращения: 27.03.2015).
2. Вознесенская Н. Н. Правовое регулирование и защита иностранных инвестиций в России. М. : Wolters Kluwer Russia, 2011. 299 с.
3. Калашникова А. Г. Транснациональные корпорации: кто они? // Правовая культура. 2013. № 2(15).
4. Сигова М. В. Использование ресурсов консалтинговой отрасли в стратегии обеспечения национальной экономической безопасности. СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2009. 112 с.
5. Смирнов А. И. Глобальная безопасность в цифровую эпоху: стратегемы для России. М., 2014. С. 200–202.
6. Dreyfuss R. Company Spies // Mother Jones. May-June 1994 [Electronic resource]. URL: <http://www.motherjones.com/politics/1994/05/company-spies> (last visited: 10.02.2014).

References

1. Bogaturov A. *The concept of global issues through the prism of the experience of the 2000s* [Ponyatie global'nykh problem skvoz' prizmu opyta 2000-kh godov] // International processes [Mezhdunarodnye protsessy]. Vol. 9. № 1(25). 2011. <http://www.intertrends.ru/twenty-fifth/005.htm> (date accessed: 27.03.2015).
2. Voznesenskaya N. N. *Legal regulation and protection of foreign investments in Russia* [Pravovoe regulirovanie i zashchita inostrannykh investitsii v Rossii]. M. : Wolters Kluwer Russia, 2011. 299 p.

3. Kalashnikov A.G. *Multinationals: who are they?* [Transnatsional'nye korporatsii: kto oni?] // Legal Culture [Pravovaya kul'tura]. 2013. № 2(15).
4. Sigova M. V. *Use of resources consulting industry in the strategy of national economic security* [Ispol'zovanie resursov konsaltingovoi otrasli v strategii obespecheniya natsional'noi ekonomicheskoi bezopasnosti]. SPb. : SPbSUEF [Izd-vo SPbGUEF], 2009. 112 p.
5. Smirnov A.I. *Global security in the digital age: stratagem for Russia* [Global'naya bezopasnost' v tsifrovuyu epokhu: stratagemy dlya Rossii]. M., 2014. P. 200–202.
6. Dreyfuss R. *Company Spies* // Mother Jones. May-June 1994 [Electronic resource]. URL: <http://www.motherjones.com/politics/1994/05/company-spies> (date accessed: 10.02.2014).

Социальное самочувствие и жизненные планы современной молодежи

Иваненков Сергей Петрович

Государственный институт психологии и социальной работы (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры теории и технологии социальной работы
Доктор философских наук, профессор
credonew@yandex.ru

Кусжанова Ажар Жалелевна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры философии и культурологии
Доктор философских наук, профессор
pola2@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье приведены результаты социологического исследования динамики позиций молодежи за период 2012–2014 гг. по ряду значимых проблем, таких как степень ее удовлетворенности различными сторонами жизни, оценка социальных возможностей в реализации ее интересов, ее взгляды на перспективы учебы, работы, выбора профессии и места жительства, а также оценка местных органов власти и их помощи в решении молодежных проблем.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

молодежь, государственная молодежная политика, ценностные ориентации молодежи, социальная активность молодежи, самоорганизация и самореализация молодежи, социальные возможности молодежи, права молодежи, прагматизм молодежи, патриотизм

Ivanenkov S. P., Kuszhanova A. Zh.

Social Health and Life Plans of Modern Youth

Ivanenkov Sergey Petrovich

State University of Psychology and Social Work (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of Theory and Technology of Social work
Doctor of Science (Philosophy), Professor
credonew@yandex.ru

Kuszhanova Azhar Zhalelevna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of Philosophy and Cultural Science
Doctor of Science (Philosophy), Professor
pola2@mail.ru

ABSTRACT

The article presents the results of sociological research of the dynamics of the positions of youth for the period 2012–2014. on a number of significant issues such as the degree of satisfaction with various aspects of life, assessment of social opportunities in the realization of its interests, its views on the prospects for study, work, profession and place of residence, as well as assessment of local authorities and their help in solving youth problems.

KEYWORDS

youth, state youth policy, value orientations of youth, social activity of youth, self-organization and youth self-realization, social opportunities for youth, rights of youth, pragmatism of youth, patriotism

Продолжая тему мониторинга динамики молодежных позиций в контексте государственной молодежной политики региона, начатую в предыдущих номерах «Управленческого консультирования»,¹ перейдем к одной из задач социологического исследования позиций молодежи², проведенного в 2014 г., — изучению уровня общей удовлетворенности тем, как складывается жизнь в целом и в отдельных ее сферах. Этот фактор очень важен, поскольку его можно считать главным субъективным показателем социального и индивидуального благополучия личности и общества. При этом воспользуемся возможностью сравнения результатов исследований 2012 и 2014 годов (табл. 1).

Нет необходимости детально анализировать приведенные показатели, они достаточно понятны и о многом говорят заинтересованным лицам. Ввиду характера полученных результатов, здесь удобнее и эффективнее анализировать их по столбцу «совсем не удовлетворен» (табл. 2), так как «частично удовлетворен» и «удовлетворен» качественно означают все-таки определенную степень положительного восприятия и отношения, в то время как ответ «совсем не удовлетворен» явно выражает негативное отношение. Сравнение оценок 2012 и 2014 гг. представляет определенный интерес, так как два года — достаточный временной интервал, чтобы увидеть изменения и сформировать мнение о них.

Сравнение оценок удовлетворенности молодежи в интервале двух достаточно стабильных лет жизни страны и общества показывает, что изменения действительно имеют место и отражаются в общественном мнении молодежи. Сразу отметим, что в разных сферах жизни молодого поколения произошли различные изменения, и однонаправленного вектора в них нет.

Есть и более тонкие трансформации. Так, если в 2012 и 2014 г. на первом месте было недовольство условиями жизни в своем городе (селе) — так считал каждый 6-й респондент в 2012 г., то за два года этот показатель снизился почти в два раза, и так считает лишь каждый 3-й. Это отражение реального улучшения материального положения многих людей в стране и в области, которое молодежь почувствовала на себе.

При этом обращает на себя внимание показатель неудовлетворенности материальным положением семьи. Он хоть и немного, но снизился, хотя — что еще более важно — по значимости негативного фактора жизни остался на 2-м месте. Это, с одной стороны, означает, что требования к условиям жизни в городе или селе проживания возросли, а с другой, — что муниципальные органы власти еще недоработали условия жизни людей до их положительной оценки. Именно этой позицией в 2012 г. больше всего не довольны молодые жители Оренбуржья. Пришло время наводить порядок во всех сферах жизни города, поселка, села, считают они. И это может стать решающим фактором в борьбе за то, чтобы молодежь оставалась в своих родных местах. Ведь повышение уровня жизни семьи — задача, которая поставлена на самом высоком уровне и контролируется государством, а вот порядок на местах — это уже компетенция региональных и местных властей.

Далее, в 2012 г. 5,53% были недовольны жилищными условиями — эта позиция занимала 5-е место в рейтинге негативных факторов жизни, а в 2014 г. она на 3-м месте, и своим жильем недовольны 7,56% респондентов. Эти цифры показывают, что не смотря на то, что достигнутый общими усилиями федеральных и региональных властей, в том числе и по программе «Обеспечение жильем молодых семей

¹ См. Управленческое консультирование. 2014. № 11, 12. — СПб.: СЗИУ РАНХиГС, 2014.

² Социологическое исследование динамики молодежных позиций в контексте государственной молодежной политики региона проводилось Департаментом молодежной политики Оренбургской области в 2014 г. Анкетный опрос молодежи осуществлен в январе 2014 г., по выборке квотной общей численности молодежи Оренбургской области опрошено 2050 респондентов в возрасте от 14 до 30 лет.

Насколько Вы лично удовлетворены следующими сторонами своей жизни?

Показатель удовлетворенности	Удов-летво-рен	Частич-но удовлет-ворен	Совсем не удовлет-ворен	2012 г.			2014 г.		
				Удов-летво-рен	Частич-но удовлет-ворен	Совсем не удовлет-ворен	Удов-летво-рен	Частич-но удовлет-ворен	Совсем не удовлет-ворен
Работой (учебой) в настоящее время	42,04	40,99	6,58	33,71	35,85	6,59			
Проведением свободного времени после работы (учебы)	46,23	35,08	7,34	39,46	32,98	6,78			
Материальным положением семьи	42,71	35,37	10,10	38,24	31,95	8,88			
Состоянием своего здоровья	54,53	26,98	3,24	43,80	29,85	4,59			
Отношениями с членами семьи	63,30	18,78	3,05	55,90	17,51	3,27			
Жилищными условиями	52,72	25,45	5,53	45,17	24,39	7,56			
Условиями жизни в Вашем городе (селе)	22,12	31,74	29,46	23,27	39,12	15,46			
Тем, как складывается Ваша жизнь	43,28	40,32	3,43	41,56	31,90	3,56			

Таблица 2

Насколько Вы лично удовлетворены следующими сторонами своей жизни? (результаты даны в %)

Показатель удовлетворенности	Совсем не удовлетворен	Ранг	2012 г.		2014 г.	
			Совсем не удовлетворен	Ранг	Совсем не удовлетворен	Ранг
Работой (учебой) в настоящее время	6,58	4	6,59	5		
Проведением свободного времени после работы (учебы)	7,34	3	6,78	4		
Материальным положением семьи	10,10	2	8,88	2		
Состоянием своего здоровья	3,24	7	4,59	6		
Отношениями с членами семьи	3,05	8	3,27	8		
Жилищными условиями	5,53	5	7,56	3		
Условиями жизни в Вашем городе (селе)	29,46	1	15,46	1		
Тем, как складывается Ваша жизнь	3,43	6	3,56	7		

в Оренбургской области на 2011–2015 гг.», уровень затрат абсолютно вырос, но молодежь это не устраивает.

В 2012 г. на 3-м месте стоит недовольство проведением свободного времени после работы (учебы) — 7,34%, что вполне логично: поскольку основное недовольство вызывают условия городской или сельской жизни в целом, неразвитость ее

социальной инфраструктуры, то естественно, что в этом же ряду окажется и досуговая и культурная инфраструктура. Следовательно, важно наращивать усилия всех уровней власти, направив их на повышение степени удовлетворенности молодежи своим досугом. Ведь все вышеназванные факторы только на первый взгляд лишь безобидно снижают привлекательность родного края (города, села) для молодежи. На самом деле они становятся причинами, из которых впоследствии вырастают весьма грозные и небезопасные для государства, страны и региона социальные явления. Такие, как антипатриотизм и массовые миграции, социальное (в том числе трудовое) иждивенчество и асоциальное поведение, рост преступности и социальный пессимизм, апатия и аномия, ведущие к социальному нигилизму, экстремизму и т. п. Вместе с тем отрадно, что в 2014 г. этот фактор опустился на 4-е место со значением 6,78%.

Можно признать, что *усилия властей всех уровней по повышению материально-го и социального благополучия в Оренбургской области еще недостаточно высоко оценены молодежью*. Это отчасти нашло отражение в интегральной оценке: в 2012 г. недовольных тем, как в целом складывается их жизнь, было 3,43%, и эта позиция занимала 6-е место, а в 2014 г. — 7-е место с показателем 3,56%. Однако, несмотря на некоторое снижение общей оценки, — это очень неплохие итоги 2-летней работы государства, местных органов власти, экономических, правовых, образовательных, культурных и иных социальных структур и институтов, так как всего менее 4% молодежи недовольны тем, как в целом складывается их жизнь. Это очень неплохой показатель.

Существенным для понимания ситуации в молодежной среде, для адекватной ее оценки и дальнейшей работы являются ответы на вопрос о возможностях, имеющих у молодежи в различных сферах социальной и личной жизни. В табл. 3 приведены полные данные за 2012 г. (результаты даны в %).

В табл. 4 материалы обрабатывались по следующей методике: результаты «не желаю этого» отбрасывались как незначимые, а по остальным позициям были построены индексы: (+1) — «достаточно высокие», 0 — «средние» и (1) — «довольно низкие». Они позволили увидеть картину в целом, без лишних цифр. В данном случае некоторое сокращение большого количества приведенных цифр способствует более наглядной демонстрации существующего положения дел и проблем.

Таким же образом представим результаты исследования 2014 г. (табл. 5, 6).

Сравним ответы на вопрос «Как Вы считаете, какие возможности у Вас сегодня для того, чтобы» 2012 и 2014 гг. (табл. 7).

Как видно, получилась достаточно говорящая картина, а главное, она совпадает не только с субъективными оценками молодежи, но и с экспертными оценками состояния и проблем в перечисленных сферах жизни человека, общества, территории. Все полученные результаты логичны и хорошо коррелируют с ответами на предыдущие вопросы. Таким образом, получилось не просто мнение молодежи, но ее консолидированная позиция по широкому кругу проблем.

Анализ показывает, что наиболее нерешенной проблемой для себя молодежь считает то, что у нее нет возможности влиять на принятие решений, касающихся жизни своего города или поселка, а также сложность открыть свое дело. О первом факторе уже шла речь выше, когда оценивалась ситуация с реальной демократией на уровне страны, теперь та же тенденция явно проявилась и на местном уровне [1, с. 125]. Второй показатель свидетельствует, что сегодня, при всех разговорах о «среднем классе» как социальной опоре демократического государства и неотъемлемом условии стабильности страны, о настоятельной необходимости его формирования через малое и среднее предпринимательство, это остается еще очень острой проблемой. На 3-й строчке наиболее неудовлетворительных факторов находятся возможности получать квалифицированную медицинскую помощь (о чем

Как Вы считаете, какие возможности у Вас для того, чтобы (ответьте по каждой строке)

Возможности	Показатель	Достаточно высокие	Средние	Довольно низкие	Не желаю этого
Получить хорошее образование, специальность, проф. подготовку, которые признавались бы во всем мире		26,88	47,09	18,68	0,76
Получить хорошую работу по своей специальности		26,22	47,09	20,97	0,67
Добиться материального благополучия, достатка		28,60	47,86	13,16	1,62
Свободно и публично выражать свои политические взгляды, требования		21,83	42,80	20,21	8,58
Получать информацию, важную для молодежи		32,22	38,89	14,11	4,96
Поступать в соответствии с совестью и убеждениями		39,18	39,66	7,72	1,14
Открыть свое дело		19,26	33,75	28,41	6,01
Получать квалифицированную медицинскую помощь		18,88	43,09	20,21	3,53
Реализовать творческие способности		26,60	41,09	14,68	3,53
Соблюдать обычаи, традиции своего народа		32,60	39,18	13,73	5,15
Получить в случае необходимости судебную защиту		24,02	38,70	20,02	2,76
Влиять на принятие решений, касающихся жизни своего города, поселка		15,92	31,08	29,27	11,34

Таблица 4

Как Вы считаете, какие возможности у Вас для того, чтобы (ответьте по каждой строке)

Возможности	Показатель	Достаточно высокие	Довольно низкие	Индекс	Рейтинг
Получить хорошее образование, специальность, проф. подготовку, которые признавались бы во всем мире		+26	18	+8	6
Получить хорошую работу по своей специальности		+26	20	+6	7
Добиться материального благополучия, достатка		+28	13	+15	4
Свободно и публично выражать свои политические взгляды, требования		+21	20	+1	9
Получать информацию, важную для молодежи		+32	14	+18	3

Показатель	Достаточно высокие	Довольно низкие	Индекс	Рейтинг
	Данные 2012 г.			
Возможности				
Поступать в соответствии с совестью и убеждениями	+39	7	+31	1
Открыть свое дело	+19	28	9	11
Получать квалифицированную медицинскую помощь	+18	20	2	10
Реализовать творческие способности	+26	14	+12	5
Соблюдать обычаи, традиции своего народа	+32	13	+19	2
Получить в случае необходимости судебную защиту	+24	-20	+4	8
Влиять на принятие решений, касающихся жизни своего города, поселка	+15	-29	-14	12

Таблица 5

Как Вы считаете, какие возможности у Вас для того, чтобы (ответьте по каждой строке) (результаты даны в %):

Показатель	Достаточно высокие	Средние	Довольно низкие	Не желаю этого
	Данные 2014 г.			
Возможности				
Получить хорошее образование, специальность, проф. подготовку, которые признавались бы во всем мире	26,78	42,93	11,41	2,05
Получить хорошую работу по своей специальности	22,83	41,37	16,93	2,05
Добиться материального благополучия, достатка	27,17	40,29	11,02	0,83
Свободно и публично выражать свои политические взгляды, требования	19,12	37,95	15,61	6,59
Получать информацию, важную для молодежи	32,83	33,27	8,54	4,00
Поступать в соответствии с совестью и убеждениями	35,17	33,22	6,63	2,05
Открыть свое дело	15,80	32,54	21,95	5,46
Получить квалифицированную медицинскую помощь	21,02	34,15	17,85	2,88
Реализовать творческие способности	24,44	33,51	11,22	4,29
Соблюдать обычаи, традиции своего народа	31,02	30,78	8,63	3,37
Получить в случае необходимости судебную защиту	20,93	35,71	14,63	2,68
Влиять на принятие решений, касающихся жизни своего города, поселка	12,00	31,66	26,68	6,00
Состояться как личность	38,05	30,15	4,73	1,80

**Как Вы считаете, какие возможности у Вас для того, чтобы
(ответьте по каждой строке)**

Возможности	Показатель	Достаточно высокие	Довольно низкие	Индекс	Рейтинг
Получить хорошее образование, специальность, проф. подготовку, которые признавались бы во всем мире		26,78	11,41	+15	6
Получить хорошую работу по своей специальности		22,83	16,93	+6	8-9
Добиться материального благополучия, достатка		27,17	11,02	+16	5
Свободно и публично выражать свои политические взгляды, требования		19,12	15,61	+4	10-11
Получать информацию, важную для молодежи		32,83	8,54	+24	3
Поступать в соответствии с совестью и убеждениями		35,17	6,63	+29	2
Открыть свое дело		15,80	21,95	-6	12
Получить квалифицированную медицинскую помощь		21,02	17,85	+4	10-11
Реализовать творческие способности		24,44	11,22	+13	7
Соблюдать обычаи, традиции своего народа		31,02	8,63	+23	4
Получить в случае необходимости судебную защиту		20,93	14,63	+6	8-9
Влиять на принятие решений, касающихся жизни своего города, поселка		12,00	26,68	-14	13
Состояться как личность		38,05	4,73	+34	1

Таблица 7

Сравнение ответов на вопрос «Как Вы считаете, какие возможности у Вас для того, чтобы:»

Возможности	Индекс	Рейтинг	Индекс	Рейтинг
	2012 г.		2014 г.	
Получить хорошее образование, специальность, проф. подготовку, которые признавались бы во всем мире	+8	6	+15	6
Получить хорошую работу по своей специальности	+6	7	+6	8-9
Добиться материального благополучия, достатка	+15	4	+16	5
Свободно и публично выражать свои политические взгляды, требования	+1	9	+4	10-11
Получать информацию, важную для молодежи	+18	3	+24	3
Поступать в соответствии с совестью и убеждениями	+31	1	+29	2

Возможности	Индекс	Рейтинг	Индекс	Рейтинг
	2012 г.		2014 г.	
	Открыть свое дело	-9	11	6
Получить квалифицированную медицинскую помощь	-2	10	+4	10–11
Реализовать творческие способности	+12	5	+13	7
Соблюдать обычаи, традиции своего народа	+19	2	+23	4
Получить в случае необходимости судебную защиту	+4	8	+6	8-9
Влиять на принятие решений, касающихся жизни своего города, поселка	14	12	14	13
Состояться как личность			+34	1

ниже будет сказано особо) и свободно и публично выражать свои политические взгляды, требования.

Этот антирейтинг находится внизу, и надо заметить, что у этих трех позиций — отрицательные значения индекса (кроме «свободно и публично выражать свои политические взгляды, требования» в 2014 г.). Причем характерно, что именно на них же отрицательные значения индекса и заканчиваются.

Наилучшими условиями, по мнению молодежи, обеспечены: «возможность состояться как личность» — эта позиция имеет самый высокий индекс +34, «возможность поступать в соответствии с совестью и убеждениями» — эта позиция имеет также высокий индекс +31, далее следуют «возможность соблюдать обычаи, традиции своего народа» с индексом +19 (2012) и +24 (2014), и «возможность получать важную для себя информацию» с индексом +18 (2012) и +24 (2014).

Стоит еще раз отметить, что в 2012 г. из 12 ранжированных позиций лишь три имеют отрицательное значение, а в 2014 г. из 13 ранжированных позиций отрицательное значение имеют лишь две. В данном случае сравнение в пользу 2014 г.! Можно сказать, что *возможности молодежи во всех сферах выросли*.

Однако и проблемные зоны остались, они возглавляют антирейтинг — это факторы, как было сказано выше, «возможность влиять на принятие решений, касающихся жизни своего города, поселка» и «возможность открыть свое дело. *Вот они — самые болевые точки социальной жизни молодежи*. Она может и хочет, а точнее, хочет и может влиять и на общественную жизнь, и на свою личную путем открытия своего дела, но проблемы, препятствующие этому, за последние годы так и не нашли эффективного решения.

Вместе с тем, про другие возможности, а значит, и деятельности региональных и местных властей, можно сказать, что проделанная работа высоко оценена молодежью, так как она считает, что ее возможности выросли.

Важно отметить, что и непосредственно позиция, касающаяся напрямую деятельности областного Департамента молодежной политики, получила достаточно высокую оценку: «возможность получать информацию, важную для молодежи», в 2012 г. имевшая индекс +18, в 2014 г. выросла до +24, а в рейтинге возможностей сохранила свое высокое 3-е место. Значит, Департамент, как минимум, не снизил усилия по созданию возможностей информирования молодежи, а как максимум — качественно улучшил эту работу, о чем свидетельствует полученный результат.

Что же касается наблевших проблем, указанных молодежью, то и здесь Департамент может и должен добиваться большего. Безусловно, такие шаги, как созда-

ние молодежного правительства, молодежного парламента, избирательной комиссии, способствуют формированию у молодежи мнения о возможности повлиять на события в своем городе или поселке. Но вот возможность открыть свое дело — эта проблема без качественного ее решения на федеральном уровне, видимо, не может быть разрешена, и кардинально улучшить ситуацию не в силах ни региональные власти в целом, ни тем более отдельно взятый Департамент молодежной политики.

Это не попытка переложить ответственность. Это действительно задача не из легких даже для федерального уровня, т. е. на современном этапе для всего государства. Одним из свидетельств тому служит факт: Президент Российской Федерации В. В. Путин заявил, что важнейший механизм госгарантий по кредитам для среднего производственного бизнеса сегодня не работает, несмотря на то, что в бюджете на эти цели выделены немалые деньги — 20 млрд. руб. Эта констатация, которую приводит РИА Новости, прозвучала на совещании по исполнению майских (2012) указов Президента. А в этих указах — напомним — он поручил создать до 1 ноября 2012 г. механизм предоставления госгарантий при осуществлении инвестиционных проектов на территории РФ, ориентированных, в первую очередь, на субъектов среднего предпринимательства, действующих в сфере, не связанной с добычей и переработкой полезных ископаемых. Однако, подчеркнул Президент, «получить эти гарантии практически невозможно. Сами попробуйте это сделать. Невозможно. Поэтому они и лежат мертвым грузом, хотя механизм предоставления госгарантий должен был быть утвержден до 1 ноября прошлого года»¹. Увы, но и в 2014 г. в данном вопросе практически ничего не изменилось.

Продолжение в следующем номере.

Литература

1. Филиппов Г. Г. Дефективность конкуренции как инструмента регулирования экономических и государственных отношений в современном обществе // Научные труды Северо-Западного института РАНХиГС. 2013. Т. 4. Вып. 4 (11) — СПб. : СЗИУ РАНХиГС, 2013.

References

1. Philippov G. G. *Defectiveness of the Competition as the Tool of Economical and State Relationship Adjustment in Contemporary Society* [Defektivnost' konkurentsii kak instrumenta regulirovaniya ekonomicheskikh i gosudarstvennykh otnoshenii v sovremennom obshchestve] // Scientific Works of the North-West Institute of the RANEPА [Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta RANKhiGS]. 2013. V 4- 4 (11). SPb. : NWIM of the RANEPА [SZIU RANKhiGS], 2013.

¹ Интернет-портал «Российской газеты» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2013/05/07/putin1-anons.html> (дата обращения: 17.02.2015).

Редакция СМИ: базовые принципы организации и управления

Ким Максим Николаевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Заведующий кафедрой филологии и журналистики
Доктор филологических наук
kim@szags.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются разные аспекты редакционной деятельности. Особое внимание уделяется базовым принципам организации труда и управления журналистским коллективом, благодаря которым работа сотрудников редакций может приобрести слаженный и целенаправленный характер. В ситуации, когда новые медиа требуют реструктуризации журналистских организаций и институций, весьма актуален вопрос о том, что остается неизменным в базовых принципах, а что нуждается в корректировке.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

редакция, журналистский коллектив, кооперация, дифференциация, комбинирование, концентрация, параллельность, ритмичность, непрерывность

Kim M. N.

Mass Media's Editorship: Basic Principles of the Organization and Management

Kim Maksim Nikolaevich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Head of the Chair of Philology and Journalism
Doctor of Science (Philology)
kim@szags.ru

ABSTRACT

The article touches upon variety aspects of editorial activity. A special attention is given to the base foundations of labour organization and journalist management team because only such work of media professionals can be acquire the harmonious and targeted character. In the situation when new media spark off restructuring of journalistic organizations and institutions, there still remains the question about what the basic principles have remained the same, and which of them require adjustments.

KEYWORDS

editorial office, the journalistic team, foundations, cooperative, differentiation, combining, concentration, parallelism, rhythm, regularity

Социально-экономические и технологические изменения, произошедшие в последние десятилетия в нашей стране, потребовали кардинального реформирования деятельности средств массовой информации (СМИ). В рыночных условиях, когда между различными изданиями развернулась жесткая конкурентная борьба за читателя и рекламодателя, многие журналистские коллективы пошли по пути поиска более эффективных моделей редакционной деятельности, экономии ресурсов, оптимизации журналистского труда и т. д. В этих условиях от каждого редакционного коллектива потребовались забота о повышении профессионального мастерства журналистов, создание определенных условий для их творческого труда, качества менеджмента.

Пути улучшения организации работы редакции лежат как в области практики, так и в сфере развития теоретических основ редакционной деятельности. В теории печати интенсивно разрабатываются самые разнообразные аспекты редакционной деятельности. При этом особое внимание уделяется организации внутриредакционной работы журналистов и управлению ею. Почему? Как отмечают современные исследователи, новые средства массовой информации меняют журналистику по четырем параметрам: «Во-первых, меняется то, как журналисты делают свою работу. Во-вторых, новые медиа становятся причиной реструктуризации журналистских организаций и институций. В-третьих, растет количество новых форм медийного контента. В-четвертых, происходит перестройка отношений между журналистами, журналистскими организациями и связанными с ними социальными группами, особенно следующими пятью: читательская аудитория, источники, регулирующие государственные органы, инвесторы и конкуренты» [3].

Действительно, специфика работы журналиста состоит в том, что она все больше приобретает конвейерный характер. Сегодня от творческих сотрудников редакции требуются не литературные изыски пера, а точность и оперативность в подаче фактов, эксклюзивность, быстрота отклика на событие, умение писать в жестко заданном формате, сочетание универсализма со специализацией и многое другое. Такие качества ценились в работе журналиста и прежде. Но сегодня, когда многие редакции пошли по пути сокращения творческих кадров, а одному сотруднику приходится выступать во многих профессиональных ипостасях, т. е. быть конвергентным журналистом, задачи, стоящие перед ним, усложняются не только в количественном, но и в качественном измерении.

Когда исследователи говорят, что «новые медиа становятся причиной реструктуризации журналистских организаций и институций», то имеют в виду активный процесс трансформации традиционных медиа в сетевые. На смену обычной версии бумажной газеты пришли электронные, которые принципиальным образом отличаются от своих предшественников и по дизайну, и по форме распространения, и по способам подачи материалов, и по жанровой палитре, и по характеру взаимодействия со своей аудиторией. По такому же пути пошли и сетевые радио и телевидение. Мультимедийность, интерактивность, simultанность, гипертекстуальность — вот те ключевые признаки, которые отличают новые медиа от традиционных.

Естественно, что технологические изменения потребовали реструктуризации журналистских организаций. В чем это проявляется? Сегодня на смену традиционным редакциям, которые существовали на протяжении последних 300 лет, приходят виртуальные. Благодаря развитию высокоскоростных онлайн-технологий постепенно отпадает необходимость в аренде больших редакционных помещений, где обычно размещались различные отделы редакций, секретариат, технические и вспомогательные службы. Теперь каждый журналист и редактор может работать удаленно. Редакционные летучки можно проводить в онлайн-режиме. Координацию действий многих сотрудников редакции может вести один выпускающий редактор, который находится в головном офисе за центральным компьютером, куда стекается вся информация. Доступ к редакционной базе данных, как правило, имеют и все сотрудники издания, которые могут с ней работать на удалении.

Все эти новации, безусловно, сказались не только на специфике, но и на основных принципах редакционной деятельности. Если под принципами понимаются общие правила осуществления какой-либо деятельности, то «принципы организации производства представляют собой исходные положения построения, функционирования и развития производственных процессов» [2, с. 8]. Рассмотрим, на каких базовых принципах строится работа редакционного коллектива, что в них остается неизменным, а что требует корректировки.

Принцип кооперации. Подразумевает обнаружение общих закономерностей кооперативного взаимодействия журналистов. К основным признакам кооперации труда журналистов в процессе совместной деятельности по выпуску медийного продукта можно отнести следующие.

1. Кооперация представляет такую совместную работу индивидов, в результате которой возникает объединение различных видов труда и операций, дающих определенный самостоятельный результат, входящий в продукт деятельности коллектива в целом.
2. Кооперация, как один из способов взаимодействия различных видов деятельности в рамках исполнения общей функции группы, предполагает согласованность, комбинацию и координацию индивидуальных действий членов коллектива.
3. Кооперация — это обмен видами деятельности, который, в отличие от совместности как согласованности и комбинации, раскрывает разные взаимосвязи между людьми.

Перечисленные признаки кооперации могут быть дополнены и другими характеристиками. Но в целом их анализ предполагает: во-первых, соотношение совместной деятельности индивидов с процессом производства, задающим разные формы и способы объединения людей; во-вторых, принятие во внимание таких общеизвестных факторов кооперативного взаимодействия, как разделение труда между членами коллектива и их интеграцию.

Как известно, различные предметные основания журналистской деятельности предполагают наличие разнообразных профессий и специальностей, которые имеют тенденцию к усложнению. «На заре журналистики, — пишет В. М. Горохов [1, с. 8], — был распространен „деятельностный синкретизм“, когда журналист совмещал в себе редактора, издателя, публициста, организатора, секретаря редакции, а иногда — наборщика и метранпажа. С развитием СМИ, с обогащением их функций, вовлечением в журналистику значительного числа людей разных специальностей, с качественными переменами в производственно-технической сфере, с усложнением социальных связей журналистики с обществом такой „деятельностный синкретизм“ перестал существовать и был заменен разделением и кооперацией в рамках единой журналистской деятельности».

Сегодня средства массовой информации отличаются многообразием журналистских специальностей. В редакционных коллективах немало журналистов, способных проявить себя в различных видах творчества: редактор может быть прекрасным публицистом, а корреспондент — талантливым организатором и т. д. Журналистика по своей природе предполагает универсализм, что обусловлено необходимостью для сотрудников СМИ отображать жизнь во всей ее многогранности и многообразии, используя все находящиеся в их распоряжении средства и формы. При этом мера универсальности зависит, на наш взгляд, и от уровня СМИ, в котором журналист работает, и от величины редакционного коллектива, и от широты интересов самого человека.

Однако на практике универсальность, как известно, всегда связана со специализацией, выступающей ее оборотной стороной. Наличие разнообразных журналистских специальностей — общеизвестный факт. Проблема, вызывающая у практиков постоянные споры, состоит в том, как в условиях все усложняющихся задач не только совместить универсализм со специализацией, но и интегрировать индивидуальные усилия каждого для создания медийного продукта. На наш взгляд, только за счет кооперативного взаимодействия становится возможным сочетание многообразных комбинаций журналистского труда. В совместной редакционной деятельности создание конечного — медийного — продукта предполагает «ансамбль» творческих усилий журналистов.

Общеизвестно, что взаимосвязь индивидуального результата журналистской деятельности с коллективным продуктом редакции, прежде всего, подразумевает

объединение журналистов вокруг общих целей деятельности. В социально-психологической литературе давно уже стало общепризнанным, что цель представляет сложное двухплановое отражение действительности. Во внутреннем плане она опосредует интересы человека, а во внешнем — его реальные возможности. Помимо познавательной стороны, категория цели включает в себя эмоционально-волевые и оценочные компоненты. Формируясь на основе синтеза наглядно-чувственной и рационально-логической стороны сознания, она образует комплексное духовное явление.

Как правило, журналистские цели можно подразделить на групповые и индивидуальные:

- по идейно-политической направленности СМИ, определяющей ее характер, позицию и лицо;
- по ориентированности СМИ на читателей, с учетом их возраста, образования, профессии, интересов и т. д.;
- по личным задачам журналистов относительно общей линии редакции. Общая цель отражает практическую связь людей в коллективе. В реальности она может быть воплощена в различных документах, манифестах, декларациях, лозунгах и т. д. Но чаще всего основные цели и задачи коллектива фиксируются в редакционных уставах. Вот, например, цели, ради достижения которых создана «Российская газета»:
 - ♦ освещение политической, общественной, экономической и культурной жизни Российской Федерации;
 - ♦ доведение до граждан Российской Федерации достоверной информации о деятельности высших органов государственной власти Российской Федерации;
 - ♦ формирование позитивного имиджа Российской Федерации за рубежом, в том числе путем подготовки специальных выпусков «Российской газеты» и вкладок в зарубежные издания, а также выпуска сетевого издания «Интернет-портал „Российской газеты“»¹;
 - ♦ содействие патриотическому воспитанию населения;
 - ♦ формирование исторического самосознания общества и освоение исторического опыта российской государственности, а также освещение политической, общественной, экономической и культурной жизни Российской Федерации путем выпуска журнала «Родина»;
 - ♦ официальное опубликование федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания Российской Федерации, указов и распоряжений Президента Российской Федерации, постановлений и указов Правительства Российской Федерации, нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, постановлений, заключений и решений Конституционного суда Российской Федерации и иных правовых актов и материалов, публикация которых осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации, указами Президента Российской Федерации;
 - ♦ сбор и распространение информации о международной, политической, общественной, экономической, культурной жизни, о жизни государств и соотечественников, живущих за пределами Российской Федерации, и иной информации;
 - ♦ содействие процессам национального согласия в обществе, укрепления российской государственности;
 - ♦ развитие внутрироссийских и международных связей в области журналистики, культуры, истории и политики².

¹ [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: www.rg.ru

² Устав ФГБУ «Редакция „Российской газеты“». М., 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fapmc.ru/mobile/rospechat/lwr/state/item138/main/custom/01/0/file.pdf>

Общие установки издания являются исходными факторами формирования индивидуальных целей. Если первые из них воплощены в различного рода документах, то вторые чаще фиксируются на «внутреннем языке» определенной совокупности понятий, представлений, эмоций и не обязательно могут выражаться внешне, проявляясь, в конечном счете, лишь в поступках людей. Исходным пунктом формирования индивидуальной цели является наличие у журналистов широкого спектра интересов. Фокусируя мысли и чувства человека на определенных аспектах действительности, они задают общее направление действий индивида. Функция интересов — «высвечивание» наиболее важных, с точки зрения личности, предметов действительности и создание постоянной «заряженности» человека на конечном результате труда.

Следующий этап интериоризации — конкретизация общей цели и определение возможных путей ее реализации. В совокупности эти процессы приводят к выбору решения, которое может быть принято методом проб и ошибок, предварительным рассмотрением, обсуждением ситуаций и оптимальным планированием. Причем ориентация на перспективную задачу — один из критериев выбора решения. Например, для достижения общих целей, указанных в Уставе редакции «Российской газеты», журналисты данного издания призваны осуществлять следующие основные виды деятельности:

- производство и выпуск, распространение и реализация общественно-политической газеты «Российская газета», в том числе специальных выпусков и вкладок в зарубежные издания, приложений к ней для распространения на всей территории Российской Федерации и за рубежом среди физических и юридических лиц по подписке, в розничной торговле, в электронном виде в информационно-телекоммуникационной сети Интернет;
- выпуск обязательных экземпляров газеты, в том числе тиража, распространяемого безвозмездно или на льготных условиях отдельным категориям граждан Российской Федерации;
- производство и выпуск сетевого издания «Интернет-портал „Российской газеты“»;
- производство и выпуск, распространение и реализация периодического историко-публицистического журнала «Родина» и приложений к нему для распространения на всей территории Российской Федерации среди физических и юридических лиц по подписке, в розничной торговле, для распространения в электронном виде в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, для выпуска обязательных экземпляров;
- защита государственной тайны¹.

Для реализации принципа кооперации любому редакционному коллективу важно не только определить характер и содержание своей деятельности, но и объединить людей вокруг общих целей. Только в этом случае становится возможным объединение усилий всех сотрудников СМИ для реализации стратегических задач издания.

Исходя из принципа дифференциации, процесс производства медийного продукта должен быть разделен на определенные сегменты и операции, за которые в традиционных изданиях отвечали определенные отделы или службы. Например, взаимосвязь с читательской аудиторией осуществлял отдел писем, в отраслевых отделах редакции (к примеру, экономическом, научном, литературном и т. д.) проводилась вся основная работа по производству журналистского контента по соответствующей тематике, в секретариате осуществлялись вычитка и верстка макета издания, в редакторате — редактурa материала и т. д. Но если раньше сотрудники редакции буквально были «привязаны» к отделу, за рамки которого желательно было не выходить, то теперь у них появилось право выбора творческой группы, наи-

¹ Там же.

более соответствующей их интересам. Такой подход позволил сделать редакционную структуру гибкой. В поисках организационного оптимума многие журналистские коллективы ушли от жестко заданных штатным расписанием структур. Вся работа журналистов сконцентрировалась на главных для издания направлениях.

На практике совершенствование организационной работы редакции представляет непрерывный процесс и охватывает все без исключения профессиональные группы, подразделения, каждого сотрудника СМИ. При этом структурное изменение одного из звеньев в редакционном коллективе приводит к перестройке отношений между другими элементами. Поэтому в современных конвергентных редакциях принцип дифференциации заменяется иными принципами: комбинирования, концентрации, параллельности, ритмичности, непрерывности. Рассмотрим каждый из них.

Если исходить из *принципа концентрации*, то материальные, финансовые, рекламные, творческие, технологические, издательские и иные ресурсы важно концентрировать в одном месте, так как в этом случае издержки на производство медийного контента будут максимально сокращены. К примеру, сегодня многие редакции пошли по пути создания крупных медиа-холдингов, в составе которых может быть традиционная газета, сетевое издание, радио и даже телевидение. В чем плюсы такой концентрации? Во-первых, вместо нескольких редакций создается одна, объединяющая в одном большом ньюс-руме журналистов различных каналов СМИ, пользующихся единой базой данных. Вместо традиционных отделов здесь, как правило, действуют рабочие творческие группы по различным направлениям деятельности, а их техническим или материальным обслуживанием занимается одна служба. По данному принципу осуществляется и финансовая деятельность редакции. При таком подходе оптимизируется деятельность не только творческих сотрудников, но и технических и финансовых менеджеров. Именно за счет таких преобразований снижаются расходы по производству медийного продукта, его тиражированию, транспортировке, и другим материальным и финансовым показателям.

Принцип параллельности «ориентирует исполнителей производственных заданий на одновременное выполнение отдельных работ, исходя из логики развития производственного процесса» [2, с. 9]. Создание медийного контента в условиях конвергентной редакции практически невозможно, если не соблюдается принцип параллельности. Почему? При освещении события журналисты должны уже на стадии замысла произведения задумываться о том, в каком формате будет представлен тот или иной материал на различных медийных платформах. Ведь одно дело — просто подготовить статью для газеты, а другое — снять видеосюжет о мероприятии, взять интервью для радио, продумать прямое включение с места события и т. д. В этом случае помимо журналиста в работу по освещению события должны включиться и операторы, и редакторы, и монтажеры, и фотографы, и другие специалисты. Поэтому от участников производственного процесса требуется четкое соблюдение принципа параллельности. Только в этом случае различные элементы будущего медийного продукта будут подготовлены в срок.

Принцип параллельности непосредственно связан и с соблюдением двух других: *ритмичности* и *непрерывности*. Чтобы все производственные операции были связаны в единый процесс, без принципа ритмичности не обойтись, так как выпуск медийного продукта предполагает осуществление определенного объема работ, выполненных за конкретный интервал времени. Достичь данной ритмичности в производстве медийного продукта чрезвычайно сложно из-за специфики работы журналистов. Например, на подготовку получасового выпуска новостей на каком-нибудь телевизионном канале требуются усилия многих специалистов, которые могут затратить разное время на подготовку одного материала. Для одного информационного сюжета потребуется целый день, так как он может быть связан

с выездом на место события, где, к примеру, ведутся боевые действия, а для съемки пресс-конференции — максимум два часа. Как видим, для разных по объему работ требуются неравные объемы времени. Как же быть в таких случаях?

Для минимизации сбоев в подготовке информационного выпуска новостей редакции необходимо придерживаться принципа непрерывности, который, с одной стороны, предполагает четкое планирование занятости сотрудников, а с другой — предупреждение вынужденных простоев сотрудников редакции. При планировании каждого редакционного задания выпускающему редактору нужно учитывать все этапы работы журналиста над сюжетом: разработка сценарной заявки, сбор первичной информации, техническая и смысловая обработка материала, монтаж, редактирование материала и т. д. Только в этом случае можно минимизировать не технологические перерывы в работе журналиста, а значит, оптимизировать деятельность редакции по выпуску информационных выпусков новостей.

Как видим, в организации работы редакционного коллектива большое значение имеет соблюдение определенных производственных принципов, благодаря которым становится возможным бесперебойный выпуск информационного продукта. Таким образом, все производственные процессы, происходящие в той или иной редакции, во многом обуславливаются теми базовыми принципами, которыми руководствуется редакционный коллектив. Именно благодаря им между различными элементами редакционной работы устанавливаются определенные производственные связи, образующие в конечном итоге целостную систему операций по производству медийного продукта. Действия журналистов внутри редакции носят взаимосвязанный характер и направлены на достижение общих целей конкретного СМИ. Следование же базовым принципам организации труда журналистского коллектива помогает менеджерам оптимизировать не только всю редакционную деятельность по выпуску медийного продукта, но и сделать работу коллектива слаженной и четкой.

Литература

1. Горохов В. М. Основы журналистского мастерства. М., 1989.
2. Евменов А. Д., Данилов П. В., Какосьян Э. К. Организация производства на предприятиях социально-культурной сферы (в кинематографии и на телевидении) : учеб. пособие. СПб. : Изд-во СПбГУКИТ, 2009.
3. Pavlic J. V. *New Media Journalism // 21st Century Communication. A Reference Handbook*. Vol. 1–2. / ed. by William F. Eadie. Los Angeles, 2009.

References

1. Gorokhov V. M. *Bases of journalistic skill [Osnovy zhurnalistskogo masterstva]*. M., 1989.
2. Evmenov A. D., Danilov P. V., Kakosyan E. K. *Organization of production at the enterprises of the welfare sphere (in cinematography and on television) [Organizatsiya proizvodstva na predpriyatiyakh sotsial'no-kul'turnoi sfery (v kinematografii i na televidenii)]* : Tutorial. SPb. : Publishing House of SPb State University of Film and Television [Izd. SPbGUKiT], 2009.
3. Pavlic J. V. *New Media Journalism // 21st Century Communication. A Reference Handbook*. Vol. 1–2. / ed. by William F. Eadie. Los Angeles, 2009.

Межпоколенные практики

Цинченко Галина Михайловна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)

Доцент кафедры социологии и социальной работы

Кандидат социологических наук, доцент

galina_ts55@mail.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена практикам межпоколенных взаимодействий. В современном обществе различные межпоколенные практики предусматривают систематическое и преднамеренное взаимодействие между пожилыми и молодыми людьми. Такие практики предлагают механизм поддержки людей различных поколений. Они позволяют удовлетворить потребности в контактах между поколениями, разрушить барьеры между возрастными группами. Практики взаимодействия поколений затрагивают множество социальных, экономических и политических факторов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

межпоколенные практики, взаимодействие, пожилые, молодые люди, взаимоотношения

Tsinchenko G. M.

Inter — generational Practices

Tsinchenko Galina Mihailovna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)

Associate professor of the Chair of Sociology and social work

PhD in sociology, Associate Professor

galina_ts55@mail.ru

ABSTRACT

Article is devoted to the practice inter — generational interactions. In today's society, different inter — generational practice, provide systematic and deliberate interaction between elderly and young people. Such practices offer a mechanism to support people of different generations. Inter — generational practices to meet the needs in contacts between generations, break down the barriers between age groups. Practice among the generations affect many social, economic and political factors

KEYWORDS

inter-generational practices, interaction, elderly, young people, relationship

В традиционных обществах были определены как место каждого человека с момента рождения, так и способы взаимосвязи поколений, передачи опыта. В современном динамичном обществе, которое постоянно ставит перед каждым новым поколением проблемы и выбор путей своего развития, опыт предыдущих поколений не может полностью отвечать задачам настоящего и будущего. Не остаются неизменными механизмы трансляции опыта, соответственно формируется «образ» каждого поколения. Поколение — категория временная, неизбежна проблема, связанная с отношением каждого поколения к прошлому, настоящему и будущему. Для России это проблема имеет особую остроту: отказ от идеологии прошлого привел к распаду «связи времен», утрате чувства сопричастности к истории своей страны, своей родины [7]. В условиях резких социальных переломов четче проявляется конфликт поколений, поскольку возрастные особенности оказывают влияние на способность адаптироваться к изменениям, а социокультурные характеристики как бы перепле-

таются с демографическими. Но это не означает их уподобления. Такое отождествление чревато нигилизмом, т. е. подменой изменения типов и способов преемственности, уничтожением традиции, а значит и разрушением культуры (пример тому — возникновение «контркультуры» на базе молодежных движений 60–70-х гг.), потому что культура может развиваться, только опираясь на традиции [6].

Анализ ценностных аспектов взаимосвязей и взаимоотношений поколений имеет важное значение, так как изменилась система ценностей. Меняются как механизмы «социального наследования», так и способы самоутверждения новых поколений: молодежь обрела большую самостоятельность, в том числе и в выборе того, что она воспринимает из прошлого, и вместе с тем усилилось в детерминации ее поведения влияние материальных и экономических факторов. Ломается прежний, преимущественный традиционалистский механизм социального наследования, а новый механизм, способный ограждать молодежь от антиобщественных влияний, настроений, поступков, еще не сформировался. Главное в межпоколенных отношениях — способность каждого поколения адаптироваться безболезненно в единое социокультурное пространство без жесткой иерархии, без насилия, неуважения со стороны «отцов» к детям, с обязательным утверждением авторитета пожилых людей и доверия, любви к растущему человеку.

Сфера взаимоотношений поколений в современном обществе является сложной для анализа и здесь необходим комплексный подход: она должна рассматриваться с конкретно-социологической, с философской, психологической, культурологической точек зрения. Основной круг современных проблем взаимоотношений поколений задается российской историей и состоянием самого общества. Перемены в России, во многом отвергающие опыт предыдущих поколений, ведут к конфликту и разрыву между поколениями, идет процесс освоения идеи индивидуальности как важнейшего социального достояния. Этот процесс идет в двух направлениях: с одной стороны — экономическая предприимчивость, с другой — сфера частной жизни, персональных связей и отношений. Молодежь при этом имеет некоторые стартовые преимущества — пластичность, свободу от стереотипов, широкий круг общения. Наибольшие же социальные, культурные, эмоциональные дефициты испытывают на себе старшие. Существуют различия в ценностных ориентациях и предпочтениях молодых и пожилых. Разделению поколений способствует то, что молодое поколение использовало предоставленные шансы на восходящую мобильность, а старшее — нет.

Симбиотичности поколений и стабильности общества способствуют практики межпоколенных взаимодействий. В современном обществе развиваются различные межпоколенные практики, предусматривающие систематическое и преднамеренное взаимодействие между пожилыми и молодыми людьми в обществе. Такие практики предлагают механизм, с помощью которого люди различных поколений сотрудничают для того, чтобы поддерживать и оберегать друг друга. Они позволяют удовлетворить потребности в контактах между поколениями, разрушая барьеры, которые современное общество установило между возрастными группами. Практики взаимодействия поколений затрагивают множество социальных, экономических и политических факторов, влияющих как на молодых, так и на пожилых людей.

На Западе применение межпоколенных практик эффективно в решение таких проблем, как социальная изоляция, дистанцированность поколений друг от друга и от общества, дискриминация по возрасту как при приеме на работу, так и при увольнении и множестве других. В США межпоколенные практики успешно используются с 1963 г. Первоначально они были созданы с целью преодоления негативных последствий географического разделения поколений, так как 30–40% американских семей жили вдалеке от родителей. Недостаток межпоколенных контактов в семье способствовал возникновению чувства одиночества и ненужности среди пожилых,

так как они теряли значимые роли в семье, а дети и подростки теряли положительные образцы для подражания, ласку и заботу бабушек и дедушек. Начали появляться стереотипы в отношении обоих поколений. В дальнейшем межпоколенные практики сосредоточились на решении определенных социальных проблем, воздействующих как на молодежь, так на людей пожилого возраста.

Детям и подросткам эти практики помогают в решении таких проблем, как заниженная самооценка, исключение из школы, злоупотребление алкоголем и наркомания, вовлечение в банды и др. Для пожилых людей участие в межпоколенных практиках помогает избавиться от ощущения своей бесполезности и чувства одиночества, а также решить проблему занятости. Практики межпоколенного взаимодействия способствуют восстановлению связей с семьей и обществом.

Первоначально к работе в межпоколенных практиках привлекались волонтеры. С развитием и расширением их стало увеличиваться число профессионалов, работающих в этой области. В начале 1980-х гг. в США возникают академические курсы для специалистов, работающих в области межпоколенных взаимоотношений. Существует множество различных практик межпоколенного взаимодействия. Одна из первых предполагала еженедельное посещение детьми младших классов больных пожилых людей, которые жили по соседству. Другая предоставляла людям старше 60 лет волонтерскую работу: они посещали детей младшего возраста с задержкой умственного развития. Обычно такие практики обеспечивают уход за детьми в рабочее время, а также предоставляют услуги пожилым людям, которые больны, но все еще живут в собственных домах. «Бабушки и дедушки» — одна из самых крупных программ-практик, призванная привлечь пожилых людей к общению с детьми, нуждающимися в особом внимании и уходе в неблагополучных семьях, домах для детей с умственными, физическими и эмоциональными расстройствами. Пожилые люди обслуживают обычно двух детей, постоянно общаются с ними, становятся для них любящими бабушками и дедушками [1].

Межпоколенные практики можно разделить на три основные группы:

- пожилые люди, предоставляющие услуги детям и подросткам;
- дети и подростки, предоставляющие услуги пожилым людям;
- дети, подростки и пожилые люди, обслуживающие людей других возрастов.

Практики первого типа применяются, как правило, в детских садах, школах, колледжах. Пожилые люди делятся своими знаниями и опытом с детьми, тем самым обеспечивая ценную помощь преподавателям, воспитателям, родителям и обществу в целом. Пожилой человек может быть наставником, воспитателем, няней, взрослым другом или тренером, служит положительным образцом для подражания. Наставники поддерживают детей и подростков, могут быть их адвокатами, мотиваторами и, конечно, должны быть их друзьями. Часто наставник и его подопечный имеют общие интересы. Координатор от школы или агентства подбирает пожилых людей, которые хотят быть наставниками, обучает их и оценивает работу. Результатом таких программ для детей и подростков является повышение успеваемости в школе и самооценки. Дети получают ценный жизненный опыт, пожилые же, в свою очередь, — возможность разделить свой жизненный опыт и передать навыки молодому поколению, а также конструировать новые, полезные социальные роли. Практики, в которых пожилые люди выполняют функции воспитателя или няни, привлекают пожилых людей в хорошей физической форме. Центры охраны детства, детские сады и школы — типичные места их работы.

Практики, в которых пожилые люди являются взрослым другом для подростков, могут включать телефон доверия, помощь в учебе или социальную поддержку. В семейных или детских практиках поддержки участников встречаются регулярно. Взрослый друг обеспечивает поддержку и товарищеские отношения детям и их родителям. Они могут читать книги, рассказывать истории, играть в игры. Пожилые

люди могут также выполнять функции тренера, если они ранее увлекались каким-либо видом искусства или спорта.

Программы, в которых дети и подростки предоставляют услуги пожилым людям, обычно предназначены для больных стариков или тех, которым необходима ежедневная помощь в ведении домашнего хозяйства. Дети и подростки могут выполнять несколько функций: посетители, компаньоны или помощники, преподаватели. Они могут посещать пожилых людей как индивидуально, так и в группе. Дети и подростки могут читать для пожилых людей, ставить им музыку, обмениваться впечатлениями, сопровождать их на прогулки, обучать их работе на компьютере и т. д. Общаясь с детьми, пожилые люди находят в них заинтересованных, благодарных слушателей. Также дети и подростки могут работать вспомогательным персоналом в специализированных санаториях, социальных службах и больницах. Для применения данной практики необходим координатор, который принимает на работу добровольцев и обучает их необходимым навыкам. Компаньоном или помощником может стать учащийся средней школы или студент колледжа или вуза, так как эта работа достаточно сложна для младших детей. В обязанности помощника входит посещение врача вместе с подопечным, уборка дома, посещение пожилых людей, страдающих деменцией. Такие виды услуг могут оказывать студенты, изучающие геронтологию, физиотерапию, социальную работу, сочетая теоретические знания с практикой. В некоторых межпоколенных практиках молодые люди могут выполнять функции преподавателя, например, подросток может научить пожилого человека пользоваться компьютером, обучать иностранному языку.

Дети, подростки и пожилые люди могут также объединяться вместе, расширяя круг своих возможностей: совместная помощь людям с ограниченными возможностями, посещение и организация мероприятий спортивного или культурного характера в детских домах или домах для престарелых, хосписах. Такие практики могут проводиться на открытом воздухе. Например, проекты озеленения улиц, выращивания цветов и овощей, переработка мусорных отходов, строительство детских площадок. Обычно люди участвуют в таких мероприятиях на добровольной основе, однако существуют и долгосрочные проекты, финансируемые как местными органами, так и государством.

В нашей стране имеется богатейший опыт позитивных межпоколенных взаимодействий: движение «тимуровцев», просуществовавшее более 60 лет; общественная работа пенсионеров, включающая шефскую работу с трудными подростками, организацию досуга детей, подготовку и проведение праздников улиц; работа клубов по интересам [2].

В современной ситуации наблюдается значительное сокращение материальной базы для организации культурного досуга, поэтому в системе досуговой деятельности молодежи и пожилых людей часто преобладают формы, которые не требуют материальных затрат, а именно: пожилые, как правило, предпочитают телесериалы, а молодежь увлекается компьютерными играми, которые сами по себе лишь вытесняют и заменяют реальность, изолируют человека от взаимодействия с миром, ведут не к развитию, а к атрофии способностей. В этой связи главной целью всех образовательных программ должно быть развитие внутренней мотивации к занятиям спортом, посещению театров, музеев, чтению, творчеству.

В настоящее время в России существует потребность в организации клубов, творческих кружков, причем наиболее актуальна такая потребность среди детей, подростков и пенсионеров. В связи с развитием системы социального развития клубы по интересам для пожилых людей организуются при центрах социального обслуживания населения (ЦСО). Например, при заводском ЦСО г. Саратова действуют четыре таких клуба: садоводов и огородников, ювенологический клуб, прикладного творчества и шахматный. Открылся клуб для пожилых людей при ЦСО Октябрьского

района, а именно — отделение дневного пребывания — структурное подразделение, предназначенное для медицинского, культурного обслуживания и отдыха людей пожилого возраста: пенсионеров и инвалидов, способных к активному образу жизни [3]. Здесь работают психолог, инструктор по лечебно-оздоровительной гимнастике, библиотекарь и культурно-организатор. Культурно-познавательная программа включает в себя такие мероприятия, как экскурсии в музеи города, на выставки, в цирк, парк культуры и отдыха и т. д. На занятиях с психологом обсуждаются самые разнообразные темы, касающиеся проблем пожилого возраста. Заседания клуба — это не традиционные лекции, а интересные психотерапевтические и тренинговые занятия. Здесь отмечаются различные праздники. Все мероприятия осуществляются на благотворительной основе. Клуб объединяет самых разных по возрасту, образованию, увлечению людей, не потерявших самое главное — интерес к жизни.

Примером межпоколенной деятельности может служить ассоциация «Бабушкина забота» города Москвы. Эта организация объединила женщин пенсионного возраста, которые беспокоятся о будущем своих внуков. Первая задача данной ассоциации — восстановить связь поколений через построение родословного древа. Знание своей родословной является бесценным подарком для внуков, а само построение древа служит важным средством воспитания последующих поколений [4]. Восстанавливая свою родословную, пожилой человек удовлетворяет потребности в самопознании, уважении и признании со стороны потомков. Пожилые люди являются носителями семейной истории, о которой невозможно узнать из других источников. Школьники, обращаясь к генеалогии, изучающей происхождение и родственные связи родов и отдельных лиц на протяжении многих поколений, чаще всего получают информацию от своих бабушек и дедушек. Такие программы очень актуальны для нашей страны, потому что оторванность от корней приводит к разрыву поколений. Рассматриваемую программу можно отнести к третьему типу межпоколенных практик, когда пожилые люди и молодые объединяются вместе для взаимовыгодного сотрудничества. Деятельность «Бабушкиной заботы» в другом направлении привела к созданию «Школы добра», где детей учат терпимости, мирному сосуществованию, эмпатии и сочувствию. Школа для малышей объединила поколения воспоминаниями об играх, в которые играли бабушки, об их детстве. Так, с помощью игр четыре поколения объединились в коллектив. Это направление деятельности данной ассоциации относится к первому типу межпоколенных практик, когда пожилые люди объединяются для того, чтобы помочь подрастающему поколению.

Тульский региональный центр поддержки женщин и семьи «Подруга» ведет работу по оказанию социальной, психологической и юридической помощи пожилым людям силами молодежных добровольческих отрядов [5]. Волонтеры набираются из числа студентов старших курсов высших и средних специальных учебных заведений: юристов, социальных работников, медиков, специалистов по ремонту бытовой техники. Много предложений идет по организации культурного досуга пенсионеров. Создана программа «Алло, бабуля?» Школьникам предлагаются телефоны одиноких пожилых людей, которым они могут позвонить, поделиться своими проблемами и спросить совета в тех случаях, когда они не могут обсудить свои проблемы с родителями, а также выслушать пожилых людей и, возможно, помочь им. Тульские программы можно отнести ко второму типу межпоколенных практик, когда дети и подростки помогают пожилым людям.

Развитие межпоколенных взаимоотношений сегодня очень важны в связи со сложными социально-психологическими условиями воспитания детей в семьях, стоящих на грани развода, в неполных семьях, там, где родители ведут аморальный образ жизни. В таких семьях, как правило, нарушаются психологические связи между ребенком и родителями, что может привести к уходу детей из семьи, росту

детского бродяжничества, наркомании. Бабушки и дедушки могут взять на себя обязанности родителей.

Практики межпоколенного контакта положительно влияют как на молодых, так и на пожилых людей. Они улучшают физическое и эмоциональное самочувствие пожилых людей, повышают их жизненную активность. Молодые начинают более полно понимать изменения, происходящие с возрастом. Дети и подростки, взаимодействующие с пожилыми людьми, приобретают способность видеть в них значимые личности, могут получать сведения из истории жизни старшего поколения, которое представляет культуру и образ жизни прошлых лет. Контакт с большим пожилым человеком может подготовить детей к заботе о своих родителях и пожилых людях в будущем. «В зависимости от социальной компетенции и ресурсов, пожилые люди могут морально (а возможно, и в финансовом отношении) поддерживать молодых людей, а биография старых людей может стать для молодых людей источником информации об истории их семей и культурных традициях общества. Пожилые люди организуют свою деятельность даже при функциональных затруднениях и несут ответственность за себя сами, они не являются „грузом“ для молодых поколений» [8, с. 57]. Негативные представления о старости и о пожилых людях нужно нивелировать через повышение уровня осведомленности о геронтологических проблемах других возрастных групп, в частности молодежи. Частые контакты между поколениями стимулируют положительное отношение к старости и старым людям, и чем раньше дети начинают взаимодействовать с пожилыми людьми, тем лучше отношения между ними. Современные социальные проблемы обременительны не только для молодых и пожилых, но и для среднего поколения, часто ответственного за заботу и поддержку других возрастных групп. Очевидно, что недостаток межпоколенных контактов воздействует на все возрастные группы. В сегодняшней ситуации всеобщего разобщения и непримиримости возобновление межпоколенных контактов через различные межпоколенные практики могло бы стать стабилизирующим фактором в современном обществе.

Литература

1. Жукова С. А. Культура межпоколенных взаимоотношений // Культура, власть, идентичность: новые подходы в социальных науках / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой. Саратов : Волжский сад, 1999. С. 313–317.
2. Жукова С. А. Технология межпоколенных коммуникаций // Международный год пожилых людей: социальные исключения по полу и возрасту : материалы межрегиональной конференции. Саратов : Пароход, 2000. С. 48–51.
3. Колосов А. В., Альтшулер Е. А. Наука о долголетию. М. : Искусство, 1984.
4. Коринфский А. А. Народная Русь: Круглый стол сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. М. : Московский рабочий, 1994. 560 с.
5. Кон И. С. Социология личности. М., 1967.
6. Краснова. О. В. Бабушки в семье // Социс, 2000. № 11. С. 108–116.
7. Молевич Е. Ф. К анализу сущности и формы социальной старости // Социс, 2001. № 4. С. 61–64.
8. Прохорова М. В. Взаимодействие поколений в семье и обществе : резюме доклада о поколениях в Швейцарии // Вестник ННГУ им. Н. И. Лобачевского. Сер. Социальные науки, 2012. № 2(26). С. 52–58.

References

1. Zhukova S. A. *Culture of inter-generational relationship* [Kul'tura mezhpokolennykh vzaimootnoshenii] // Culture, power, identity: new approaches in social sciences [Kul'tura, vlast', identichnost': novye podkhody v sotsial'nykh naukakh] / Under the editorship of E. R. Yarskaya-

- Smirnova. Saratov: Publishing commercial enterprise Volga Garden [Izdatel'sko-kommercheskoe predpriyatie «Volzhskii sad»], 1999. P. 313–317.
2. Zhukova S. A. *Technology of inter-generational communications* [Tekhnologiya mezhpokolennykh kommunikatsii] // International Year of Elderly People: social exceptions on a gender and age [Mezhdunarodnyi God Pozhilykh Lyudei: sotsial'nye isklyucheniya po polu i vozrastu] : Materials of interregional conference. Saratov : Steamship [Parokhod], 2000. P. 48–51.
 3. Kolosov A. V., Altshuler E. A. *Science about longevity* [Nauka o dolgoletii]. M. : Art [Iskusstvo], 1984.
 4. Korinsky A. A. *National Russia: Round table of legends, beliefs, customs and proverbs of the Russian people* [Narodnaya Rus': Kruglyi stol skazanii, poverii, obychaev i poslovits russkogo naroda]. M. : Moscow worker [Moskovskii Rabochii], 1994. 560 p.
 5. Kon I. S. *Sociology of the personality* [Sotsiologiya lichnosti]. M., 1967.
 6. Krasnova. O. V. *Grandmothers in a family* [Babushki v sem'e] // Social Researches [Sotsis], 2000. N 11. P. 108–116.
 7. Molevich E. F. *To the analysis of essence and a form of a social old age* [K analizu sushchnosti i formy sotsial'noi starosti] // Social Researches [Sotsis], 2001. N 4. P. 61–64.
 8. Prokhorova M. V. *Interaction of generations in a family and society: the summary of the report on generations in Switzerland* [Vzaimodeistvie pokolenii v sem'e i lshchestve: rezюме doklada o pokoleniyakh v shveitsarii] // Bulletin Lobachevsky NNSU. Series: Social sciences [Vestnik NNGU im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki], 2012. N 2(26). P. 52–58.

Сизова И. Л., Ермилова А. В., Хусяинов Т. М.

Потенциал социализации студентов в классических университетах России*

Сизова Ирина Леонидовна

НИУ «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород)
Заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук
Доктор социологических наук, профессор
isizova@hse.ru

Ермилова Алена Васильевна

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
Студент магистратуры 2-го года обучения факультета социальных наук
(направление подготовки «Социология»)
alena.ermilova@mail.ru

Хусяинов Тимур Маратович

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
Студент магистратуры 2-го года обучения факультета социальных наук
(направление подготовки «Социальная работа»)
timur@husyainov.ru

РЕФЕРАТ

В статье выстраивается концепция (на основе идей П. Бурдьё) коллективного габитуса высшей школы и его усвоение студентами в современной России. Используя оригинальную анкету, авторы попытались эмпирическим путем раскрыть его базовые свойства и смоделировать габитус социогуманитарного факультета одного из классических университетов страны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

габитус, вторичная социализация, высшая школа, социальный и культурный капитал, диспозиции, когнитивные, нормативные, аффективные установки

Sizova I. L., Yermilova A. V., Husyainov T. M.

Potential of Socialization of Students at Classical Universities of Russia

Sizova Irina Leonidovna

NRU „Higher School of Economics” (Nizhni Novgorod, Russian Federation)
Head of the Chair of the Social Humanities
Doctor of Science (Sociology), Professor
isizova@hse.ru

Yermilova Alena Vasilyevna

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
Student of a magistracy of the 2-nd year of the Faculty of Social Sciences (“Sociology”)
alena.ermilova@mail.ru

Husyainov Timur Maratovich

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
Student of a magistracy of the 2-nd year of the Faculty of Social Sciences (“Social work”)
alena.ermilova@mail.ru

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ): грант 14-33-01001 «Габитус факультета и социализация студентов классического университета».

ABSTRACT

In the article the concept (based on P. Bourdieu's ideas), a collective habitus of the higher school and its assimilation by students in modern Russia is built. Using the original questionnaire, authors tried to open in the empirical way its basic properties and to simulate habitus of social humanity faculty of one of classical universities of the country.

KEYWORDS

habitus, secondary socialization, the higher school, social and cultural capital, dispositions, cognitive, standard, affective installations

Введение

В современном российском обществе набирает обороты политика по выравниванию шансов в получении образования, которая распространяется на высшую школу. В последние годы в вузы приходят студенты, образующие гетерогенную группу, внутри которой существует сильная дифференциация по уровню материального обеспечения, культурному капиталу, способностям, интересам и стилю жизни. Тем самым усложняются функции высших учебных заведений, которые определяют не только будущую профессиональную карьеру студентов, но и его жизненные шансы в целом, иначе — являются мощнейшими агентами социализации [1].

В ситуации развития конкуренции за привлечение студентов классические университеты претендуют на особый статус (автономию), требуют соответствующих привилегий в политике управления вузом. Основной вопрос заключается в том, как поддерживать этот запрос, должна ли воспроизводиться специфическая университетская социализация студентов. В практической области ответы на поставленные вопросы помогут скорректировать либо сориентировать планы по учебной, научной, социокультурной политике современного классического университета в России.

В социальной философии субмир университета с его нормативными, когнитивными и аффективными компонентами рассматривается как весомый контраст миру первичной социализации [13, с. 118–194]. За небольшой промежуток времени, который студент проводит в университете, должны произойти значительные изменения в личности учащегося. С распространением идей П. Бурдьё результат социализации связывается, прежде всего, с концепцией габитуса, а в рамках нашего исследования социализации в высшей школе — с образованием специфического габитуса университета.

Коллективный габитус обладает набором специфических признаков общественной группы, в ее рамках образуется структура, которая понимается как интернализация господствующих норм и правил. Габитус как система длительных диспозиций и форм практики может регулярно настраиваться и коллективно согласовываться, но далеко не всегда планируемыми или осознаваемыми способом. Как указывал П. Бурдьё [2], он функционирует с автоматизмом инстинкта, вне явных соображений и рефлексий. Проявляясь в особенностях персонального стиля поведения, габитус конструируется сообществом, а не личностью. Тем самым, индивид обозначает свою принадлежность к группе, а габитус можно понимать как результат его социализации. Это означает, что предлагаемые условия жизни формируют границы восприятия, мышления и действий, принимаемые каждым членом группы.

Если связать коллективный габитус с классическим университетом, возникает проблема его неоднородности, или, скорее, внутренней дискретности. Например, в классическом университете им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород) существует порядка 20 факультетов и 6 научно-исследовательских институтов. Факультеты, НИИ и прочие подразделения представляют сумму агрегированных единиц (общностей) в составе университета. Основными признаками дифференциации высту-

пают формальные границы (пространственные и институциональные), а также изучаемые предметы, формирующие основу профессионального знания в определенной области. Так, «родственными» в вышеуказанном смысле в университете им. Н. И. Лобачевского являются естественнонаучные, технические и социогуманитарные объединения. И. Кант [11] считал, что в рамках смежных предметов по-своему рефлексируется миропорядок, а Ю. Хабермас [12] делил факультеты по назначению основной направленности на технические, практические или эмансипаторные цели. Соглашаясь с идеями П. Бурдые о том, что смысл габитуса можно уловить только в отношении специфического социального поля [3], мы изучаем подразделения (факультеты) социально-гуманитарного профиля, при этом отдельные лица или группы (студенты, сотрудники), которые участвуют в структурировании отношений, выступают в качестве ключевых игроков и формируют базу для выделения единиц эмпирического анализа [4].

В условиях возрастающей конкуренции на рынке образовательных услуг быстро меняются условия существования факультетов. Поскольку усиливается стремление к всеобщему высшему образованию, некоторые дипломы девальвируются, а факультеты пытаются поменять стратегию, чтобы поддержать их ценность. Так, нередко в современных университетах слияния, переименования, изменение учебных планов и другие изменения. Кроме того, место тех или иных дипломов в системе рыночных отношений во многом определяет степень автономности и трансформация внутренней системы ценностей на факультете, которая вместе с тем осуществляет селекцию (доступ к ней) и заботится о поддержании и репродукции своего порядка. Можно сказать, что обучению поддаются только те, кто уже изначально имеет необходимый капитал (культурный и экономический), а также усвоил принципы разделения мужского и женского труда (например, выделяются «женские» специальности). Правда, в России давление демографических проблем, резкое разделение высшего образования на «элитное» (дорогое, статусное) и «дешевое» (массовое), вмешательство органов образования заставляет вузы, особенно уязвимые, ориентироваться на маркетинговые стратегии ведения приема студентов и сохранение бюджетного финансирования. Таким образом, выбор высшего профессионального образовательного учреждения и конкретного факультета обуславливается семейными стратегиями, однако сам габитус в большей степени задается общественным контекстом, что предполагает значимость внешних связей и отношений. В этих условиях действует габитус определенной профессиональной группы и даже классовой позиции [10]. Когда студенты выбирают факультет и будущую профессию, они, например, имеют в виду запрос на высокое интеллектуальное развитие или общественный статус, являющиеся следствием положения в профессии.

Социализация в высшей школе способна модифицировать социальный габитус класса происхождения в актуальный габитус на индивидуальном уровне. В ходе обучения складываются гомогенные диспозиции, которые специализируются и дебиографизуются. Основная проблема при изучении влияния габитуса факультета и университета на социализацию студентов заключается в выявлении и расшифровке его базовой схемы действий и диспозиций. П. Бурдые считал, что габитус может быть усвоен без педагогической работы [2]. Так, в современных исследованиях изучается понятие «имплицитной педагогики», т. е. формирование габитуса как неосознанного отпечатка принципов, полученных в результате практических действий. Воздействие «эксплицитной педагогики» на восприятие габитуса, наоборот, предполагает осуществление методической работы с целью внушения формализованных принципов. Если такая практика осознается и систематически применяется, появляется возможность управлять процессом социализации.

Для эмпирического анализа габитуса необходимо различать факультеты (и иные подразделения) по размеру и сорту капиталов. Они операционализируются через

внешние признаки, например, ожидания студентов относительно учебы, выбранной профессии, доминирующих мотивов и целей. С другой стороны, важна оценка самого учебного процесса, структур интеракций, формирующих установки и ориентации студентов [4]. Рассматривая «габитус факультета» как продукт социализации (т. е. не выявляя его в начале обучения), следует искать дифференцированные данные о студентах между началом и концом времени обучения на факультете. Но поскольку индивидуальная биография имеет связь с габитусом факультета, начинающие обучение студенты выступают в качестве «предсоциализированных» субъектов, т. е. способных остаться и продолжить обучение на факультете, иначе включается механизм самоселекции системы: отчисления, переходы на другие специальности и пр. Этот момент особенно важен в настоящее время (хотя и не рассматривается в рамках данной статьи) из-за того, что студенты уходят на другие факультеты (вузы), хотя они получили образование бакалавра, но не захотели (не смогли) продолжить обучение в рамках магистратуры. Для тех же, кто обучается на факультете, имеет значение сравнение стилей жизни, под которыми понимаются в теории П. Бурдьё эстетически-экспрессивные, относительно унифицированные образцы повседневного ведения жизни, выраженные в одном похожем стиле потребления, способах поведения и вкусовых предпочтениях [5]. Также потенциал социализации студентов раскрывается посредством современной теории идентичности [8]. Студенческая идентичность связывается в социологии больше со статусом и ролью, с тем, как студенты себя воспринимают. В этом смысле различают университетскую и студенческую идентичность [14]. Если в основе первой лежит обретение специальных компетенций научной работы и профессии, то вторая создается посредством объединения в студенческой среде, развитием солидарности, а также интеграцией в студенческую субкультуру и ее систему ценностей. Кроме того, гендерная специфика культурной автономии студентов обуславливает габитус факультета и социализацию внутри него, например, посредством неравного распределения ресурсов и власти внутри университета, что выявляется, однако, только посредством сравнения габитусов разных подразделений вуза.

Методы исследования и внешний (экзогенный) образ студентов первого и выпускных курсов исследуемого социогуманитарного факультета классического университета России

За объект исследования в проекте «Габитус факультета и социализация студентов классического университета», осуществленного силами творческого коллектива молодых ученых, принят классический университет им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород), имеющий давние традиции, но вместе с тем динамично развивающийся и в XXI в. В данной статье представлены результаты анализа одного из социогуманитарных факультетов университета, имеющего 20-летнюю историю, его имиджа как внутри, так и вне учебных стен — в более широком социальном контексте (на рынке труда, среди жителей города и области, в Приволжском федеральном округе) [7]. Целью исследования является выявление научного, образовательного и воспитательного потенциала, формирующего социализацию студентов, а также анализ главных форм самоидентификации данного студенческого сообщества. В марте 2014 г. был проведен стандартизированный анкетный опрос студентов первых и последних курсов (бакалавриата, специалитета и магистратуры) факультета социальных наук (ФСН). В ходе него было опрошено 150 респондентов, по 50 чел. с каждого из трех направлений подготовки, имеющих на факультете. При этом каждая группа делилась на две подгруппы по 25 чел. В первую подгруппу вошли студенты первого курса, во вторую — все выпускники.

Вначале на основе статистического анализа полученных данных определим внешний облик учащихся. Студенток на факультете оказалось в четыре раза больше (80%), чем студентов (20%). Таким образом, факультет готовит в большей степени «женские» научные и профессиональные кадры. Такая гендерная специфика влияет на «габитус факультета» в целом и все его составляющие части. Возраст студентов соответствует общероссийским представлениям о времени получения первого высшего образования. Несмотря на то что возраст опрошенных студентов начальных и выпускных курсов колеблется от 17 до 29 лет, большинству исполнилось соответственно 18–19 лет (45%) и 21–22 года (41%). Подавляющее большинство студентов этих курсов получали первое высшее образование (93%), остальные либо второе высшее образование, либо учились одновременно на двух факультетах или совмещали учебу в университете с учебой в других вузах города.

С точки зрения образовательного капитала семей студентов было получено следующее распределение. У большинства студентов родители (мать + отец) имеют высшее образование (49%), у многих — среднее специальное образование (35%), причем образование матерей значительно выше образования отцов. Таким образом, студенты в целом обладают довольно значительным образовательным ресурсом, обретенным в семье.

До начала обучения в университете опрошенные студенты в большинстве являлись жителями Нижнего Новгорода (54%) или населенных пунктов Нижегородской области (29%), т. е. основная масса студентов — местные жители, которые ориентируются на стратегию «вуз поближе к месту жительства». Только 16% учащихся прибыли из других регионов страны; двое студентов до момента зачисления в университет проживали за пределами Российской Федерации. Выбор вуза во многом оказался обусловлен и тем, что многие студенты продолжают жить со своими родителями (55%). 36% студентов проживают либо в съемных квартирах, либо в общешитии ННГУ.

Материальное положение студентов в целом соответствует среднестатистическому состоянию жителей российского мегаполиса (не столиц): 12% ответили, что денег сильно не хватает; большинство — что живут неплохо (77%), а 11% прямо отнесли себя к богатым слоям общества. Таким образом, студенты исследуемого факультета являются представителями средних слоев российского общества [9], для которых характерен значительный образовательный капитал, весьма умеренный материальный достаток, территориальная укорененность и низкая степень мобильности. Поскольку большинство обучающихся на первом и последних курсах представлено девушками, то можно считать, что факультет является резервуаром для женской части охарактеризованного социального слоя. Дополнительно можно указать, что опрошенные студенты обладают относительным здоровьем (19% имеют хронические заболевания или степень инвалидности), в незначительной степени имеют вредные привычки (курят или употребляют алкоголь), один из опрошенных признался в употреблении наркотических средств.

Теперь оценим, как меняется соотношение некоторых внешних характеристик за время обучения на факультете. Для этого сопоставим пол, получаемое образование, образовательный капитал семьи, материальное положение и место жительства студентов первых и последних курсов (табл. 1).

Как следует из таблицы, можно наблюдать значительные изменения, которые происходят за четыре–шесть лет в социальном составе студенчества. Некоторые характеристики явно указывают на общероссийские и региональные тенденции: например, к концу обучения небольшая часть студентов начинает по разным причинам разочаровываться в выбранной специальности и пытается получить новое образование; растет образовательный капитал современных семей; становится меньше студентов с вредными привычками. На этом фоне не исключены и неко-

**Сравнительный анализ социального положения
первокурсников и выпускников, 2014 г., %**

Показатель	Студенты	
	<i>первокурсники</i>	<i>выпускники</i>
Получение первого высшего образования	93	89
Студентки женского пола	81	80
Высшее образование родителей (мать + отец)	56	40
Местные жители	87	79
Богатые	16	5
Средний материальный уровень	80	75
Бедные	4	20
Нездоровые	27	12
Отсутствие вредных привычек	89	85

торые внутрифакультетские влияния. К ним отнесем, прежде всего, увеличение числа студенток, получающих образование в данной области; явный прирост студентов из местных материально обеспеченных слоев общества, а также студентов, имеющих проблемы со здоровьем. Насколько зависят именно эти социальные изменения состава студентов от «габитуса факультета», едва ли возможно отследить на основе анкетного опроса. Но в то же время едва ли эти тенденции объяснимы в контексте общих и региональных процессов.

Результаты исследования и дискуссия

«Габитус факультета» нами оценивался на базе нормативных, когнитивных и аффективных компонентов в следующих областях: 1) образовательная сфера факультета; 2) научная среда, характерная для классического университета, который выступает против потенциала, направленного на приобретение специфических профессиональных навыков; 3) воспитательная работа факультета.

Образовательный ресурс факультета изучался, прежде всего, на отношении студентов обеих подгрупп (первокурсников и выпускников) к учебному процессу на факультете (табл. 2).

Оценка организации и реализации учебного процесса, данная в табл. 2, позволяет заключить, что студенты меняют свои взгляды и установки. С течением времени обучения вырабатывается осознанное критическое мышление по отношению к организации учебы на факультете, профессорско-преподавательскому составу, становятся более понятными и привычными требования во время экзаменационной сессии, при написании и защите различных текущих работ и заданий, более доступен смысл и содержание изучаемых предметов. Взаимное познание и признание заслуг в учебе приводит к значительному сокращению ощущения конкуренции между студентами во время учебы, мнимого чувства несправедливости, якобы допущенного со стороны социализирующих акторов.

Учебный процесс должен стимулировать некоторые важные компетенции студентов. На основе факторного анализа выделим наиболее значимые для студентов первокурсников и выпускников группы компетенций, которые они желали бы приобрести, обучаясь на факультете (табл. 3).

Таблица 2

Оценка учебного процесса студентами, %

Характеристика	Студенты			
	первокурсники		выпускники	
	да	нет	да	нет
Хорошая организация учебного процесса	48	10	41	27
Ясные требования при сдаче зачетов, экзаменов, других работ	50	28	56	20
Присутствие конкуренции между студентами в учебе	34	32	16	47
Хорошие отношения между студентами и преподавателями	77	3	60	16
Дискриминация студентов в учебном процессе	11	71	11	68
Слишком много требований и учебных предметов	31	33	8	61

Таблица 3

Факторный анализ компетенций студентов факультета социальных наук, % дисперсии

Фактор	Группы	
	первокурсники	выпускники
Общеобразовательные компетенции	46	7
Социально-ориентированные компетенции	12	6
Деловые навыки	8	51
Профессиональные знания и умения	7	8
Итого (полная объясненная дисперсия по значимым факторам)	73	72

Примечание:

подвыборка 1: первокурсники (критерий КМО — 0,833 (высокая адекватность); $p < 0,05$);

подвыборка 2: выпускники (критерий КМО — 0,850 (высокая адекватность); $p < 0,05$).

Факторные модели у первокурсников и выпускников во многом совпадают. В первом и во втором случаях выделено по пять групп компетенций, важных для студентов факультета. Однако их значение между первокурсниками и выпускниками различается. Первокурсники более нацелены на приобретение общеобразовательных компетенций (риторических, языковых навыков, и т. д.). Кроме того, для них важны цели, связанные с самосознанием и самоощущением в системе общественных координат: например, движение к личностному развитию и социально ответственному поведению. В меньшей степени первокурсники акцентируют деловые навыки, и, что особенно необычно, профессиональные знания и практические навыки по выбранной специальности. Возможно, что факультет, как полагают студенты, предназначен не столько для обучения выбранной профессии (все профессии, которым обучают студентов, проблематичны с точки зрения их современной ценности на рынке труда), сколько для формирования высокообразованной личности, способной получить работу в различных сферах хозяйства и общества. В исследовании были проанализированы ответы на вопрос о сферах деятельности, в которых хотели бы работать студенты после окончания вуза, из которых следует, что по специальности хотели бы работать толь-

ко 30% опрошенных студентов, как первокурсников, так и выпускников. Большинство же рассматривает для себя в будущем как приемлемую работу в СМИ и коммуникациях, органах власти и в системе образования. Выпускники факультета в наибольшей степени ценят деловые навыки (планирование и организация деятельности, самостоятельность), чем все иные выбранные и примерно равные по значимости группы компетенций. Возможно, такой уклон обусловлен тем, что они остались вне поля зрения образовательного процесса на факультете в целом.

Потенциал, который предположительно должен применяться для социализации студентов в вузе, в опросе операционализировался через многочисленные внешне наблюдаемые компоненты. Поэтому сведем 31 наблюдаемый признак к некоторым свойствам, которые их характеризуют. В результате факторного анализа подвыборки (группа 1 — первокурсники; группа 2 — выпускники) можно выявить изменения, которые происходят со студентами в течение времени пребывания на факультете (табл. 4).

По итогам анализа полученных данных можно заключить, что, во-первых, после обучения на факультете студенты воспроизводят более ясные и разнообразные нормативные, когнитивные и аффективные жизненные установки (семифакторная модель у выпускников против четырехфакторной у первокурсников). Во-вторых, отмечаются существенные изменения, которые происходят со студентами. На первый план выдвигаются научные качества, которые закладываются на факультете и становятся ведущей мотивацией в момент выпуска. Профессиональные устремления остаются значимыми и в конце времени обучения, однако они теряют доминирующее место в структуре предпочтений студентов. К концу времени обучения несколько повышается значение мотивации к самореализации и саморазвитию, что в целом продвигается в России, но традиционно характеризует ценность именно университетских выпускников. Далее факультет развивает у студентов установки к альтруизму, значимости административных и организационных навыков, общественной активности и склонности к выполнению практической работы. Интересно, что первоначальные запросы новых студентов на высокий профессиональный статус (получать высокие доходы, иметь постоянное место работы и т. д.) практически полностью исчезают из установок выпускников, и это также выражает работу «габитуса» данного факультета. Поскольку, как отмечалось в начале статьи, это обстоятельство девальвирует ценность получаемого в итоге диплома, важно обратить внимание на повышение статуса профессий, обретаемых на факультете, и на формирование имиджа рыночно-ориентированного факультета вовне. В целом, данное обстоятельство свидетельствует о рассогласовании образовательной политики с ситуацией на рынке труда и занятости населения в России, и попытки государства, а также ННГУ им. Н. И. Лобачевского изменить положение пока не приносят желаемого результата. Особенно важно отметить, что студенты уже приходят в вуз, имея нужные диспозиции, но полностью теряют их в процессе обучения.

Во время нахождения студентов в университете, несомненно, осуществляется процесс их воспитания. П. Бурдые писал об имплицитном характере воспитания, который наиболее присущ вузам. В итоге этот компонент «габитуса факультета» сложнее выявить, поскольку действия воспитательного характера менее выражены, размыты, не являются акцентированной частью социализации студентов. В анкетном опросе предполагалось, что подобные неявные практики могут осуществляться в процессе коммуникации с субъектами воспитательного воздействия (другими студентами, руководством, ППС и техническим персоналом факультета). Оценка того, насколько студенты начальных и выпускных курсов удовлетворены отношениями с указанными субъектами и как меняется эта характеристика от начала к концу времени обучения, показала отсутствие статистически достоверной зависимости. Это означает, что у студентов в целом не происходит заметной динамики в удовлетворенности со значимыми другими отношениями на факультете, на студентов они не

Факторный анализ образовательного и научного потенциала социализации студентов факультета, % дисперсии

Фактор	Группы	
	первокурсники	выпускники
Научная деятельность	12	12
Профессиональные навыки	18	10
Саморазвитие, широкая самореализация	9	10
Альтруистические наклонности	—	9
Административные и организаторские навыки	—	9
Широкая общественная активность	—	7
Практическая деятельность	—	7
Трудовая ориентация	11	—
Итого (полная объясненная дисперсия по значимым факторам)	50	64

Примечание:

подвыборка 1: первокурсники (критерий КМО — 0,605 (удовлетворительная адекватность); $p < 0,05$);

подвыборка 2: выпускники (критерий КМО — 0,623 (удовлетворительная адекватность); $p < 0,05$).

производят целенаправленного воздействия и остаются внешним фактором по отношению к их жизни. Этот способ интеракции можно обозначить как общение в условиях разового предоставления услуг (в магазине, в кафе, в банке и т. д.), хотя на протяжении минимум четырех лет это общение является весьма интенсивным. Представим детализированную картину с учетом дифференциации студентов по направлениям подготовки (табл. 5).

В целом, как показывает табл. 5, студенты равнодушно-удовлетворены сложившимися отношениями с разными представителями факультетского сообщества. В реальности чаще всего для студентов значимыми другими отношениями являются компании за пределами университета, родители и однокурсники. Студенты других курсов, преподаватели, сотрудники факультета не являются значимыми собеседниками.

В табл. 6 представим данные по интенсивности коммуникаций студентов со значимыми субъектами.

К концу времени обучения ничего не меняется: основными собеседниками у студентов остаются все те же друзья, знакомые, родственники за пределами университета. Меньше половины выпускников хотели бы больше общаться со своими однокурсниками, только четвертая часть — с преподавателями и студентами других курсов или специальностей, очень мало из них тех, кто желает более интенсивного общения с сотрудниками факультета или иных университетских структур. Такой спад интереса к перечисленным субъектам особенно заметен при сравнении стремления чаще общаться между первокурсниками и выпускниками (табл. 7).

Воспитание в университете, с нашей точки зрения, должно заключаться не только в поощрениях или наказаниях, применении определенных стимулов для взрослых людей, проведении культурно-массовых мероприятий, но и предполагать оказание необходимой помощи в решении актуальных жизненных и учебных задач студентов. Поэтому в анализ были включены установки студентов по отношению к их восприятию помощи, которые они могут ожидать или нет в своей alma mater (табл. 8).

Таблица 5

Средние значения удовлетворенности взаимодействием с субъектами, оказывающими воспитательное воздействие на студентов

Направление подготовки	Удовлетворенность взаимодействием с...			
	студентами	ППС	техническим персоналом	руководством факультета
<i>Первокурсники</i>				
1	3,7	3,4	3,1	3,3
2	3,6	3,5	3,3	3,4
3	3,8	3,8	3,5	3,6
<i>Выпускники</i>				
1	3,3	3,5	3,4	3,5
2	3,8	3,6	3,0	3,3
3	4,0	3,9	4,0	3,8

Примечание: 1 — очень недоволен; 5 — очень доволен.

Таблица 6

Средние значения интенсивности коммуникаций со значимыми субъектами

Субъект	Студенты	
	<i>первокурсники</i>	<i>выпускники</i>
Друзья и знакомые за пределами университета	3,4	3,3
Родители и другие родственники	3,5	3,5
Однокурсники	3,4	3,3
Студенты других курсов или специальностей	2,7	2,4
Преподаватели факультета	2,7	2,7
Сотрудники деканата, кафедр	2,1	2,2
Иные преподаватели или сотрудники университета	1,9	1,8
Работающие вместе в одной организации	1,7	2,1

Примечание: Оценки: 1 — не контактирую, 2 — редко; 3 — иногда; 4 — всегда.

Таблица 7

Стремление студентов к коммуникации с основными субъектами, %

Субъект коммуникации	Студенты	
	<i>первокурсники</i>	<i>выпускники</i>
Друзья и знакомые за пределами университета	88	77
Родители и другие родственники	79	70
Однокурсники	57	43
Студенты других курсов или специальностей	40	28
Преподаватели факультета	28	25
Сотрудники деканата, кафедр	13	7
Иные преподаватели или сотрудники университета	11	11
Работающие вместе в одной организации	20	16

Средние значения восприятия помощи студентами, %

Установка	Студенты	
	первокурсники	выпускники
Я уверен, что в университете мне всегда помогут справиться с возникающими проблемами	3,3	3,1
У меня часто возникает ощущение, что университету нужны только результаты моей учебы	2,5	2,6
Если я не появляюсь в университете, обо мне там никто не вспоминает	2,3	2,6

Примечание: 1 — полностью не подходит; 5 — полностью подходит.

Самые значительные различия в оценках подгрупп возникают в случае описания типичного для высшей школы равнодушия к студентам, которые сокращают свое участие в учебном процессе. Если первокурсники настроены более позитивно, то у выпускников восприятие действительности несколько менее радужное. Например, среди выпускников 24% согласны с тем, что если они не появятся в университете, о них никто не вспомнит. Еще 32% выпускников не смогли четко сформулировать свое мнение по этому поводу. Между тем, студенты признались, что испытывают следующие волнующие их проблемы (табл. 9).

Итак, более половины выпускников озабочены проблемами в текущей учебе. Объяснения в виде сложности этапа окончания вуза, а также «горячего» предэкзаменационного времени в этом случае не слишком применимы, поскольку почти у половины первокурсников есть похожие проблемы, а опрос проводился в начале нового семестра (в марте 2014 г.). Более половины студентов обеих подгрупп связывают проблемы с предстоящими зачетами и экзаменами. Следующей трудностью для многих является нехватка материальных средств, а самая большая тревога у студентов — за свое будущее после окончания университета. Каждый третий студент испытывает страхи и депрессии, и почти половина из них не могут определиться с дальнейшей профессиональной и трудовой стратегией. У каждого четвертого возникают проблемы в личном плане. Большинство студентов не надеются на помощь университета, но только небольшая часть переживает из-за этого. Таким образом, уже во время учебы скапливаются проблемы, которые студентам приходится решать на основании своего жизненного опыта, без участия социализирующей инстанции.

Некоторая часть общей факультетской жизни, проанализированная в опросе, позволяет сделать вывод относительно формирования новых социокультурных кодов, их будущее поддержание и воспроизводство в самостоятельной жизни вне университетских стен. Нами оценивалась культура общения на факультете, стиль одежды и проведение досуга, некоторые доступные потребительские блага и институциональные ограничения на факультете. В результате ранжирования средних значений по отдельным наблюдениям (от 1 — совсем не доволен; до 4 — очень доволен) оказалось, что студенты самую низкую оценку выставляют организации питания на факультете («так себе»). Практически равное отношение у студентов к комфорту помещений, в которых приходится находиться большую часть времени дня. Не очень довольны студенты графиком работы университетских и факультетских служб (библиотеки, деканата, кафедр), но более удовлетворены культурой общения с сотрудниками факультета, и особенно с преподавателями. Лучше всего студенты общаются между собой. В целом удовлетворенность студентов социокультурной средой ухудшается по мере приближения к старшим курсам. Большинство студентов пред-

Области, в которых студенты испытывают значительные проблемы, %

Проблема	Студенты	
	первокурсники	выпускники
Проблемы и требования в текущей учебе	48	54
Отсутствие в университете помощников в решении проблем и помощи в переживаниях	12	16
Предстоящие зачеты и экзамены	56	56
Текущее материальное положение	33	43
Материальные проблемы после окончания университета	39	45
Личные невзгоды (смерть близких, развод, расставание с друзьями)	21	25
Ухудшение настроения (страхи, депрессии)	31	32
Неуверенность в профессиональном и трудовом будущем	37	48
Одиночество при решении проблем и помощи в переживаниях в университете	12	16

Примечание: совмещены ответы «озабочен» и «сильно озабочен».

почитают одеваться в свободной манере, посещая занятия в университете (72%). Более строгий стиль одежды характерен во время экзаменационной сессии. Эта культура во многом закладывается в процессе учебы в университете, поскольку процент тех, кто предпочитает деловой и классический стиль одежды заметно возрастает к концу обучения, и, одновременно, уменьшается число студентов, посещающих университет «в чем есть». Особенно приветствуется деловой и классический стиль во время различных торжественных и научных мероприятий. Так, если в начале обучения «только» 67% студентов одевались в классическом стиле на научные мероприятия и еще 25% в свободном, то среди выпускников уже 80% опрошенных считали необходимым строгий стиль одежды и только 15% — свободный.

Наиболее часто опрошенные студенты ФСН проводят свое свободное время с друзьями или за компьютером. Много времени уходит на домашние дела, чтение. Немного реже студенты занимаются спортом, нередко посещают бары, кафе, кино. Практически не свойственно студентам посещение театров, концертов в свободное время. Мало кто занимается музыкой или имеет другие полезные хобби. Они редко смотрят телевизор. Различия между первокурсниками и выпускниками в проведении досуга носят скорее возрастной, чем социальный характер. Так, выпускники немного больше читают, меньше ходят по дискотекам и общаются с друзьями, больше занимаются домашними делами.

В завершение темы анализа коммуникационного процесса рассмотрим популярную сегодня тему активизации студенческих сообществ как субъектов соуправления университетом. Нам интересно было узнать, как сами студенты считают, на какой деятельности должны концентрироваться студенческие объединения. Выделим факторы из 11 признаков для обеих подгрупп (первокурсники и выпускники факультета) и сравним полученные результаты (табл. 10).

Как следует из табл. 10, студенты считают необходимым свое прямое участие в улучшении качества образовательного процесса. Особенно тесную связь с данным фактором имели такие суждения студентов-первокурсников, как желание оказать

**Сравнение главных компонент потенциала студенческих объединений,
в % дисперсии**

Фактор	Группы	
	<i>первокурсники</i>	<i>выпускники</i>
Улучшение учебы на факультете	38	39
Формирование имиджа факультета	17	15
Решение социальных вопросов	—	10

Примечания:

подвыборка 1: первокурсники (критерий КМО — 0,744 (приемлемая адекватность); $p < 0,001$);
подвыборка 2: выпускники (критерий КМО — 0,791 (приемлемая адекватность); $p < 0,001$).

влияние на соблюдение расписания преподавателями факультета, их подготовки к занятиям, внедрение инновационных методов обучения (коэффициент корреляции с фактором — 0,856), помощи в организации и проведении зачетной и экзаменационной сессий (коэффициент корреляции — 0,815), формирование лучших условий на факультете для обучения (коэффициент корреляции — 0,786). Очень похожие мнения высказали и выпускники факультета. Вторым по значению желанием в аккумуляции действий студенческих объединений для студентов обеих подгрупп стало участие в формировании имиджа факультета, включая внешнее представительство ФСН и проведение различных мероприятий. Для выпускников особое значение имеет также решение различных социальных вопросов (например, помощь в получении места в общежитии, социальной стипендии).

Поскольку к мнению студентов не всегда прислушиваются, или они не могут найти приемлемого способа выразить свою позицию, в опросе оценивался потенциал готовности студентов осуществить некоторые конструктивные и радикальные действия по изменению обстановки на факультете (табл. 11).

Процентное соотношение ясных (крайних) позиций студентов первых и последних курсов показывает, что к концу времени обучения у студентов увеличивается внутренняя свобода в отношении готовности отстаивать свои убеждения и взгляды. Эта особенность издавна присуща образованной части молодежи в России, и важно, что она сохраняется и поныне. Конструктивные действия важны для студенчества данного факультета, они имеют доминирующее значение на всех исследуемых курсах и направлениях подготовки, и сохраняют его на протяжении всего времени обучения. Правда, в этом случае присутствует большая группа (около половины опрошенных), которая является лояльной по отношению к факультету. Они готовы выступить с критикой только в самых исключительных случаях. Другая и меньшая часть студентов одобряют различные действия радикального характера. Особенно отметим выпускников, каждый десятый из которых заявляет, что готов к радикальным и даже экстремистским действиям. Для оценки данного потенциала важно отметить, что из неясных позиций студентов вытекает, что бойкотировать занятия в исключительных случаях готов каждый четвертый студент, как первого, так и выпускного курсов, а на более серьезные акции в исключительных случаях готов каждый пятый. Таким образом, в среде студентов присутствует скрытое недовольство действительностью. Насколько реальными являются возможные протестные акции, оценить трудно, однако необходимо развить каналы конструктивной обратной связи между студентами и субъектами социализации на факультете, следовать по пути прямого расширения прав участия учащихся в формировании общеуниверситетской и внутренней (на факультете) политик [6].

Потенциал готовности студентов к реализации действий, направленных на изменения на факультете, в % об общего числа опрошенных

Предлагаемая новация	Первокурсники		Выпускники	
	одобряют	не одобряют	одобряют	не одобряют
Открытые дискуссии, обсуждение со студентами факультетских проблем	49	9	57	9
Критические статьи в университетских печатных изданиях	23	25	35	12
Выпуск листовок и стенгазет с критическими выступлениями	28	29	17	33
Бойкот занятий	3	73	12	67
Демонстрации и забастовки, другие акции протеста	5	72	11	69
Силовой захват зданий университета (факультета)	7	85	11	76

Таблица 12

**Будущее университета глазами студентов
(сравнение главных компонент в % дисперсии)**

Фактор	Группы	
	первокурсники	выпускники
Качественное преобразование обучения студентов	24	21
Прямое участие студентов в учебном процессе	16	—
Диверсификация образования в университете	14	14
Социально-справедливое высшее образование	—	16
Высшее образование, ориентированное на рынок труда	—	14

Примечания:

подвыборка 1: первокурсники (критерий КМО — 0,666 (удовлетворительная адекватность); $p < 0,001$);

подвыборка 2: выпускники (критерий КМО — 0,715 (приемлемая адекватность); $p < 0,001$).

В заключение нам было интересно узнать, что хотят студенты от университета, как рассматривают его будущее, выступая в роли своеобразных «экспертов», т. е. лиц, включенных в этот процесс. На основе их мнений, сформированных по 12 параметрам, были получены следующие результаты (табл. 12).

Из пяти полученных факторов наиболее значение имеет качественное преобразование обучения в университете. Об этом думают большинство из обеих подгрупп опрошенных студентов. Меньшее количество студентов как в подгруппе первокурсников, так и выпускников, желают диверсификации образования в университете, понимая под этим отказ от классических форм аудиторных занятий на одном месте. Вместо этого студенты считают необходимым развивать практическую составляющую учебного процесса, прохождение части курса в других университетах и образовательных учреждениях. Для первокурсников оказалось необходимым внедрять прямое участие студентов в учебный процесс: выбор предметов для обучения, участие в

формировании программ обучения и т. д. Для выпускников большее значение имеет социальная справедливость в образовательной политике государства, а также обучение профессиям, востребованным на рынке труда.

Выводы

Данные, которые получилось извлечь посредством анкетного опроса, позволяют заключить, что в целом исследуемый факультет обладает весьма невыразительным «габитусом», расплываясь в среднестатистическом представлении о региональных социогуманитарных факультетах в современной России. Частично факультет поддерживает классические университетские традиции (в обучении, студенческой активности и стиле жизни, структурах интеракции), сложившиеся в вузе в советское время. С другой стороны, прослеживаются консерватизм и застой, нежелание меняться в новой действительности (хотя подготовка ведется по новым профессиональным направлениям, которых не было в советское время). Это проявляется в том, что во время обучения нивелируются установки на высокий социальный престиж будущего профессионала, а студенты формируют свою внешнюю субъектность в основном за счет семейного капитала. Похожие выводы можно сделать и в отношении самоидентификации студентов, которая по большей степени формируется за пределами университета.

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995.
2. Бурдьё П. Практический смысл / пер. с фр. ; отв. ред. Н. А. Шматко. СПб. : Алетейя, 2001.
3. Бурдьё П. Социология социального пространства / пер. с фр. ; общ. ред. Н. А. Шматко. СПб. : Алетейя, 2005.
4. Бурдьё П., Пассрон Ж.-К. Воспроизводство: элементы теории системы образования / пер. с фр. Н. А. Шматко. М. : Просвещение, 2007.
5. Бурдьё П. Различие. Социальная критика суждения (La Distinction. Critique sociale du jugement. Paris: Ed. de Minuit, 1979) / пер. с фр. Н. А. Шматко [Электронный ресурс]. URL: <http://bourdieu.name/content/razlichenie-socialnaja-kritika-suzhdenija>
6. Вельцель К., Инглхарт Р., Александер Э. [и др.] Распутывание связей между культурой и институтами на примере эмансипации человечества // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. XV. № 4(63). С. 12–43.
7. Гавра Д. П. Категория имиджа в современной коммуникативистике // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. № 4(69). С. 29–43.
8. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М. : КАНОН-пресс-Ц ; Кучково поле, 2000.
9. Заславская Т. И., Громова Р. Г. Трансформация социальной структуры российского общества. Путь в XXI век (стратегические проблемы и перспективы российской экономики) / под ред. Д. С. Львова. М. : Экономика, 1999. Гл. 8.
10. Иванов О. И. Социальное пространство как объект научного изучения и управляемой трансформации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. № 2(67). С. 49–64.
11. Кант И. Спор факультетов : собр. соч. в 8 т. Т. 7. М., 1994.
12. Habermas J. Erkenntnis und Interesse. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 2008.
13. Habermas J. Stichworte zur Theorie der Sozialisation / J. Habermas. Kultur und Kritik. Frankfurt am Main, 1973.
14. Multrus F. Fachkulturen / Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades des Doktors der Sozialwissenschaften an der Universitat Konstanz. Konstanz, 2004.

References

1. Berger P., Lukman T. *Social designing of reality. The treatise on knowledge sociology* [Sotsial'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya]. M. : Medium, 1995.

2. Bourdieu P. *Practical sense* [Prakticheskii smysl] / Translation from French. Executive edition of N. A. Shmatko. SPb. : Aletheia [Aleteiya], 2001.
3. Bourdieu P. *Sociology of social space* [Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva] / Translation from French. Executive edition of N. A. Shmatko. SPb. : Aletheia [Aleteiya], 2005.
4. Bourdieu P., Passeron J-C. *Reproduction: elements of the theory of the education system* [Vosproizvodstvo: elementy teorii sistemy obrazovaniya] / Translation from French of N. A. Shmatko. M. : Education [Prosveshchenie], 2007.
5. Bourdieu P. *Distinction. Social criticism of judgment* [Sotsial'naya kritika suzhdeniya] ("La Distinction. Critique sociale du jugement". Paris: Ed. de Minuit, 1979) / Translation from French of N. A. Shmatko. [Electronic resource]. URL: <http://bourdieu.name/content/razlichenie-socialnaja-kritika-suzhdeniya>
6. Welzel K., Inglehart R., Alexander E. [et all.] *Clear up of communications between culture and institutes on the example of emancipation of mankind* [Rasputyvanie svyazei mezhdu kul'turoi i institutami na primere emansipatsii chelovechestva] // Journal of sociology and social anthropology [Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii]. 2012. Vol. XV. N 4(63). P. 12–43.
7. Gavra D. P. *Category of image in a modern communicativistics* [Kategoriya imidzha v sovremennoi kommunikativistike] // Journal of sociology and social anthropology [Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii]. 2013. Vol. XVI. N 4(69). P. 29–43.
8. Goffman E. *The Presentation of Self in Everyday Life* [Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoi zhizni]. M. : The CANON - press C ; Kuchkovo field [«KANON-press-Ts», «Kuchkovo pole», 2000.
9. Zaslavskaya T. I., Gromova R. G. *Transformation of social structure of the Russian society* [Transformatsiya sotsial'noi struktury rossiiskogo obshchestva] / Way in the XXI century (strategic problems and prospects of the Russian economy) [Put' v XXI vek (strategicheskie problemy i perspektivy rossiiskoi ekonomiki)]. Under the editorship of D. S. Lvov. M. : Economy [Ekonomika], 1999. Part. 8.
10. Ivanov O. I. *Social space as object of scientific studying and the operated transformation* [Sotsial'noe prostranstvo kak ob"ekt nauchnogo izucheniya i upravlyaemoi transformatsii] // Journal of sociology and social anthropology [Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii]. 2013. Vol. XVI. N 2(67). P. 49–64.
11. Kant I. *Dispute of faculties* [Spor fakul'tetov]. Collection of works in eight volumes. Vol. 7. M., 1994.
12. Habermas J. *Erkenntnis und Interesse*. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 2008.
13. Habermas J. *Stichworte zur Theorie der Sozialisation* / J. Habermas. Kultur und Kritik. Frankfurt am Main, 1973.
14. Multrus F. *Fachkulturen* / Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades des Doktors der Sozialwissenschaften an der Universitat Konstanz. Konstanz, 2004.

Идеи полицейстики в советский период развития административно-правовой науки

Овсянников Юрий Николаевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
 Доцент кафедры конституционного и административного права
 Кандидат юридических наук, доцент
 yu_ovsyannikov@mail.ru

РЕФЕРАТ

В данной статье предпринята попытка ретроспективного анализа формирования и развития представлений о порядке регулирования публичных охранительных (полицейских) отношений в советский период развития административно-правовой науки. Здесь прослеживается эволюция воззрений на необходимость и содержание государственного принуждения и административного права таких мыслителей и государственных деятелей, как К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин, И. В. Сталин, А. Я. Вышинский, Л. М. Каганович, а также таких известных ученых-административистов, как А. И. Елистратов, И. Т. Тарасов, В. В. Ивановский, А. Ф. Евтихийев, Н. П. Карадже-Искров, С. М. Берцинский, В. Л. Кобалевский, С. С. Студеникин, Г. И. Петров, Н. И. Ананов, Ю. М. Козлов, М. И. Еропкин, Л. Л. Попов, А. П. Коренев, В. М. Лазарев, И. И. Веремеенко.

Взгляды названных персоналий на сферу охраны общественного порядка, их понимание предмета, методов и системы административного права существенным образом влияло на данную науку, которая как преемник права полицейского дважды (с 1917 по 1921 и с 1928 по 1937 гг.) исключалось из учебных программ, а научные исследования по данной отрасли права прекращались.

Наработки в сфере охраны общественного порядка, сделанные в 60–80-е гг. советскими учеными-административистами, непосредственно подготовили почву, на которой в постсоциалистический период развития теперь уже российской науки административного права возникла концепция выделения в структуре административного права такой его подотрасли, как полицейское право.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

охрана общественного порядка, полицейское право, административное право, «милиейское право», публичные охранительные (полицейские) отношения

Ovsyannikov Yu. N.

Ideas of Police Science during the Soviet Period of Development of Administrative Law Science

Ovsyannikov Yury Nikolaevich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
 Associate Professor of the Chair of Constitutional and Administrative Law
 PhD in Jurisprudence, Associate Professor
 yu_ovsyannikov@mail.ru

ABSTRACT

In this article, an attempt of the retrospective analysis of formation and development of ideas of an order of regulation of the public guarding (police) relations during the Soviet period of development of administrative law science is made. Here evolution of views on need and the content of the state coercion and administrative law of such thinkers and statesmen as K. Marx, F. Engels, V. I. Lenin, I. V. Stalin, A. Ya. Vyshinsky, L. M. Kaganovich, and also such famous scientists as A. I. Elistratov, I. T. Tarasov, V. V. Ivanovsky, A. F. Evtikhiyev, N. P. Karadze-Iskrov, S. M. Bertsinsky, V. L. Kobalevsky, S. S. Studenikin, G. I. Petrov, N. I. Ananov, Yu. M. Kozlov, M. I. Eropkin, L. L. Popov, A. P. Korenev, V. M. Lazarev, I. I. Veremeenko is traced.

Views of the called personnel of the sphere of protection of a public order, their understanding of a subject, methods and system of administrative law essentially influenced this science which as the successor of the police law twice (from 1917 to 1921 and from 1928 to 1937) was excluded from training programs, and scientific researches on this branch of the law stopped.

The practices in the sphere of protection of a public order made in the 60–80th years by the Soviet scientists directly paved the way on which during the post-socialist period of development of now the Russian science of administrative law there was a concept of allocation in structure of administrative law of its such subsector as the police law.

KEYWORDS:

protection of a public order, police right, administrative law, "militia law", public guarding (police) relations

В советской юридической науке на формирование представлений о порядке регулирования публичных охранительных (полицейских) отношений непосредственное влияние оказывала марксистская идеология, а именно: положение об отмирании в коммунистическом обществе государства, как особой силы для подавления¹. Так, Энгельс в письме к Бебелю, признавая необходимость государственного принуждения на этапе перехода от капитализма к коммунизму, указывал на то, что «пролетариат нуждается в государстве не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда можно будет говорить о свободе, — не будет государства»². Развивая эту мысль Энгельса, В. И. Ленин в своей работе «Государство и революция» писал, что при переходе от капитализма к коммунизму «особый аппарат, особая машина для подавления, „государство“ еще необходимо, но это уже переходное государство, это уже не государство в собственном смысле, ибо подавление меньшинства эксплуататоров большинством вчерашних наемных рабов дело настолько, сравнительно, легкое, простое и естественное, что оно будет стоить гораздо меньше крови, чем подавление восстаний рабов, крепостных, наемных рабочих. Эксплуататоры, естественное дело, не в состоянии подавить народа без сложнейшей машины для выполнения такой задачи, но народ подавить эксплуататоров может и при очень простой „машине“, почти что без „машины“, без особого аппарата, простой организацией вооруженных масс»³.

Говоря о полной ненадобности государства при коммунизме, так как при этом общественном строе, по мнению Ленина, некого подавлять, он, тем не менее, не отрицает возможности и неизбежности эксцессов со стороны отдельных лиц, а равно необходимости подавлять такие эксцессы. Но, делает оговорку В. И. Ленин, для такого подавления, во-первых, не требуется особый аппарат, так как «это будет делать сам вооруженный народ с такой же простотой и легкостью, с какой любая толпа цивилизованных людей, даже в современном обществе, разнимает дерущихся или не допускает насилия над женщиной», а, во-вторых, поскольку «коренная социальная причина эксцессов, состоящих в нарушении правил общежития, есть эксплуатация масс, нужда и нищета их», то «с устранением этой главной причины эксцессы неизбежно начнут „отмирать“»⁴. Отсюда Ленин в другой своей работе «Задачи пролетариата в нашей революции» в качестве одной из этих задач определяет необходимость разрушения старой машины угнетения и создание всенародной милиции⁵. Отсутствие у народа опыта в деле организации охраны общественного порядка его не очень беспокоит, так как, с одной стороны, Ленин считает, что

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20. С. 291–292.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19. С. 5.

³ Ленин В. И. Избранные произведения. В 4 т. Т. 2. М.: Политиздат, 1986. С. 388.

⁴ Там же.

⁵ См.: Ленин В. И. Избранные произведения. В 4 т. Т. 2. М.: Политиздат, 1986. С. 141–142.

народ с этим справится с «простотой и легкостью», а с другой, полагает, что хотя «ошибки в новом организационном строительстве самого народа неизбежны вначале, но лучше ошибаться и идти вперед, чем ждать...»¹.

Мысль В. И. Ленина о замене полиции народной милицией, в которой «должны участвовать поголовно все граждане и гражданки от 15 до 65 лет»², является, несомненно, прогрессивной и полностью соответствует концепции «активного гражданства» А. И. Елистратова, так как наделяет всех дееспособных граждан полномочиями в сфере публичной охранительной деятельности. Но недооценка важности и сложности этой деятельности, которую «сам вооруженный народ» будет осуществлять с «простотой и легкостью», а зачастую и вообще отрицание существования публичных охранительных отношений в коммунистическом обществе привело к распространению в советской юридической литературе идей о том, что административное право, пришедшее на смену праву полицейскому, «возможно только в буржуазном обществе, там, где имеют место полицейские отношения и существуют противоречия между властью и населением» [1, с. 17].

Логическим следствием такого подхода стало мнение о ненужности административного и тем более полицейского права, к которому у советской власти было предвзятое негативное отношение. Поэтому административное право, как преемник права полицейского, дважды (с 1917 по 1921 и с 1928 по 1937 гг.) исключалось из учебных программ. Так, С. М. Берцинский, один из наиболее видных административистов 1920–1940-х гг., оправдывая изгнание административного права из юриспруденции, писал: «попытки построить систему советского административного права следует признать ошибочными, стоящими в противоречии с самой сущностью советского строя»³.

Отказавшись от полицейского и административного права, как атрибута буржуазного общества, где, по мнению идеологов марксизма, царят «полицейские» отношения, советское государство в то же время становится государством поистине полицейским, соответствующим эпохе абсолютизма. Именно отказ от теоретической разработки объективно возникающих административно-правовых отношений, в которых, в частности, определяются права, обязанности и ответственность участников этих отношений в сфере охраны общественного порядка и безопасности, привел к отрицанию прав личности, к практически повсеместной замене частно-правовых отношений публично-правовыми, в которых не было места субъективным публичным правам.

Не менее известный, чем С. М. Берцинский, другой советский административист Н. П. Карадже-Искров в 1927 г. в своей работе «Новейшая эволюция административного права», раскрывая тоталитарную сущность советского государства, писал: «Государственная власть берет на себя организацию всей хозяйственной и культурной жизни страны. Для осуществления этой грандиозной задачи вводится строжайшая централизация и регламентация. Для наилучшего использования всех ресурсов вводится всеобщая трудовая повинность, и даже частное хозяйство подчиняется плановым нарядам (кустари) и посевному плану (крестьяне). Это расширение планового начала, государственного регулирования означало необычайное развитие административного права и крайнее стеснение частного оборота. От частно-правовых отношений почти не оставалось и следа»⁴.

Этот практически абсолютный государственный контроль над всеми сферами жизнедеятельности общества, достигнув своего апогея к началу 1921 г., с введе-

¹ Ленин В. И. Избранные произведения. В 4 т. Т. 2. М.: Политиздат, 1986. С. 142.

² Там же.

³ Берцинский С. М. Административное право. МСЭ. Т. 1. М., 1931. С. 165.

⁴ Карадже-Искров Н. П. Новейшая эволюция административного права. Типография издательства «Власть труда». Иркутск, 1927. С. 22.

нием НЭПа несколько ослабевает. Упраздняется система главкизма. Предприятия получают определенную хозяйственную самостоятельность. Государство сохраняет за собой в области хозяйственной и культурной лишь командные высоты. Либерализация экономики и последующая перестройка государственного аппарата настоятельно требуют научного осмысления управленческих процессов. В связи с чем возрождается наука административного права, развивавшаяся относительно свободно только в период НЭПа.

Однако развитие этой науки получает узкую направленность, так как ее предмет определяется «совокупностью мероприятий по охране революционного порядка и безопасности» [9, с. 79]. Выступая против подобной трактовки предмета административного права, А. И. Елистратов писал: «При таком сужении базы административное право превращалось в своего рода „милицейское право“»¹. Создавать же особую науку «милицейского права», полагал он, не имеет смысла, так как при вспомогательном характере милицейской деятельности «материал милицейской регламентации» частью укладывается в другие научные отрасли, частью же может составить раздел административного права как общей теории советского управления². Рассматривая «милицейское право» в качестве одного из разделов Особенной части административного права и даже в качестве «административного права в узком смысле этого слова»³, А. И. Елистратов возражал против идеи сведения административного права к полицейскому, имевшему место в период абсолютизма. Но, несмотря на имевшиеся возражения, эта идея практически оказалась реализованной в молодом Советском государстве.

В 20-е гг. НКВД РСФСР активно разрабатывал проект Административного кодекса РСФСР, задачей которого являлось «укрепление революционной законности и обеспечение основ революционного порядка и безопасности». Сферу регулирования данного нормативного акта предполагалось ограничить предметами ведения НКВД⁴. И хотя данному проекту не суждено было стать действующим законодательным актом, 12 октября 1927 г. был принят очень близкий к нему по содержанию Административный кодекс УССР, который, как отмечала Ц. А. Ямпольская, являлся официальным выражением идеи ограничения предмета административного права рамками «милицейского права», так как, судя по содержанию данного акта, «сферой административного права в основном считалась деятельность административных органов по осуществлению принудительных полномочий и различные виды административного надзора»⁵. Вообще, советское административное право, основываясь на принципах большевистской идеологии, более походило на политическую науку о полиции, чем на науку юридическую. Это хорошо показывает Н. П. Карадже-Искров, проводя сравнительный анализ принципов «нашего» и западноевропейского административного права.

«Индивидуальная свобода, — пишет Н. П. Карадже-Искров, — не является у нас таким основным принципом, как на Западе: наше государство проникнуто идеями коллективизма»⁶. Если на Западе под общим правом считается право частное, то в Советском государстве «общим правилом является право публичное, которое в эпоху военного коммунизма было почти единственным, почти синонимом совет-

¹ Елистратов А. И. Административное право. М.-Л., 1929. С. 34.

² Указ. соч. С. 36.

³ Там же.

⁴ Елистратов А. И. Об административном кодексе // Власть Советов, 1923. С. 29–31.

⁵ Советское административное право. Государственное управление и административное право. М., 1978. С. 139, 140.

⁶ Карадже-Искров Н. П. Новейшая эволюция административного права. Иркутск. Типография издательства «Власть труда», 1927. С. 24.

ского права вообще»¹. «Основной принцип западного государственного устройства — разделение властей, в частности, противопоставление законодательной и исполнительной власти. У нас принцип отделения законодательной власти от исполнительной подвергся полному отрицанию»². Если в буржуазных странах континентальной Европы, продолжает Н. П. Карадже-Искров, органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти, то советскому государству, построенному на началах демократического централизма, «нет надобности противопоставлять правительственную и земскую власть на местах»³. Сравнивая же положение личности в государстве, ученый отмечает, что в западных капиталистических государствах положение личности характеризуется началами равенства, свободы и подчеркивания субъективных публичных прав граждан. В то время как «наше государство не склонно выдвигать на первый план личность. Наоборот, оно рассматривает отдельных лиц лишь как средство для достижения своих целей. У нас личность не является чем-то самоценным. Она есть лишь винтик огромной машины. Поэтому и обеспечение ее прав стоит на втором плане»⁴. В. Л. Кобалевский писал, что основная цель советских органов, призванных надзирать за законностью, «вовсе не защита интересов частных граждан»⁵. «...Деятельность администрации по охране общественного порядка и спокойствия характеризуется тем, что она не преследует цели оказания положительных услуг конкретным лицам, а сводится в основном к ограничению естественной свободы индивида в интересах ограждения существующего в стране порядка мерами административного принуждения»⁶.

Руководствуясь названными принципами, ранняя наука советского административного права сформировала представление, что связанность советской администрации законом отличается от связанности на Западе тем, что «у нас начало закономерности умеряется началом революционной целесообразности»⁷. На подобную ситуацию, сложившуюся в юриспруденции, указывал и профессор А. Ф. Евтихийев, говоря, что «область усмотрения в советском праве действительно очень велика»⁸. И хотя эта точка зрения была в дальнейшем подвергнута резкой критике⁹, доминирующей в науке советского административного права стала идея об ограничении его предмета совокупностью тех общественных отношений, которые регулируются правовыми нормами, регламентирующими деятельность только органов советской власти, направленную к охране существующего общественного строя посредством предупредительных и отчасти репрессивных мер, применяемых в несудебном (административном) порядке¹⁰. Подобная тенденция в определении предмета советского административного права, исключая граждан и общественные объединения из числа субъектов публичной охранительной деятельности, не учитывающая научные разработки в области полицейстики, сделанные такими замеча-

¹ Карадже-Искров Н. П. Новейшая эволюция административного права. Иркутск. Типография издательства «Власть труда». 1927. С. 23.

² Указ. соч. С. 24.

³ Указ. соч.. С. 25.

⁴ Указ. соч. С. 29–30.

⁵ Кобалевский В. Л. Очерки современного административного права. Харьков, 1924. С. 242.

⁶ Кобалевский В. Л. Советское административное право. Харьков, 1929. С. 187.

⁷ Архипов К. Закон в советском государстве. М., 1926. С. 45; см. также: Сольц А. А., Гойхбарг А. Г. Применение гражданских законов судом. Советское право, 1923, № 3.

⁸ Евтихийев А. Ф. Основы советского административного права. Харьков, 1925. С. 198.

⁹ Яхонтов. О революционной законности // Советское право. 1926, № 1; Антонов-Саратовский. О революционной законности // Революционная законность. 1926, № 1; Дябло В. К. Буржуазная законность, советская законность, революционная законность // Советское право, 1926, № 6.

¹⁰ См.: Колесников А. Административное право РСФСР (К вопросу о содержании Административного кодекса) // Власть Советов. 1923, № 3. С. 41; Мазуренко Ю. П. Система права переходного периода: опыт систематики. Харьков, 1925. С. 33–34.

тельными русскими учеными, как И. Т. Тарасов, В. В. Ивановский, А. И. Елистратов и некоторые другие, свидетельствовала об утрате преемственности между дореволюционным полицейско-правовым мышлением и новым советским.

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. Сталин и его окружение берут курс на сворачивание НЭПа и на форсирование темпов индустриализации и коллективизации. С ликвидацией многоукладной экономики провозглашается, что ликвидированы эксплуататорские классы и эксплуатация человека человеком, которая, согласно ленинскому положению, является «коренной социальной причиной эксцессов, состоящих в нарушении правил общежития». С исчезновением причины эксцессов, соответственно, отпадает необходимость в их подавлении, а значит, приходят к выводу некоторые чересчур «левые» ученые-правоведы, исчезает предмет советского административного права, он «растворяется» в предмете учения о Советском государстве¹¹. Молодое советское административное право, сведенное фактически к «милицейскому праву», в котором единственным субъектом выступали административные органы, осуществляющие принудительные полномочия, вошло в противоречие с марксистскими постулатами, и поэтому в 1928 г. было повторно изъято из учебных программ, а научные исследования по данной отрасли права прекращены.

Однако репрессивно-надзорная деятельность органов советской власти явно не соответствовала положениям советской юридической науки, развивавшейся согласно марксистско-ленинскому учению об отмирании права и государства. Наступившее осознание тупиковости данного направления развития права и государства заставило Сталина подвергнуть марксизм-ленинизм ревизии и выдвинуть тезис об обострении классовой борьбы по мере продвижения страны к социализму. Сталин писал: «Отмирание государства придет не через ослабление государственной власти, а через ее максимальное усиление, необходимое для того, чтобы добить остатки умирающих классов и организовать оборону против капиталистического окружения, которое далеко еще не уничтожено и не скоро еще будет уничтожено»¹². Необходимость теоретического обоснования проводимых в стране репрессий, с одной стороны, и попытка завуалировать «полицейскую» деятельность Советского государства, назвав отношения, возникающие из этой деятельности управленческими, — с другой, явились одной из причин пристального внимания советского руководства к вопросам науки советского права.

Поэтому на Первом совещании по вопросам науки советского права и государства, проходившем в июле 1938 г., ученые-юристы, понимавшие марксистско-ленинскую теорию об отмирании права и государства буквально, были объявлены вредителями, а сама эта теория признана извращенной ими. А. Я. Вышинский, выступавший на этом совещании в качестве главного докладчика, в частности, говорил: «Враждебные нам антимарксистские, антиленинские „теории“, извращая самую постановку вопроса об отмирании права и государства, так же извращенно ставили и вопрос о задачах советского права и государства. Известны в этом отношении „работы“ вредителей и просто горе-„теоретиков“, которые в буквальном смысле не оставили камня на камне от марксизма-ленинизма в части, касающейся в особенности этого вопроса»¹³. Единственно же верное понимание учения Маркса и Ленина, согласно тезису Сталина, заключается, по Вышинскому, в том, что «право социалистического государства, как и само социалистическое государство, проходит процесс своего развития и укрепления, что к своему отмиранию на высших ступенях коммунизма

¹¹ См.: *Вышинский А. Я.* Основные задачи науки советского социалистического права // Советское государство, 1938. № 4. С. 33.

¹² *Сталин И. В.* Вопросы ленинизма. Политиздат ЦК ВКП(б), 1934. С. 509.

¹³ *Вышинский А. Я.* Указ. соч. С. 24.

они придут через максимальное свое укрепление на предыдущих этапах своего исторического развития»¹.

Осудив «левых» юристов, изгнавших административное право из правоведения, А. Я. Вышинский отвел советскому административному праву в системе советского права одно из важнейших мест, «в силу того исключительного значения, которое принадлежит вопросам администрации (управления) в деле социалистического строительства»². Таким образом, он реабилитировал административное право, но при условии, что оно будет развиваться на основе истинного марксистско-ленинского учения, не совпадающего со взглядами «старых» административистов, таких как А. Ф. Евтихийев, В. Л. Кобалевский, К. Архипов, «которые вообще старались свести наше административное право к обыкновенному старому полицейскому праву»³. То есть перед наукой советского административного права ставилась задача, не выделяя в качестве самостоятельных публичные охранительные (полицейские) отношения, определить предмет и содержание этой науки.

Эта задача должна была быть решена наукой советского административного права с целью помочь законодательной практике обосновать положительную сущность советского государственного управления. Именно достижение названной цели являлось условием дальнейшего существования этой науки. «Если наука не придет на помощь законодательной практике, — говорил в своем выступлении А. Я. Вышинский, — то, несомненно, от этого проиграет, прежде всего, сама наука, ибо она обнаружит полную свою никчемность, — не нужна нам такая наука, которая не помогает успехам нашего социалистического строительства...»⁴.

Озвученная Вышинским задача, поставленная руководством Советского государства перед административной наукой, была решена ведущими учеными-административистами конца 30-х — начала 40-х гг. прошлого века С. М. Берцинским, С. С. Студеникиным, Г. И. Петровым, Н. И. Анановым и др.

Исходя из ленинского положения о классовой сущности государственного управления⁵, эти ученые охарактеризовали буржуазное государственное управление как управление, связанное с отказом от законности и заменой ее административным произволом. Такое состояние буржуазного государственного управления определяется, по их мнению, тем, что основным его (управления) содержанием «является полицейское принуждение (*Verwaltungszwang*), осуществляемое путем «прямых действий» (*Action direct*) по праву свободного усмотрения (*fraies Ermessen*) или дискреционной власти (*Pouvoir discretionnaire*)»⁶.

«Буржуазно-государственный аппарат, — отмечал один из советских „вождей“ Л. М. Каганович, — играет по преимуществу роль полицейско-регулятивную, охраняя интересы капиталистов против революционных рабочих...»⁷. Если в буржуазном административном праве управление экономикой, финансами, культурой, образованием относится к категории «факультативных государственных служб», не составляет истинной природы буржуазного государственного управления, содержанием которого является «чисто полицейская деятельность», то важнейшей характеристикой социалистического государства, как писал С. М. Берцинский, является то, что оно в сфере хозяйства и культуры осуществляет творческое плановое

¹ Вышинский А. Я. Указ. соч. С. 26–27.

² Указ. соч. С. 34.

³ Указ. соч. С. 33.

⁴ Указ. соч. С. 35.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 345.

⁶ Берцинский С. М. Предмет советского административного права и метод его изучения // Проблемы социалистического права. 1939. № 2. С. 66.

⁷ Организационные вопросы. Партийное и советское строительство. Партиздат. 1934. С. 20–21.

управление, а принуждение, имея временный и вспомогательный характер, «направляется, прежде всего, и главным образом, на подавление ничтожных остатков тех классово чуждых элементов, которые поддерживаются внешним капиталистическим окружением»¹.

Особенность социалистического принуждения, по мнению Берцинского, состоит в том, что оно осуществляется в редких, отдельных случаях противодействия административной функции. «Вообще же, — заявляет этот ученый, — советский гражданин соблюдает социалистическую дисциплину и подчиняется советским законам и актам управления отнюдь не из страха перед принуждением, а в силу внутреннего убеждения, беспредельной преданности партии Ленина — Сталина, преданности социалистической власти»².

Таким образом, по Берцинскому, в советском государственном управлении принуждение, составляющее содержание публичных охранительных отношений, представляет собой незначительную часть административных функций органов государства, преимущественно осуществляющих творческое плановое управление в области хозяйства и культуры. А значит, приходят к выводу ученые-административисты, предмет административного права может быть определен через «единое общественное отношение» [10, с. 7], которое охватывает все отношения, возникающие в процессе государственного управления, причем одной из сторон этого отношения будет орган государственного управления³. С. С. Студеникин давал следующее определение предмета административно-правового регулирования: «Кратко формулируя, можно сказать, что к административному праву относятся нормы, определяющие организацию и деятельность органов государственного управления, их полномочия и ответственность, формы и методы осуществления органами управления конкретных задач государства»⁴.

Студеникин, а вслед за ним и многие другие, все отношения, возникающие в процессе исполнительной и распорядительной деятельности органов государства, стали называть организационными, считая это «особенностью советского административного права»⁵. «...При анализе исполнительно-распорядительной деятельности нас интересует, — писал С. С. Студеникин, — организация хозяйственной деятельности, а не сама хозяйственная деятельность предприятий, организация удовлетворения запросов и потребностей граждан, организация охраны порядка и т. д.»⁶. Именно за непонимание этой «особенности советского административного права» Г. И. Петров назвал порочным положение А. Ф. Евтихиева о том, что данная отрасль права «регулирует государственную деятельность, направленную на обеспечение безопасности и благосостояния граждан»⁷.

Советские ученые-административисты, придав административно-правовым отношениям организационный или управленческий характер, в предмете советского административного права не выделяли публичные охранительные отношения. Без-

¹ Берцинский С. М. Предмет советского административного права и метод его изучения // Проблемы социалистического права. 1939. № 2. С. 70.

² Там же.

³ Студеникин С. С. О предмете и системе советского административного права // Советское государство и право. 1939. № 3. С. 105.

⁴ Указ. соч. С. 104.

⁵ Ямпольская Ц. А. О месте административного права в системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1956. № 9. С. 101.

⁶ Студеникин С. С. Социалистическая система государственного управления и вопрос о предмете советского административного права // Вопросы советского административного права. М.—Л., 1949. С. 29.

⁷ Петров Г. И. Предмет советского административного права // Советское государство и право. 1940. № 7. С. 37.

размерная трактовка управленческой деятельности и возникающих в связи с ее осуществлением общественных отношений заставила некоторых ученых прийти даже к такому выводу, что «правоотношения, возникшие между совершающим преступление и задерживающим его гражданином, носят управленческий характер, ибо складываются в сфере управления» [8, с. 27].

Но, несмотря на декларацию ученых о том, что советское административное право имеет максимально регулятивно-позитивный характер, они все же выделяли в системе советского административного права раздел, регламентирующий полицейскую деятельность. Перечисляя в этом разделе нормы, определяющие организацию и деятельность органов управления в области обороны, охраны государственной безопасности и общественного порядка¹, они тем самым признавали существование и регулятивных, и правоохранительных отношений, хотя и называли их управленческими. На реальное существование «полицейского права» в структуре советского административного права указывало еще то, что в Специальной (Особенной) части системы советского административного права названные (полицейские) нормы располагались в первом разделе, в то время как нормы, определяющие организацию и деятельность органов управления в области социалистического хозяйства, культурно-воспитательной и социально-бытовой, или собственно управленческие нормы — во втором и третьем разделах². Подобное построение системы советского административного права, мягко говоря, несколько не соответствовало провозглашавшемуся во всеуслышание положению о том, что в центре внимания советской власти находится оказание всему советскому обществу услуг, имеющих прежде всего созидательную направленность.

Помещая в Специальной (Особенной) части системы «нормы, определяющие организацию и деятельность органов управления в области обороны СССР, охраны государственной безопасности и общественного порядка» на первое место по отношению к управленческим и, тем самым, отдавая приоритет принудительной (полицейской) деятельности органов государства по сравнению с осуществляемой этими органами созидательной (управленческой) деятельностью, С. С. Студеникин писал: «Специальная часть построена в соответствии с характеристикой государственного аппарата по отраслям управления, данной товарищем Сталиным в работе „К вопросам ленинизма“. Такое построение полностью отвечает принципу систематизации нормативного материала по предмету правового регулирования»³. Другими словами, С. С. Студеникин, с одной стороны, признавал существование общественных отношений, возникающих в сфере охраны общественного порядка, и даже предоставлял им преимущество перед управленческими, но, с другой, говорил, что и те и другие являются элементами «единого общественного отношения», складывающегося в сфере государственного управления.

Лукавство при определении предмета советского административного права заключалось в том, что систематизация нормативного материала, составляющего этот предмет, противоречила основному положению советского административного права. Если, согласно этому положению, советское административное право регулировало прежде всего отношения, складывающиеся в процессе управления хозяйственным и культурным строительством, а охранительную (полицейскую) деятельность органов государства характеризовало как временную и вспомогательную, то в Специальной (Особенной) части системы советского административного права регламентации полицейской деятельности придавалось первостепенное значение.

¹ Студеникин С. С. О предмете и системе советского административного права // Советское государство и право. 1939. № 3. С. 108.

² Указ. соч. С. 108–109.

³ Указ. соч. С. 109.

Эта непоследовательность, имевшая место в науке советского административного права, была устранена Ю. М. Козловым, который привел систему одноименной отрасли права в соответствие с определением ее предмета. Указывая на то, что «советское административное право (и в этом его принципиальное отличие от административного права капиталистических государств, его творческий характер) регулирует общественные отношения, складывающиеся в сфере управления народным хозяйством СССР, поскольку само управление социалистическим народным хозяйством является основным направлением исполнительно-распорядительной деятельности»¹, он в соответствии с этой «особенностью советского административного права» классифицировал общественные отношения, составляющие предмет данной отрасли права. На первом месте Ю. М. Козлов расположил отношения в сфере управления народным хозяйством, на втором — отношения в сфере управления социально-культурным строительством и на третьем, последнем, — отношения в сфере административно-политического управления (охрана общественного порядка, оборона и т. п.). Подобный порядок построения системы административного права свидетельствовал об окончательной утрате преемственности между советским административным правом и дореволюционным полицейским, Особенная часть которого всегда начиналась с раздела о полиции безопасности.

Работа этого, несомненно, выдающегося ученого, углубив представления о государственно-управленческих отношениях как предмете административного права, в то же время не раскрывала сущности отношений, возникающих в сфере охраны общественного порядка, для которых Ю. М. Козлов нашел вполне приемлемое с точки зрения марксистско-ленинской методологии название, именовав их отношениями в сфере административно-политического управления. Не наделяя ни граждан, ни общественные организации, а лишь органы государства (их должностных лиц) полномочиями по осуществлению «этого вида советской государственной деятельности», он сводил деятельность органов Советского государства в сфере административно-политического управления к деятельности «полицейской», на что сам же и указывал, признавая существование элементов «полицейского права»² в советском административном праве. Правда, это признание носило не прямой характер, а вытекало из рассуждений ученого при рассмотрении им различных концепций о предмете советского административного права.

В то время Ю. М. Козлов, с одной стороны, не мог открыто признать существование «полицейского права», так как это не соответствовало советским условиям и, в частности, ленинскому принципу участия трудящихся в советском государственном управлении. Но, с другой стороны, этот принцип в одноименной работе ученого носил чисто декларативный характер, выступал в качестве не более чем «фигового листка», посредством которого предпринималась попытка прикрыть тоталитарную сущность советского государственного управления. В этой работе долгие рассуждения ученого об участии трудящихся в советском государственном управлении сводились, в конечном счете, к положению, что «весь советский народ осуществляет управление хозяйственным и культурно-политическим строительством не непосредственно, а через этот аппарат, полностью выражающий его волю и интересы»³.

Эта точка зрения на формы участия общественности в советском государственном управлении в дальнейшем подверглась реконструкции. Об этом, прежде всего, свидетельствовала перемена во взглядах на осуществление органами государства

¹ Козлов Ю. М. Предмет советского административного права. М., 1967. С. 25.

² Указ. соч. С. 22, 23.

³ Козлов Ю. М. Ленинский принцип участия трудящихся в советском государственном управлении. М., 1962. С. 27.

деятельности в области охраны общественного порядка. Если до 1959 г., как отмечалось в юридической литературе¹, функция охраны общественного порядка осуществлялась только государственными органами, в частности милицией, то с начала 1960-х гг. стало высказываться мнение, что реальная демократия характеризуется непосредственным участием общественных организаций в данном виде государственной деятельности. В связи с чем в 1960–1970-е гг. М. И. Еропкиным, Л. Л. Поповым и А. П. Корневым, а в 1980-е — В. М. Лазаревым и И. И. Веремеенко была предпринята попытка более широко посмотреть на предмет административного права, выделив отношения в сфере охраны общественного порядка, как прямо не входящие в государственное управление [2; 4–6].

М. И. Еропкин отмечал, что отношения, складывающиеся в сфере общественно-го порядка, — это не «отношения, складывающиеся в процессе управления» [5, с. 10]. Поэтому, отводя общественным организациям наиважнейшую роль в сфере охраны порядка, считал данный вид деятельности не только и не столько исключительной прерогативой государственных органов, сколько общественно необходимой функцией, осуществляемой общественными организациями, хотя и в контакте с государственными органами, но «самостоятельно, а не как вспомогательные органы» [Там же, с. 179]. Именно самостоятельное осуществление общественностью функции охраны порядка, как верно указывал ученый, реально обеспечивает права и свободы граждан. Видя в добровольных народных формированиях по охране общественного порядка «прообраз будущей организации, когда сами трудящиеся возьмут на себя полностью функции обеспечения порядка в стране» [Там же, с. 181], М. И. Еропкин таким образом под органами охраны общественного порядка, или как бы сказали сегодня — полицией, понимал совокупность государственных органов и общественных организаций, осуществляющих публичную правоохранительную деятельность.

Анализируя дефиниции предмета административно-правового регулирования в работах советских административистов, А. П. Корнев отмечал, что большинство из этих определений, сводящихся к утверждению, что административное право регулирует общественные отношения, складывающиеся в процессе государственного управления, нуждаются в уточнении, так как необоснованно сужают предмет административно-правового регулирования. «Вне сферы административно-правового регулирования оказывается поведение лиц, органов и организаций, не осуществляющих государственного управления или не участвующих в его осуществлении», — писал ученый [6, с. 5]. Это поведение лиц, органов и организаций, хотя и носит управленческий характер, но, по мнению А. П. Корнева, прямо не входя в государственное управление, охватывается понятием «правоохранительная деятельность».

Подразделяя административно-правовые нормы в соответствии с их содержанием и свойствами на регулятивные и правоохранительные, ученый в качестве предмета административно-правового регулирования определяет отношения, возникающие в связи с осуществлением компетентными органами и должностными лицами, общественными организациями и их представителями регулятивной и правоохранительной деятельности. При этом под регулятивной деятельностью им понимается разрешение индивидуальных конкретных управленческих дел и вопросов организационного, хозяйственного, социально-культурного, оборонного, внутреннего и внешнеполитического характера, реализация прав и законных интересов граждан, государственных органов, предприятий, учреждений и организаций в сфере государственного управления [Там же, с. 58]. Правоохранительная же

¹ Пертцки В. А. Некоторые вопросы вовлечения общественности в деятельность советского государственного аппарата // Возрастающие роли общественности в деятельности советских государственных органов. Иркутск. 1961. С. 18.

деятельность, по Кореневу, «нацелена на охрану урегулированных юридическими нормами управленческих отношений, их неприкосновенность. Посредством правоохранительной деятельности разрешаются юридические споры, возникающие в сфере управления, осуществляется защита субъективных прав, правового статуса граждан, государственных органов, общественных организаций, государственных и общественных служащих в сфере управления, применяются меры государственного принуждения к лицам, не выполняющим административно-правовых и иных юридических обязанностей» [Там же, с. 58–59].

Достаточно верно определяя круг вопросов, составляющих содержание регулятивной (управленческой) деятельности, к правоохранительной деятельности А. П. Коренев отнес также и деятельность по осуществлению специального вида правосудия (административная юстиция), под которым понимается особый процессуальный порядок рассмотрения в суде административного иска лица на незаконные действия администрации или полиции и обеспечение прав этого лица путем отмены неправомерного управленческого или полицейского акта. Подобное смешение полицейской и судебной функции стало возможным, по меткому замечанию К. С. Бельского, потому, что у А. П. Коренева отношения, возникающие в связи с осуществлением этих функций, «оставались без своего „образа“ и имени» [1, с. 19].

В 1980-е гг., развивая тему объективного существования публичных правоохранительных норм и отношений, поднятую М. И. Еропкиным и А. П. Кореневым, И. И. Веремеенко поставил вопрос о необходимости разработки единого законодательного акта по охране общественного порядка, в котором наряду с компетенцией надзорных органов были бы урегулированы основные права и обязанности граждан в сфере охраны общественного порядка, а также механизм взаимодействия граждан и надзорных органов по охране общественного порядка [3, с. 16].

Принятый в 1984 г. Кодекс об административных правонарушениях РСФСР явился важным шагом на пути кодификации законодательства по охране общественного порядка. Этот Кодекс хотя и не включил в себя большое количество полицейских норм и заострил внимание преимущественно на деятельности органов, уполномоченных осуществлять административную юрисдикцию, тем не менее, пусть не прямо, но признавал представителей общественности (народных дружинников) в качестве субъектов охраны общественного порядка¹.

Наработки в сфере охраны общественного порядка, сделанные в 1960–1980-е гг. советскими учеными-административистами, непосредственно подготовили почву, на которой в постсоциалистический период развития теперь уже российской науки административного права возникла концепция выделения в структуре административного права такой его подотрасли, как полицейское право.

Возникновение данной концепции было обусловлено, с одной стороны, начавшимися в 1990-х гг. процессами демократизации российского общества, одним из которых явилось освобождение правовой науки от идеологических штампов и стереотипов, что, в свою очередь, позволило обратиться к научному наследию, а с другой, необходимостью совершенствования механизма правового регулирования в российском государстве. Особенно очевидной такая необходимость стала после неудавшихся реформ начала 1990-х гг., которые ослабили российский государственно-правовой механизм, посеяли в обществе хаос, коррупцию, правовой нигилизм, неуверенность в завтрашнем дне. Так, например, Н. И. Матузов справедливо отмечал, что «в начале 90-х тоталитарная система плавно переросла в криминальную... Произошло глубокое разложение государственного аппарата, механизма взаимодействия центра и мест, разрушение властной вертикали» [7, с. 38].

¹ См.: КоАП РСФСР. Ст. 238. Доставка нарушителя.

Отсюда и осуществляемые в последние годы попытки укрепления властной вертикали, модернизации государственного аппарата, реформирования судебной и правоохранительной системы. Смысл новой, теоретически и практически выстраиваемой государственной политики — в гармонизации интересов личности, общества, государства, трансформировании государственного аппарата в эффективный и компактный инструмент достижения новых целей, стоящих перед страной, четкое определение реализуемых государственных функций и их распределение между соответствующими государственными институтами, развитие и совершенствование системы местного самоуправления как основной формы выражения власти народа и одной из основ конституционного строя Российской Федерации.

Реализации этой государственной политики сопутствует активизация научных, в том числе историко-правовых исследований, обращенных к ретроспективному анализу многогранного опыта российского государства в построении своей правовой системы, организации местного самоуправления, правового регулирования межнациональных отношений, взаимодействия на российском пространстве западных идей об административных и судебных институтах и русской консервативной традиции. На этом фоне оправдан и понятен тот интерес, который постепенно начинает проявляться к исследованию различных аспектов полицейского права.

Литература

1. Бельский К. С. К вопросу о предмете административного права // Государство и право. 1997. № 11.
2. Веремеенко И. И. Механизм административно-правового регулирования в сфере охраны общественного порядка. Ч. 1. М., 1981.
3. Веремеенко И. И. Механизм административно-правового регулирования в сфере охраны общественного порядка. Ч. 2. М., 1982.
4. Еропкин М. И., Попов Л. Л. Административно-правовая охрана общественного порядка. Л. : Лениздат, 1973.
5. Еропкин М. И. Управление в области охраны общественного порядка. М., 1965
6. Корнев А. П. Нормы административного права и их применение. М., 1978.
7. Матузов Н. И. Общая концепция и основные приоритеты российской правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. 2000. № 1.
8. Петров Г. И. Административная правосубъектность граждан СССР // Правоведение. 1975. № 1.
9. Соловей Ю. П. Российское полицейское право: история и современность // Государство и право. 1995. № 6.
10. Юсулов В. А. Теория административного права. М., 1985.

References

1. Belskiy K. S. *On a question of a subject of administrative law* [K voprosu o predmete administrativnogo prava] // State and law [Gosudarstvo i pravo], 1997. N 11.
2. Veremeenko I. I. *Mechanism of administrative and legal regulation in the sphere of protection of a public order* [Mekhanizm administrativno-pravovogo regulirovaniya v sfere okhrany obshchestvennogo poryadka]. P. 1. M., 1981.
3. Veremeenko I. I. *Mechanism of administrative and legal regulation in the sphere of protection of a public order* [Mekhanizm administrativno-pravovogo regulirovaniya v sfere okhrany obshchestvennogo poryadka]. P. 2. M., 1982.
4. Eropkin M. I., Popov L. L. *Administrative legal protection of a public order* [Administrativno-pravovaya okhrana obshchestvennogo poryadka]. L. : Lenizdat, 1973.
5. Eropkin M. I. *Management in the field of protection of a public order* [Upravlenie v oblasti okhrany obshchestvennogo poryadka]. M., 1965
6. Korenev A. P. *Norms of administrative law and their application* [Normy administrativnogo prava i ikh primeneniye]. M, 1978.

7. Matuzov N. I. *General concept and main priorities of the Russian law policy* [Obshchaya kontseptsiya i osnovnye priority rossiiskoi pravovoi politiki] // Law policy and legal life [Pravovaya politika i pravovaya zhizn']. 2000. N 1.
8. Petrov G. I. *Administrative rlegal personality of citizens of the USSR* [Administrativnaya pravosub"ektnost' grazhdan SSSR] // Jurisprudence [Pravovedenie]. 1975. N 1.
9. Solovey Yu. P. *Russian police law: history, present* [Rossiiskoe politseiskoe pravo: istoriya i sovremennost'] // State and Law [Gosudarstvo i pravo], 1995. N 6.
10. Yusupov V. A. *Theory of administrative law* [Teoriya administrativnogo prava]. M., 1985.

Лыткина Л. В.

Технологии анализа журналистского текста

Лыткина Лариса Владимировна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры филологии и журналистики
Доктор филологических наук, доцент
llytkina@yandex. ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена исследованию проблем медиакритики как феномена медиакультуры, суть которого видится в интерпретации виртуальной среды, медиареальности. Медиакритика рассматривается как модель общественной коммуникации, характеризующейся эксплицитностью, актуальностью, публичностью и полифункциональностью. Представлены технологические аспекты анализа медиатекстов, предлагается оригинальная методология и методика истолкования публицистических произведений П. Яковлева «Чувствительное путешествие по Невскому проспекту» и Д. Дефо «Опыт о проектах. Об академиях».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

медиаобразование, медиакритика, медиатекст, технологии, интерпретация, жанр

Lytkina L. V.

Technologies for Analysis of the Journalistic Text

Lytkina Larisa Vladimirovna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of Philology and Journalism
Doctor of Science (Philology), Associate Professor
llytkina@yandex. ru

ABSTRACT

the article is devoted to the study of the problems of mediacritic as phenomena of media culture, the essence of which lies in the interpretation of the virtual environment media. Media criticism is seen as a model of public communication, characterized by explicitly, relevance, publicity and multifunctional. The article presents the technological aspects of the analysis of media texts, proposes an original methodology and methods of interpretation of publicistic works of P. L. Yakovlev Sensitive journey along the Nevsky prospect and An Essay Upon Projects. Of Academies by D. Defoe.

KEYWORDS

media education, mediacritic, media text, technology, interpretation, genre

Актуальность данного исследования обусловлена недостаточной разработанностью технологий анализа журналистского текста. Журналистика как наука складывается из трех основных компонентов: истории журналистики, теории журналистики и медийной критики. История журналистики занимается описанием этапов развития медийных явлений в их конкретности и многообразии. Теория журналистики исследует общие закономерности функционирования журналистики как специфического социального института. Медийная критика призвана анализировать журналистские явления. Но на сегодняшний день российская медиакритика может быть определена лишь как некий эпифеномен отечественной медиакультуры. Процесс акцентуации медийной критики как системно- и смыслообразующего контента медиакультуры тормозится существующей зависимостью российских исследова-

телей медиатекстов от западных методик (Л. Мастерман, Э. Харт, Д. Букенгем, К. Бээлэгэт, К. Метц, Б. Бахмайер, Х. Ниезито, А. Сильверблэт).

Медийная критика — это базовая составляющая медиаграмотности и шире — медиаобразования. Медиакритика представляет собой медиатекст, суть которого состоит в интерпретации медиареальности. Она имеет дело с «псевдосредой» (У. Липпман), с «медиашафтом» (А. Аппаддураи). Анализ явлений медиакритики — это интерпретация интерпретаций, ибо печатный, аудиальный или телевизионный формат, представляя собой «переструктурирование реальности в событие аудиовизуальной реальности» [1, с. 390], в медиакритическом тексте должен пройти процесс двойной медиации. Задача исследователя феноменов медийной критики будет заключаться в выстраивании кросс-культурного диалога между выявлением манипулятивных технологий, способов и приемов воздействия медиапродукта на аудиторию, а также установлением медиационных возможностей текста медиакритики.

Медийная критика — это явление в буквальном смысле медийное, пограничное, посредническое, предстающее показателем системности между собственно журналистикой и наукой о журналистике. Современная медийная критика, как относительно самостоятельная область журналистики, хотя и имеет свою теорию, генетически неотделима от теории критики литературной. Медиакритика сохраняет четыре ее «конститутивных признака: эксплицитность, актуальность, публичность и полифункциональность» [6, с. 14–15].

Медийная критика должна рассматриваться не иначе как «модель общественной коммуникации» (Б. Менцель). Она не может трактоваться в дефинициях медиологии. Медиакритика действительно способна лишь на коммуникацию, поскольку переносит информацию в пространстве в пределах одной пространственно-временной сферы [3, с. 16]. Вместе с тем медийная критика способна выражать и формировать нормы (а также и стереотипы) оценки медийных продуктов.

Овладение технологией или, иначе, — приемами, методами, принципами, способами анализа медийных явлений — важная составляющая подготовки современного журналиста для работы в мультимедийной редакции. Владение журналистскими технологиями — это не только знание совокупности устоявшихся операций по сбору, обработке и публикации информации. Своеобразной технологией, необходимой будущему работнику СМИ, становится его умение анализировать, оценивать, исследовать медийные тексты разных эпох, усваивая традиции, воспринимая формальные поиски, особенности поэтики журналистских произведений.

Методологической основой анализа медийного текста на семинарах по истории журналистики могут стать размышления Г. В. Ф. Гегеля о функции творца традиционного эпоса: «...что он рассказывает, должно показаться субъективно от него отдаленной и самой по себе замкнутой действительностью как по содержанию, так и по изображению; с этой действительностью он не должен вступать ни в какую безусловно субъективную связь ни с точки зрения сюжета, ни с точки зрения рассказа» [2, с. 225].

Суждения Гегеля позволяют выделить три повествовательные разновидности: презентативную, свойственную историческим поэмам-эпосам; трансформативную, характерную собственно художественным произведениям нового и новейшего времени; экспозитивную, присущую информационным, аналитическим и художественно-публицистическим текстам.

Экспозитивная (описательная, изобразительная) повествовательная тенденция отражает особенности журналистского (медийного) произведения. Его автор вступает (нарушая требования к тексту, высказанные Гегелем) в «безусловно субъективную связь» с изображаемым «с точки зрения рассказа». Такой тип повествования (или повествовательная тенденция) предполагает ориентацию на реальные

события, строгую документальность, актуальность темы, создание сюжета по логике мысли повествователя с возможностью прямых оценок, бесфабульную и широкоохватную композицию.

Исследование журналистского произведения позволит не только изучить способы, приемы, принципы создания публикаций, ставших классическими, сохранивших свою идейную значимость до сегодняшнего дня, но и раскрыть используемые их авторами методы манипулирования аудиторией, скрытые смыслы текстов, их импликационные возможности. При обращении к подобному анализу принципиально важным становится исследование темы, предмета, проблематики и идеи произведения, а также его формы, включающей функции повествователя (сюжетоведение; пути создания зон конфликтов или полей напряжения текста; расшифровка заголовков; оценка различных видов авторских отступлений, остановок сюжета; смена эмоциональных доминант текста¹), что станет основанием для точного определения жанра произведения и установления манипулятивных возможностей текста.

В качестве примера подобного анализа может быть представлено исследование произведения публициста начала XIX в. П. Л. Яковлева. Его «Чувствительное путешествие по Невскому проспекту» было впервые опубликовано в журнале «Благонамеренный» в 1820 г., а отдельной книгой вышло в Москве в 1828 г.

Заголовок дает подсказку к определению жанра: путевой очерк. Действительно, сюжет произведения складывается из повествования субъективированного рассказчика о его странствиях по главной улице Санкт-Петербурга от Адмиралтейского бульвара до Аничкова моста.

Автор избирает как основную катафорическую организацию сюжета, предоставляя герою право последовательно описать все этапы своего путешествия, которое начинается принятием решения отправиться в путь (глава «Моя комната»), далее рассказывается о посещении лавки Лареды, трактира «Лондон», клуба, книжной лавки, кухмистерского стола, кондитерской Амбиеля и т. д., а завершается рассказом о вечере в доме знакомого, где и были прочитаны записки о путешествии [9, с. 75]. Но и текстовая ретроспекция отыскивается в «Чувствительном путешествии». Рассказчик уводит действие из сегодняшнего настоящего времени. В главе «Моя комната» использована анафорическая направленность сюжета. Сигналом к ее введению служат фразы: «Я знал одного доброго человека, который путешествовал на постеле» [9, с. 3]; «Я знал и другого путешественника в этом роде...» [9, с. 5].

К подобному же способу изложения (рассказу-воспоминанию) повествователь прибегает и в главе «Кондитерская лавка Амбиеля», используя традиционный прием: «Что же заставило меня благодарить судьбу, которая не выпускает меня из Петербурга?... Узнаете...» [9, с. 45].

Анафорическая направленность развития событий в целом не нарушает линейной последовательности повествования: соположение эпизодов текста находится в соответствии с логикой развития событий. Главы книги соединяются, как правило, по ассоциации. Автор прибегает к приему когезии, связывая главы «Моя комната» и «Лавка Лареды» («Вижу налево лавку Лареды. Пойдем и выпьем шоколаду» и «Вот что я думал, подходя к лавке Лареды»); главы «Лавка Лареды» и «1818. Май, Трактир „Лондон“», и к которой тем же приемом присоединяется глава «Модная лавка мадам N» и т. д.

Но формальное соединение глав подкреплено связью интегративной. Развитие темы произведения осуществляется рассказчиком путем организации полей напряжения в тексте. Первое из них возникает в самом начале книги: «...неумолимая судьба приковала меня к Петербургу» [9, с. 2]. Снимается оно в «Эпилоге»: «Я путешествовал!» [9, с. 87].

¹ См.: [8, с. 110–113]

Подобным же способом созданы и развязаны узлы конфликтов в первой главе (герой принимает решение отправиться в странствие по Невскому проспекту). В главах «Модная лавка», «Клуб», «Книжная лавка» наблюдения рассказчика за происходящим (поведение француженки, молодой покупательницы, завсегдатаев Большого Танцевального Клуба, посетителей книжной лавки) удовлетворяют и его читательскую любознательность.

В главах «Кухмистерский стол» и «Кондитерская лавка Амбиеля» единичное поле напряжения вводится стандартным приемом: «...вдруг ужасный крик поражает мой слух»; «вдруг раздалась громкие восклицания».

В «Чувствительном путешествии» обнаруживается и ступенчатое расположение фрагментов, вызывающих вопросы читателей. Они связаны с одним персонажем — рассказчиком: «Природа поселила во мне охоту странствовать» и «Судьба, жестокая, неумолимая судьба, приковала меня к Петербургу». Это напряжение преодолевается: «...свергаю с себя тяжкое иго — отправляюсь путешествовать». Но тут же появляется новое препятствие, связанное с трудностями определения места странствия. Оно получает разрешение: «Я путешествую по-своему... иду на Невский проспект». А вслед за ним возникает еще одно осложнение: «Какого же рода я путешественник?». Оно снимается заключением рассказчика: «...решено, лучше всего быть путешественником сентиментальным». Но сомнения остаются: «Будущее... что скрыто в тебе? Какие путешествия ожидают меня в моем странствии?..»

В главе «Кухмистерский стол» рассказчик сообщает: «Благодарение Богу! Мое путешествие благополучно продолжается...» Наступившая внутренняя гармония разрушается рассуждениями 50-летнего путешественника, «все желающего нового»: «Но что видишь? Одно и то же везде! Те же люди, те же страсти, те же добродетели и пороки». Рассказчик объявляет себя врагом всех путешественников, «охотников до наблюдений». Но в «Главе последней» и «Эпilogе» наступает примирение: «Сбылись желания мои!», «Я путешествовал!».

Анализ полей напряжения позволяет выделить в тексте маркеры путевого очерка. Во-первых, в центре произведения — факты путешествия, передвижения в пространстве (отмечены основные пункты следования, направление движения). Во-вторых, весь содержательно-фактуальный и содержательно-концептуальный материал организован, связан фигурой рассказчика-странника.

Но перед нами не обычная модификация путевого очерка. Построенный, казалось бы, на географическом материале, он лишен топонимических, статистических элементов. Весьма значимые для путевого очерка описательные фрагменты минимально представлены в книге. Встречаются элементы урбанистического пейзажа («Стою у Адмиралтейской башни, налево площадь, направо площадь, передо мною длинная улица»), интерьера (лавка Лареды, клуб), статичного портрета («орловский помещик — бледный, лысый»; «приятное женское лицо»; «толстый смуглый мужчина»; «старая напудренная фигурка с голубым платком на шее и в старой шинели»).

Принципиальная для автора путевого очерка функция комментирования явлений, событий в «Чувствительном путешествии» реализована несколькими поверхностными суждениями: «Итак — идем! Прямо!... Знаете ли, как мудроно ходить прямо, то есть ходить прямою дорогою...» [9, с. 9]; «И что за страсть к путешествиям? Не лучше ли, не желая славы ни ученого, ни сентиментального, ни наблюдательного путешественника — сидеть дома и смотреть издали на всех?..» [9, с. 61].

Заголовок книги П. Л. Яковлева представляется лишенным импликации. Это подтверждают фрагменты-камертоны текста: «страстно люблю путешествовать», «все узнал о путешественниках», «отправился путешествовать», «опишу мои приключения, странствия, похождения», «знаю все приемы путешественников», «путешествовать не то, что прогуливаться», «простите любопытство путешественника»

и т. п. Отсутствие дополнительных коннотаций названия также не противоречит сути жанра путевого очерка.

Но рассматривать произведение П. Л. Яковлева исключительно в границах названной формы — значит обеднить и исказить ее многоуровневую смысловую структуру. Это хорошо понимали современники писателя и критики XIX–XX вв.

О. Проскурин, размышляя о причинах неизученности журнала «Благонамеренный», и прежде всего его памфлетно-публицистических материалов, указывал на зашифрованность имен и действий литературных противников издания, которые были известны читателям 1810–20-х гг., но «не всегда... понятны позднейшим исследователям» [7, с. 12].

Подобные замечания были сделаны еще в 1903 г. В. Каллаш в статье «Из истории нашей старинной журналистики» отметил: «Благодаря анонимности и псевдонимности большинства статей, истории целых журналов являются и теперь еще полной загадкой» [5, с. 34].

«Чувствительное путешествие по Невскому проспекту» воспринималось культурно-искушенными современниками как злободневный памфлет, заключенный в популярную жанровую форму путевого очерка.

Название произведения представляет собой аллюзию, адекватно декодирующуюся читателями начала XIX в., знакомыми с источником аллюзии: «Сентиментальное путешествие» Л. Стерна, «Письма русского путешественника» Н. Карамзина, «Путешествие в полуденную Россию» В. Измайлова, «Новое чувствительное путешествие» К. Г., «Путешествие в Малороссию» П. Шаликова и др. Заголовок книги П. Л. Яковлева пародировал названия широко известных произведений.

Обращение к литературным аллюзиям на «странствующее» направление русской литературы мы находим в главе «Лавка Лареды»: «Я рассказываю, кажется, новости. Но разве чувствительные путешественники не рассказывают нам, что в Германии, в Италии, во Франции, в Англии есть трактиры, в которых можно выпить чаю?» [9, с. 10–11].

Аллюзийные ассоциации вызывают и описания встреч путешественника: с писателями в лавке Лареды (в образах молодых людей — «ревнителей гексаметра и переводчиков» — выведены Н. Гнедич и А. Мерзляков); в книжной лавке (в образе «толстого смуглого мужчины» предстает П. П. Свињин, издатель журнала «Отечественные записки», известный своим обращением к близко знакомым людям «миленький»); в хухмистерской лавке и на вечере у «одного знакомого» (показаны подражатели В. Жуковскому, собрание «баловней поэтов и прозаиков» и сторонников новой школы словесности).

П. Л. Яковлев создает не собственно художественное произведение, поэтому не ограничивается обращением к околотитулярным аллюзиям. Ему важны собственные обобщения, иронически-уничжительные комментарии и оценки не вызывающих у него симпатии литературных явлений. Но если в начальных главах книги автор поручает путешественнику выражать свою точку зрения, и она, как правило, несет в себе фельетонные начала («...лучше всего быть путешественником сентиментальным! ...выгода моя в том, что могу писать обо всем, что мне вздумается; могу даже выдумывать... К тому же сентиментальные путешествия что-то смолкли! Неужели весь запас вздохов, слез... истощился?»; «...не мешайте, вы, люди холодные, рассказам чувствительных путешественников!»), то ближе к концу произведения рассуждения повествователя приобретают памфлетные черты («Куда ни иду, везде авторы. Мне кажется, что многие присвоили себе это название авторов очень несправедливо»; «Кто из нас не видел... гениев?.. Поэт имеет приятные стихи и не знает грамматики, за мыслями он не гоняется, ...он говорит обо всем, но всегда чужими словами»; «переводчик истории ни слова не знает по-татарски»; «...видел бойких критиков, которым досадно, что есть люди, знающие больше их, т. е. более

азбуки и краткой российской грамматики. Этот ряд людей размножился невероятно. Целые шайки прокрались в литературные общества»).

Перед нами произведение осложненной жанровой структуры, соединяющей элементы путевого очерка и памфлета. Книга имеет полемическую направленность, вполне определенный литературно-эстетический адрес и предназначена для прямого воздействия на читателей. Основная цель автора оказалась реализованной: он сатирически остро описал современную ему духовную жизнь.

Техники анализа медийного текста могут быть представлены и при оценке произведения Д. Дефо «Опыт о проектах. Об академиях» [4]. Оно было написано в 1698 г.

Публицист обращается к важной для Англии рубежа XVII–XVIII вв. проблеме. «Опыт о проектах» представляет собой размышления автора о путях развития национального языка, его совершенствования через изучение, постижение, описание его законов, воспитания чувства вкуса и стиля каждого пишущего и говорящего по-английски, выступающего публично. По мнению Д. Дефо, эволюция национального языка есть, в конечном счете, укрепление могущества и влияния Англии в Европе и мире.

Перед нами публицистическое произведение, призванное не с помощью созданного автором оригинального сюжета, «комбинации лиц и событий» (Белинский), а путем логики мыслей очеркиста доказать необходимость, убедить общество в немедленном создании особого института, который непосредственно был бы занят вопросами языка: «распространение изящной словесности, очищение и совершенствование английского языка, развитие навыков... правильного его употребления, забота о чистоте и строгости слога, избавление языка от всяческих искажений... а также... нововведений» [4, с. 84].

Автор разворачивает перед нами целую программу деятельности этого общества, предлагает состав участников, указывает наиболее злободневные проблемы языка, которые и должны стать первыми в ряду обсуждаемых. Для доказательства нужности создания академии очеркист, кроме собственных суждений, приводит и некоторые факты, позволяющие представить материалы, подтверждающие правильность его суждений.

Так, он начинает произведение с разговора о гордости французов — «знаменитейшей Академии в Европе» и сообщает, что открыта она была еще в 1635 г. кардиналом Ришелье, практически руководившим страной времен Людовика XIII. Иными словами, автор текста прибегает к публицистическому способу типизации, вводя в произведение сообщение об историческом факте.

Но этот факт, это реальное событие важно для Д. Дефо прежде всего тем, что этим упоминанием можно обратить внимание читателей на следующий момент: проблемы развития и изучения национального языка есть проблемы общегосударственные, а не частные.

Это понимала Франция, которая теперь, отмечает очеркист, изучив свой язык, стала, по сути, властелином Европы: «ныне по-французски говорят при дворе любого христианского монарха, ибо язык сей признан универсальным» [4, с. 82].

И далее Д. Дефо, выразитель взглядов партии тори, партии короля, учитывая наличие на политической арене партии оппозиционеров-вигов, дает советы Вильгельму III, как укрепить свое влияние в Англии. Очеркист делает это в прямой, непосредственной, публицистической форме: «...наш король, показавший столь удивительные примеры величия духа на войне, не найдет лучшего случая, осмелюсь заметить, в мирное время увековечить свою память, нежели учредив такую Академию» [4, с. 83].

А для доказательства того, что английский язык достоин всестороннего изучения, Дефо вновь ссылается на авторитеты, т. е. приводит конкретные факты оценки

английского языка писателями, прибегая к тому же публицистическому способу типизации. Очеркист предлагает читателям суждения французских писателей — авторов трактатов по основам поэтики и хорошего вкуса — Рапэна и Сент-Эвремона. Представлены также мнения лорда Роскоммона, автора трактата «Опыт о переводном стихе»; переводчика «Поэтического искусства» Горация, знатока английского языка, оставивших свидетельства о том, что «по части глубины, ясности и выразительности английский язык не только не уступает своим соседям, но даже и превосходит их» [4, с. 83].

Затем следуют «соображения» Дефо о направлении деятельности, целях Общества, его составе: «дворяне, страстные приверженцы учености, но соединяющие в себе благородство рождения с выдающимися природными способностями» [4, с. 83]; «не хотел бы видеть ни священников, ни лекарей, ни стряпчих» [4, с. 85], ибо «их язык страдает неуклюжестью, искусственностью и тяжеловесностью, изобилует чрезмерно длинными и плохо сочетающимися словами и предложениями, каковые звучат грубо и непривычно, а для читателей трудно произносимы и не понятны» [4, с. 84–85]. Говорит Дефо и о круге занятий членов этого Общества, об их практических шагах («издание трудов о происхождении, природе, употреблении, значениях и различиях слов, о правильности, чистоте и благозвучности слога, а также воспитание у пишущих хорошего вкуса, порицание и исправление распространенных ошибок в языке» [4, с. 85]).

Важно подчеркнуть: все приведенные «соображения» высказаны автором непосредственно, от собственного имени. Это также служит маркером обращения к способу публицистической типизации.

В анализируемом произведении достаточно ярко проявились просветительские взгляды Д. Дефо. С одной стороны, наставительные, дидактические, рецептурные элементы явственно проступают в тексте. С другой, очеркист внимателен к такой категории, как вкус, обосновывая тем, точнее, принимая право на существование различных оценок, мнений, точек зрения; признавая право отдельной личности на собственное суждение, слово, заключение.

По жанровой модификации в современной трактовке «Опыт о проектах» Д. Дефо стоит ближе к исследовательской статье. Об этом говорят несколько формальных показателей. Так, есть ссылки на авторитеты (Ришелье, английские и французские писатели), введен в текст фрагмент речи одного из членов Французской академии. Произведение содержит своеобразную деловую информацию (программа работы Общества в Англии), к которой присоединена исходящая непосредственно от биографического автора оценка, его реакция на то или иное событие, явление. Текст построен по логике мысли повествователя, имеет широкоохватную композицию.

Но в «Опыте» могут быть выделены и памфлетные начала, обличительные или полемические элементы. Они заявили о себе в последней части текста. Здесь автор высказывает «некоторые свои соображения касательно того потока бранных слов, которые ныне захлестнули нашу речь» [4, с. 86]. Дефо не сдерживает обличительной интонации; своего уничижительного, пренебрежительного отношения к сквернословам. Автор вводит в заключительную часть произведения систему доказательств, чтобы объяснить бессмысленность этой привычки, этого порока, этой страсти, которую он определяет афористически точно: «бешенство языка, рвота мозга, являющая собой насилие над естеством», «отвратительная привычка», «непростительная дерзость» [4, с. 86].

Для убеждения читателей в правильности своих суждений Дефо прибегает к сравнительному плану, строит доказательства путем сопоставления пороков, которые, по его мнению, имеют «какую-то причину и какую-то видимую цель», это воровство, убийство, распутство.

Но в заключительной части статьи Дефо демонстрирует и свои просветительские идеи, полагая, что разум, хороший пример, а не наставления парламента, помогут искоренить порок. Вера в человека, его волю, силу, ум движут авторскими словами.

По проблемно-тематическим свойствам перед нами проблемная статья с элементами нравоописаний. Проблемным текст может быть определен потому, что автор предлагает читателям обратить внимание на важный, по его мнению, вопрос существования английского общества, видя за проблемой частной (развитие науки об английском языке), более значимые вещи: укрепление власти монарха, а значит — мира и спокойствия в стране; шире — положения Англии в Европе, ее места и значения на мировом рынке, который начинает складываться на рубеже XVII–XVIII вв.

Таким образом, Д. Дефо, идя от частного, единичного факта, силой авторской мысли, системой доказательств, им выстроенных, подводит читателей к необходимости поиска решения проблемы типичной, общей для многих государств того времени: утверждение себя как значимой силы в период формирования нового экономического порядка в Европе и мире.

Нравоописательные свойства произведения косвенно, в виде подсказки читателю, определены названием раздела сборника «Англия в памфлете», в котором помещен «Опыт о проектах». Раздел назван «Автопортрет Джона Булла», что должно сообщить читателю: ему необходимо настроиться на разговор о национальном самосознании, национальной идентичности, о чувстве патриотизма, гордости англичанина рубежа веков.

В самом тексте произведения нравописание поначалу проявляется скорее пунктирно, через осознание читателем идеи о необходимости изучения, совершенствования национального языка, его законов с помощью специального института — Академии, занимающейся лингвистическими вопросами.

Нравоописательные начала в «Опыте» открыто предстают в заключительной части. Д. Дефо ведет речь об укоренившейся привычке к сквернословью. Перед нами краткий очерк нравов Англии конца XVII в., прежде всего — парламентских кругов.

Композиция произведения соответствует публицистическому способу типизации. Она бесфабульна в том смысле, что в основу «Опыта» не положено какого-либо одного или нескольких реально происходивших событий, имевших свою временную протяженность. Перед нами лишь отдельные, разрозненные, хотя и действительно имевшие место факты, соединенные, связанные между собой логикой мысли автора. И именно эта логика мысли (а не какие-либо документальные, исторические события) подводит нас к осознанию идеи произведения: развитие языка есть одна из основ формирования национального самосознания, оформления англичан как нации, а также — укрепление могущества английского государства, его веса на мировом рынке.

Актуальность мыслей Д. Дефо, высказанных в «Опыте о проектах. Об академиях», не потеряла значения и сегодня. Это говорит о классической, непреходящей ценности произведения писателя.

Литература

1. Бельенькая Ю. Коммуникативно-прагматические особенности телевизионных новостных медиатекстов // Медийные стратегии современного мира : материалы Шестой Международной научно-практической конф. (Сочи, 1–3 ноября 2012 г.). Краснодар, 2012. С. 389–391.
2. Гегель Г. В. Ф. Соч. : в 14 т. М., 1929–1958. Т. XIV. Лекции по эстетике. Кн. 3. 1958.
3. Дебрэ Р. Введение в медиологию. М., 2010.
4. Дефо Д. Опыт о проектах. Об академиях // Англия в памфлете. М., 1987. С. 82–87.

5. *Каллаш В.* Из истории старинной журналистики : сб. статей по истории и статистике русской периодической печати. 1703–1903. СПб., 1903. С. 33–51.
6. *Менцель Б.* Гражданская война слов. М., 2006.
7. *Проскурин О. А. Е.* Измайлов и литературная жизнь первой трети XIX в. М., 1984.
8. *Чернухина И.* Очерк стилистики художественного прозаического текста. Воронеж, 1977.
9. *Яковлев П.* Чувствительное путешествие по Невскому проспекту. М., 1828.

References

1. Belenkaya Y. Communicative-pragmatic features of television news media texts [Kommunikativno-pragmaticcheskie osobennosti televizionnykh novostnykh mediatekstv]//Media strategy of the modern world: proceedings of the Sixth International scientific-practical conference [Mediinye strategii sovremennogo mira: Materialy Shestoi Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konf]. (Sochi, November 1–3, 2012). Krasnodar, 2012. P. 389-391.
2. Hegel C. F. Op.: 14 T. M., 1929-1958. I. XIV. Lectures on aesthetics [Lektsii po estetike]. Vol. 3. 1958.
3. Debray R. Introduction to Medialogia [Vvedenie v mediologiyu]. M., 2010.
4. Defoe D. An Essay Upon Projects. Of Academies [Opyt o proektakh. Ob akademiakh] // England in the pamphlet [Angliya v pamflete]. M., 1987. P. 82–87.
5. Kallash V. Century From the ancient history of journalism [Iz istorii starinnoi zhurnalistiki]: Coll. articles on the history and statistics of the Russian periodical press. 1703–1903 [Sb. statei po istorii i statistike russkoi periodicheskoi pechati. 1703–1903]. SPb., 1903. P. 33–51.
6. Menzel B. Civil war of words [Grazhdanskaya voina slov]. M., 2006.
7. Proskurin O. A. E. Izmailov and literary life of the first third of the XIX century [A. E. Izmailov i literaturnaya zhizn' pervoi treti XIX v.], M., 1984.
8. Chernukhin I. Essay stylistics of artistic prose text [Oчерk stilistiki khudozhestvennogo prozaicheskogo teksta]. Voronezh, 1977.
9. Yakovlev P. Sensitive journey along the Nevsky prospect [Chuvstvitel'noe puteshestvie po Nevskomu prospektu]. M., 1828.

Креативность и творчество: соотношение понятий

Шишкина Лидия Ивановна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)

Профессор кафедры филологии и журналистики

Кандидат филологических наук, доцент

lidia_shishkina@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье соотносятся два важнейших современных понятия: креативность и творчество. Содержание данных феноменов рассматривается в историко-культурном контексте. Доказывается, что понятие «креативность» становится знаковым для эпохи цивилизации с характерным для нее культом технического прогресса, прагматизмом, эпохи демократизма и «торжества масс».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

креативность, творчество, постмодернизм, знаково-коммуникативная система, цивилизация, креативный класс

Shishkina L. I.

Creativity and Creation: Value Concepts

Shishkina Lidia Ivanovna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)

Professor of the Chair of Philology and Journalism

PhD in Philology, Associate Professor

lidia_shishkina@mail.ru

ABSTRACT

In this article relate to two major modern concepts: creativity and creation. The meaning of these phenomena is considered in relation to the historical and cultural context. It is proved that the concept of creativity is becoming a landmark of the era of civilization, with its characteristics cult of technological progress, pragmatism, the era of democracy and the rule of the masses.

KEYWORDS

creativity, creation, postmodernism, semiotic-communicative system, civilization, creative class

Креативность — термин, который сегодня у всех на устах. Можно сказать, что он стал новым «заветным словом эпохи», каковым в XVIII и XIX вв. был «прогресс», а в XX в. — «творчество». Это понятие получило широкое распространение в различных областях современной культуры: в бизнесе, политике, науке, современном искусстве. Современные словари трактуют «креативность» как творческие способности индивида, характеризующиеся готовностью к продуцированию принципиально новых идей; способность приходить к новым, при этом обоснованным решениям проблем, отклоняющимся от традиционных или принятых схем мышления и входящим в структуру одаренности в качестве независимого фактора.

Американский психолог Э. П. Торренс, «отец современной теории творчества» и создатель Теста оценки творческого мышления Торренса (ТТМТ), полагал, что креативность включает в себя повышенную чувствительность к проблемам, действия по определению этих проблем и поиску их решений; оригинальность и способность генерировать многочисленные идеи, относящиеся к деятельности в сфере [13]. Создатель «гуманистической психологии» А. Маслоу полагал, что креативность — это творческая направленность, врожденно свойственная всем, но теряемая боль-

шинством под воздействием сложившейся системы воспитания и сохраняемая лишь избранной группой носителей высших достижений [5].

В данной трактовке «креативность», по сути, становится синонимом слова «творчество», заменив традиционное и привычное понятие. Некоторые исследователи связывают это с востребованностью в постперестроечной России западного образа жизни и, как следствие, с распространением иноязычной лексики, как это было, к примеру, в эпоху петровских реформ [2, с. 88]. Такое суждение, однако, представляется чрезмерно упрощенным и односторонним. Терминологическую путаницу можно объяснить и тем, что понятие «креативность» ново и непривычно для русского сознания, и тем, что понятие «творчество» стало общим местом, его истинное содержание в настоящее время размыто. В результате созданных вокруг него многочисленных мифов слово утратило первоначальный смысл, стало ощущаться только престижем и похвалой, и современная эпоха, стремящаяся к методологической определенности, попыталась найти более точный термин.

Однако нельзя игнорировать тот факт, что против смешения понятий выступают отечественные и зарубежные ученые. Их контенты различны, и это интуитивно ощущается даже на уровне бытового сознания. Представляется, что корни различия связаны с глубинными закономерностями движения культуры и особенностями современной социокультурной ситуации.

Язык как знаково-коммуникативная система всегда четко реагирует на основные тенденции культурного развития. Сегодняшняя социокультурная ситуация — это та эпоха цивилизации, какой она нашла отражение в трудах русских мыслителей рубежа XIX–XX вв.: Н. Данилевского, В. Соловьева, Н. Бердяева, И. Ильина, в публицистике А. Блока и А. Белого и исследованиях западноевропейских философов: М. Хайдеггера, Й. Хейзинги, О. Шпенглера и др. Все они формулировали оппозицию культуры — как явления духа — и цивилизации как внешнего выражения материально-технического прогресса, когда духовные ценности жизни признаются иллюзорными и выдвигается приоритет материальных ценностей, стимулирующих людей к деятельности, направленной на достижение прагматических результатов, формирующих культ комфорта и материальных благ; когда эпоха генерации идей сменяется торжеством технологий; происходит подмена целей жизни средствами и орудиями жизни; творчество и развитие, характеризующие культуру, сменяются переоценкой культурных ценностей, порождающих эклектизм в искусстве и релятивизм в философии.

«Сумма технологии» — так когда-то (в 1968 г.) назвал свою книгу о будущем человечества писатель-фантаст С. Лем. Сегодня его футурологические проекты стали реальностью. Понятие «технологии» приобрело широкий смысл, который уже зафиксирован в самых современных словарях [6, с. 174]. Технологии связаны не только с техникой, но и с другими завоеваниями цивилизации, открывающими необыкновенные возможности: с новыми формами организации производства, с накопленным научно-техническим и культурным потенциалом, с целеустремленностью усилий общества и государства. Креативность тесно связана с эпохой «торжества технологий». Неслучайно этот термин, как правило, используется в профессиональной сфере, в отраслях коммерческой деятельности и маркетинговых коммуникаций, особенно там, где развита конкуренция: в бизнесе, PR-деятельности, рекламе, СМИ, дизайн-студиях. Показательно, что при обсуждении данной проблемы интернет-пользователями говорится не о творческом труде художника, писателя, но о вполне определенных сферах деятельности — дизайне, разного рода инженерных проектах, технических *изобретениях*, (новинках типа айфона и т. п.) — т. е. о прикладных идеях, связанных с *технологиями*. Если же и упоминается о художественном творчестве, то креативность так же рассматривается в плане возможности применения различных технологий на примере новых индустрий — от компьютерной графики и компьютерной анимации до цифровой музыки.

Другое дело, что сегодня цивилизационные процессы приобретают новые черты. Об этом заявил американский экономист и социолог Ричард Флорида, сформулировавший теорию креативного класса. По его мнению, креативный класс на рубеже XX–XXI вв. исполняет роль авангарда общества, которая в марксистской теории XIX в. была отведена пролетариату. Принципиальная разница заключается в том, что функция пролетариата у Маркса деструктивна, он выступал разрушителем — «могильщиком» буржуазного общества, тогда как стремительно растущий во всех странах креативный класс становится, по Флориде, созидателем и преобразователем. Он «меняет будущее», оказывая все более значимое влияние на политику и стиль жизни, на устремления даже тех слоев населения, которые не стремятся «креатизировать» свою жизнь.

Его формирование меняет самый облик культуры. На смену технократической культуре рубежа XIX–XX вв., которую Флорида называет «организационной», определяемой теориями научной организации и оптимизации труда Ф. Тейлора и практической стандартизации массового производства в результате применения ленточного конвейера Г. Форда, на рубеже XX–XXI вв. приходит «креативная эпоха». «Принято считать, — пишет ученый, — что мы сейчас живем в „информационной“ экономике или „экономике знаний“. Однако более существенная истина заключается в том, что современная экономика приводится в действие человеческой креативностью» [9, с. 80]. Если организационная эпоха с ее предельным разделением труда создала возможности беспрецедентной регламентации и контроля, унификации личности, выдвинув лозунг: «Не думай, а работай!», то «креативная эпоха» отмечена появлением человека, способного создавать новые значимые формы. Ядро креативного класса, по Флориде, составляют люди, занятые в научной и технической сферах, в индустрии моды и развлечений, чья экономическая функция заключается в создании новых технологий и нового креативного содержания. Базой креативного класса является экономика [Там же, с. 84].

Понятие «творческая личность» появляется в антропоцентрической культуре Возрождения, когда впервые человек, уподобленный Богу, счел себя вправе самому создавать собственный мир. До этого Творцом считался только Бог, а художник был рукой Бога, сосудом, в который вкладывался божественный дар. Этот культурный смысл слово «творчество» хранит и по сей день. Творить — значит уподобляться в своих делах Творцу, Богу (для более приземленных дел был глагол «создавать»). «Творить — давать бытие, сотворять, созидать» [3, с. 394], — так определял этот процесс В. Даль, а содержание творчества — как «творенье, сотворенье, созиданье» [Там же, с. 395]. Н. Бердяев сказал: «творчество — переход из небытия в бытие через акт свободы» [1, с. 9].

Таким образом, творчество всегда сопряжено с индивидуальным, личностным началом. Оно предполагает способность человека создавать то, что не имеет аналогов в материальном мире, существует в пространстве и времени, определяя духовное развитие нации и становление отдельной личности. Кроме того, современная исследовательница М. Кузнецова справедливо указывает на обязательный социокультурный смысл творчества. «Любые изменения культуры возникают только благодаря творческой активности личности, но транслируются — благодаря общественной форме представления, — формулирует она эту мысль. — Критерии творчества, объективированного в культуре, это: и принципиальная новизна (онтогносеологический аспект), и социальная значимость, оцениваемая как благо для человечества (аксиологический аспект), и совершенство исполнения (праксеологический, эстетический аспекты). Творчество действительно можно характеризовать как способ актуализации духовно-ценностных отношений человека с миром... Человеческое творчество — не просто предметная деятельность, это, прежде всего — преобразование человекомирных отношений» [4].

Таким образом, творчество — всегда принадлежность культуры с ее обязательной элитарностью (изначально ориентировано на уникальность восприятия индивидуальности) и ценностной иерархичностью (творчество требует этической определенности).

Креативность — характерное порождение цивилизации — эпохи демократизма и «торжества масс». Неслучайно «теоретики креативности» подчеркивают способность к новому типу мышления массовидного человека. Для Ричарда Флориды «креативность не является целиком принадлежностью нескольких избранных гениев, наделенных сверхчеловеческими талантами, которым их борьба с шаблоном сходит с рук. Эта способность в различной степени свойственна практически всем людям» [9, с. 84]. Маргарет Боуден в книге «Креативное мышление» отмечает, что «для креативности значение имеют ординарные человеческие способности» [10].

Массовое сознание подразумевает сходное понимание артефактов креативности. Неслучайно креативность в современном искусстве связывается, как правило, со способностью писателя находить оригинальные сюжеты, придумывать композиционные ходы, когда от чтения трудно оторваться, — стремлением развлекать, отвлекать читателя, не загружая его напряженной духовной работой — т. е. выполнять функции массовой культуры, когда искусство теряет свою трансцендентную роль и становится предметом потребления массовидного человека.

Здесь возникает и другая проблема. Человек ординарных способностей, лишенный в настоящее время сомнений в собственной значимости и компетентности, претендующий на роль творца, обнаруживает готовность в любой момент нарушить общепринятые правила ради того, чтобы доказать собственную состоятельность через агрессивный стиль поведения, эпатаж, утверждение свободы самопроявления. Это становится характерной тенденцией современной культуры, основополагающим принципом которой являются «самовыражение и трансформация собственного «Я» с целью самореализации» (Р. Флорида). Уже «классикой» стали «редимейды» Марселя Дюшана типа его знаменитого «Фаянсового писсуара» (1917)¹, по поводу которого автор утверждал, что в отрыве от привычного значения и применения, помещенный в новый контекст выставочного зала предмет становится художественным произведением, артефактом, приобретающим культурно-историческую ценность. Или не менее знаменитые «Банки с супом Кэмпбелл» гуру поп-арта Энди Уорхолла, или заформалиненная в аквариуме акула, провозглашенная Адрианом Херстом образцом концептуализма и проданная Музеем современного искусства в Нью-Йорке за 14 млн долл. . .

Креативны ли все эти создания? Безусловно, да. Несут ли они в себе творческое начало? Большой вопрос. Ибо творчество всегда предполагает новый шаг в познании мира и человека, несет в себе заряд их преобразования в результате работы души творца, требующей столь же напряженной духовной работы читателя и зрителя. При-

¹ Реди-мэйд (от англ. ready — готовый и made «сделанный») — техника в разных видах искусства (главным образом — в изобразительном искусстве и в литературе), при которой автор представляет в качестве своего произведения некоторый объект или текст, созданный не им самим и (в отличие от плагиата и не с художественными целями).

Термин впервые введен в искусствоведческий лексикон художником Марселем Дюшаном для обозначения своих произведений, представляющих собой предметы утилитарного обихода, изъятые из среды их обычного функционирования и без каких-либо изменений выставленные на художественной выставке в качестве произведений искусства. Реди-мэйд утврждали новый взгляд на вещь и вещьность. Предмет, переставший выполнять свои утилитарные функции и включенный в контекст пространства искусства, т. е. ставший объектом неутилитарного созерцания, начинал выявлять какие-то новые смыслы и ассоциативные ходы, неизвестные ни традиционному искусству, ни обиходно-утилитарной сфере бытия [Электронный ресурс] // Энциклопедия культуры. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/1101/%D0%A0%D0%B5%D0%B4%D0%B8

вычно думать, что творец «сеет разумное, доброе, вечное». Креативные же создания есть плод рационального ума их авторов, точно рассчитанные, в первую очередь, на эпатаж, самопрезентацию, на спрос и материальный успех. В статье «Креатив — искусство прагматика» Р. Нельсон, настаивая на принципиальном несовпадении понятий «творчество» и «креативность», справедливо утверждает, что «творческий процесс основывается на вдохновении автора, его способностях, традициях, которым следует автор. Если же говорить о креативном процессе, то главной его составляющей является прагматический элемент» [7] — изначальное понимание, *зачем, для кого и как* нужно создавать — вопросы, которыми творческая личность не задается. Подобный подход становится все более востребованным в современном искусстве, главная задача которого — поставить зрителя в тупик и заставить поломать голову над тем, какой смысл автор вложил в свою презентацию.

Целый ряд исследователей справедливо отмечают, что технологии современно-го шоу-бизнеса охватили сегодня практически все сферы нашей культуры, включая литературу. В современной ситуации постмодернистской культуры с ее свободой «шарить в мировых запасах» и поглощать все возможные стили, готовые идеи и тексты, с ее игровым началом, когда автор играет не только с использованием различных повествовательных стратегий, стилей, жанровых форм, но должен постоянно расширять круг своих читателей, осваивая новые способы включения в современную информационную среду, особую роль приобретает создание писательского статуса, сознательный выбор им имиджевых практик, широко употребляемым стал термин «проект», успешно заменивший используемые ранее «произведение искусства» или творец. «Автор умер, да здравствует проект!» — восклицает современный критик и литературовед И. Шайтанов [11, с. 54]. «Проект — это сконструированная акция, в которой проектировщик выступает не «инженером человеческих душ», а риэлтером культурного пространства. Производится поиск пустующих культурных площадей, и их последующее освоение: исторический детектив; современные комплексы подросткового сознания в условиях повсеместной молодежной моды; компьютерная игра как литературный сюжет; карнавализация социалистического гуманизма» [Там же], — пишет Шайтанов.

В романе одного из самых популярных современных писателей В. Пелевина «t», рассказывающем о том, как одно издательство решило осуществить новый масштабный проект — роман о примирении Льва Толстого с церковью, который должна была написать группа писателей-«криэйторов» — литературных «негров», герой рассуждает: «Это в ваше время писатель впитывал в себя, фигурально выражаясь, слезы мира, а затем создавал текст, остро задевающий человеческую душу. ... Но сейчас, через столетие, таблица соответствий стала другой. От писателя требуется преобразовать жизненные впечатления в текст, приносящий максимальную прибыль. Литературное творчество превратилось в искусство составления буквенных комбинаций, продающихся наилучшим образом» [8].

В числе таких писателей-проектировщиков называют имена Д. Пригова, В. Пелевина, В. Сорокина. Но лидером подобных экспериментов, безусловно, является Б. Акунин, который в 90-х гг. занял свободную нишу исторического детектива, точно рассчитанного на стереотипы массового сознания, а в 10-е гг. второго тысячелетия предпринял попытку создания нового жанра «романа — компьютерной игры» — это унибук «Квест», который можно не только читать, но и смотреть, слушать, играть с ним. «В условиях «постгутенберговской эпохи» писатель стремится привлечь к книге поколение с «клиповым сознанием», для которого компьютерный язык понятнее и ближе языка художественной литературы» [10, с. 191], — констатирует исследовательница современной постмодернистской прозы Мария Черняк.

Таким образом, оппозицию контентом «творчество» и «креативность» можно, в общих чертах, представить следующим образом:

- творчество — это *процесс* человеческой деятельности, создающий качественно новые материальные и духовные ценности;
- креативность — это *свойства* индивида, его способности к продуцированию принципиально новых идей.

Творчество подразумевает внутреннюю деятельность души и сознания, результатом которой становится создание того, что способно стать значимым явлением в науке и культуре общества на всех последующих этапах его развития.

Креативность направлена на демонстрацию человеком своих намерений, на необходимость инициировать и развивать идеи.

Творчество не есть креативность, оно первично и фундаментально. Но в условиях информационной эпохи они взаимосвязаны. Можно согласиться с выводом Р. Нельсона: «Креативность вне творчества невозможна. Креативность — это только технология организации творческого процесса, которая бесплодна сама по себе, какие бы задачи перед ней не ставились. В условиях информационного общества стал возможным синтез творчества и креативности» [7].

Литература

1. Бердяев Н. А. Смысл творчества (опыт оправдания человека). М., 1916.
2. Глазунова О. И. О творчестве и креативности // Нева. 2014. № 2. С. 188–194.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. СПб. ; М., 1882. Репринтное издание. М., 1991.
4. Кузнецова М. А. Творчество как социокультурный феномен // Вестник Ярославского гос. ун-та им. П. Г. Демидова. Сер. Гуманит. науки. 2011. № 1(15). Электронная версия: www.culturalnet.ru/main/getfile/2510
5. Маслоу А.-Х. Новые рубежи человеческой природы. М., 2011.
6. Новиков А. М., Новиков Д. А. Методология : словарь системы основных понятий. М., 2013.
7. Нельсон Р. Креатив — искусство прагматика, или... Как сотворить продающую рекламную идею [Электронный ресурс]. URL: http://www.kstyati.ru/cre_articles/cre_nilson.html
8. Пелевин В. т. М., 2009. Электронная версия: <http://pelevin.nov.ru/texts/pe-t.html>
9. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М., 2007. Электронная версия: http://prepod.nspu.ru/file.php/149/met.prob.psikh./Florida_Kreativnyi_klass.pdf
10. Черняк М. Игра на новом поле, или Еще раз о диагнозе российской прозы XXI века // Знамя, 2010. № 11. С. 189–196.
11. Шайтанов И. О. Современный эрос, или Обретение голоса // Арион, 2005. № 4. С. 54.
12. Boden M. The creative Mind: Myths and Mechanisms. 2004. Электронная версия: <http://www.docstoc.com/docs/70706645/The-creative-Mind-Myths-and-Mechanisms>
13. Torrance E. P. Creativity: Just wanting to know. Pretoria. RSA. 1994; Torrance, E.P. A philosophy of creativity. Norwood, N. J. : Ablex. 1995.

References

1. Berdyaev N. A. *Sense of creativity (experience of a justification of the person)* [Smysl tvorchestva (opyt opravdaniya cheloveka)]. M., 1916.
2. Glazunova O. I. *About creativity* [O tvorchestve i kreativnosti] // Neva. 2014. N 2. P. 188–194.
3. Dal V. I. *Explanatory Dictionary of the Live Great Russian language* [Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka]. V. 4. SPb. M., 1882. Reprint ed. M., 1991.
4. Kuznetsova M. A. *Creativity as sociocultural phenomenon* [Tvorchestvo kak sotsiokul'turnyi fenomen]. Messenger of P. G. Demidov Yaroslavl State University. Series; Humanitarian sciences [Vestnik Yaroslavskogo gos. un-ta im. P.G. Demidova. Seriya gumanit. nauki]. 2011. № 1(15). Internet version: www.culturalnet.ru/main/getfile/2510
5. Maslow A.-H. *New boundaries of a human nature* [Novye rubezhi chelovecheskoi prirody]. M., 2011.
6. Novikov A.M., Novikov of D. A. *Methodology. Dictionary of system of the basic concepts* [Metodologiya. Slovar' sistemy osnovnykh ponyatii]. M., 2013.

7. Nelson R. *Craetive — art of the pragmatist, or ... How to create on the sale advertising idea* [Kreativ — iskusstvo pragmatika, ili ... Kak sotvorit' prodayushchuyusa reklamnyuyu ideyu] : [Electronic resource]. URL: http://www.kstyati.ru/cre_articles/cre_nilson.html
8. Pelevin V. T. M., 2009. Internet version: URL: <http://pelevin.nov.ru/texts/pe-t.html>
9. Florida R. *Creative class: people who change the future* [Kreativnyi klass: lyudi, kotorye menyayut budushchee]. M., 2007. Internet version: URL: http://prepod.nspu.ru/file.php/149/met_prob.psiikh./Florida_Kreativnyi_klass.pdf
10. Chernyak M. *Game on a new field, or Once again about the diagnosis of the Russian prose of the XXI century* [Igra na novom pole, ili Eshche raz o diagnoze rossiiskoi prozy XXI veka] // the Banner [Znamya], 2010. N 11. P. 189–196.
11. Shaitanov I. O. *Modern Eros, or Finding of a voice* [Sovremennyyi eros, ili Obretenie golosa] // Arion, 2005. N 4. P. 54.
12. Boden M. *The creative Mind: Myths and Mechanisms*. 2004. Интернет-версия: <http://www.docstoc.com/docs/70706645/The-creative-Mind-Myths-and-Mechanisms>
13. Torranc E. P. *Creativity: Just wanting to know*. Pretoria. RSA. 1994; Torranc E. P. *A philosophy of creativity*. Norwood, N. J. : Ablex. 1995.

Стецкевич Е. С., Стецкевич М. С.

«Конституционная революция» в Англии (1828–1832) и англиканский епископат

Стецкевич Елена Сергеевна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры истории и политологии
Кандидат исторических наук, доцент
esstetskevich@yandex.ru

Стецкевич Михаил Станиславович

Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры философии религии и религиоведения
Кандидат исторических наук, доцент
msstets@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье анализируются роль и место епископата Церкви Англии в событиях «конституционной революции» 1828–1832 гг., явившейся поворотным моментом в процессе демократизации английского государства. Епископы Церкви Англии наиболее негативно отнеслись к завершающему акту «конституционной революции» — парламентской реформе, серьезно подрывавшей основы английского варианта «старого порядка», важной частью которого была государственная церковь. Вместе с тем значительная часть епископов оказалась способной изменить свою позицию и поддержать реформу, понимая неизбежность происходящих общественных перемен.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Церковь Англии, англиканство, епископат, парламентская реформа, «конституционная революция»

Stetskevich E. S., Stetskevich M. S.

The Constitutional Revolution in England (1828– 1832) and Anglican episcopate

Stetskevich Elena Sergeevna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of History and Political Science
PhD in History, Associate Professor
esstetskevich@yandex.ru

Stetskevich Mikhail Stanislavovich

Saint-Petersburg State University, Institute of Philosophy (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of Religious Philosophy and Religious Studies
PhD in History, Associate Professor
msstets@yandex.ru

ABSTRACT

The article analyzes the role and place of the episcopate of the Church of England in the Constitutional Revolution (1828–1832), which was the turning point in the process of democratization of English state. Reaction of the bishops on the last act of the Constitutional Revolution was most negative, because the parliamentary reform very seriously undermined the Ancient Regime in England, and the Church was the important part of it. At the same time part of the bishops understood the inevitability of social changes and was able to change position and to support the idea of reform.

KEYWORDS

The Church of England, Anglicanism, episcopate, parliamentary reform, the Constitutional Revolution

Современные британские исследователи все чаще употребляют термин «долгий XVIII век». [6; 9] Речь идет о временном периоде английской истории, начальной точкой которого является Славная революция 1688–1689 гг., приведшая к оформлению в стране конституционной монархии, а завершающей — парламентская реформа 1832 г., представляющаяся первым серьезным шагом на пути демократизации органа законодательной власти. При этом сама реформа все чаще связывается с такими событиями, как отмена «Акта о проверке» и «Акта о корпорациях» (1828 г.), эмансипация католиков (1829 г.). Современники говорили о «революции, постепенно совершившейся посредством права»¹ а историки, начиная с Дж. Беста, употребляют термин «конституционная революция» [4, р. 226–234; 7, р. 238–247].

Некоторые исследователи (Дж. Кларк) полагают возможным использовать применительно к Англии «долгого XVIII века» термин «старый порядок», употребляемый обычно для характеристики политического и социально-экономического устройства дореволюционной Франции конца XVI–XVIII вв. [6]. М. П. Айзенштат в первую очередь подчеркивает значение динамических тенденций, характеризуя период как «переходный по направлению к парламентской монархии» [1, с. 163]. Элементы «старого порядка» она видит в привилегированном положении Церкви Англии и сохранении земельной элитой лидирующих позиций в политической сфере [1, с. 159]. Можно также указать на наличие «союза трона (поскольку монархия не была абсолютной, то скорее — власти в целом) и алтаря», тесную связь духовенства, особенно высшего, и земельной аристократии, прочные позиции идеологии, основанной на принципах социальной иерархии и патернализма.

«Союз трона и алтаря» в Англии XVIII — начала XIX вв. выразался в наличии «установленной» Англиканской церкви. Ее епископы фактически назначались: формально — монархом, а реально — главой правительства. Назначения чаще всего были политическими, причем во главу угла, как правило, ставились происхождение и наличие протекции, а не компетентность и способность к административной деятельности. Почти все епископы, занимавшие свои посты к моменту начала «конституционной революции», были обязаны назначением практически безраздельно господствовавшей в политической жизни страны в конце XVII — первой трети XIX в. партии тори — главного выразителя интересов землевладельцев. Получение епископского поста в то время означало и автоматическое попадание в Палату лордов. В конце XVIII — начале XIX в. в ней заседали 2 архиепископа и 24 епископа из 25 (кроме епископа Содора и Мэна).

Привилегированное положение Церкви Англии находило отражение и в ограничении прав других вероисповеданий: протестантов-неангликан (диссентеров) и католиков. Принятые в 1661 и 1673 гг. соответственно «Акт о корпорациях» и «Акт о проверке» (далее — «Акты») обязывали всех желающих занять должности на государственной службе или быть членами муниципальных корпораций, помимо принесения различного рода присяг принимать причастие в англиканском храме, а также декларировать отрицание католического учения о пресуществлении. Хотя диссентеры обладали с 1689 г. свободой вероисповедания, но, как отмечает Т. С. Соловьева, те из них, кто не мог «пойти на сделку с совестью и выдавать себя за англикан, отлучались от активного участия в политической жизни страны» [3, с. 35]. Еще более жесткие ограничения действовали в отношении католиков, которые, в отличие от диссентеров, не обладали даже теоретической возможностью избираться в Парламент и только в 1791 г. получили право на совершение богослужений. Согласно принятому в 1701 г. «Акту об устройении», британский монарх не мог быть католиком или женатым на католичке. Во время коронационной церемонии он давал клятву

¹ The Croker Papers. Ed. by L.J. Jennings. Vol. 2. London, 1884. P. 25

поддерживать Церковь Англии как государственный институт. Таким образом, в Англии, пусть и в смягченной (по сравнению с классической страной «старого порядка» — предреволюционной Францией, где фактически допускалось только римско-католическое вероисповедание) форме, существовало конфессиональное государство, поскольку всей полнотой прав обладали лишь приверженцы англиканства. В парламентских дебатах часто звучал тезис о наличии в стране «протестантской конституции», начало которой было положено устранением от власти в ходе Славной революции короля-католика Якова II, а основу составили антикатолические (в первую очередь) и антидиссентерские законы, рассматривавшиеся в качестве фундаментальных.

Очевидной была и тесная связь англиканского епископата с земельной аристократией. Р. Соловей подсчитал, что почти две трети прелатов, занимавших свои посты в период с 1783 по 1852 гг., происходили из семей лордов и землевладельцев — джентри или были связаны с ними брачными узами [11, р. 7]. Н. Равич называет период между началом Великой французской революции и реформами 1830-х гг. временем наибольшего аристократического доминирования в Церкви Англии: из 51 назначенного епископа 12 были сыновьями лордов, 2 — сыновьями епископов, 16 — сыновьями джентльменов, и только один имел «плебейское происхождение», т. е. безусловно не являлся сыном джентльмена. [10, р. 319]. Эту ситуацию Н. Равич объясняет желанием английской элиты найти ответ на вызов Французской революции на путях консервации, а не реформирования существующего порядка [10, р. 320].

Действительно, начиная с 1790-х гг. епископы, да и подавляющее большинство приходского англиканского духовенства в своих проповедях и посланиях акцентировали внимание на «богоустановленном» характере социальной иерархии, необходимости сохранения и укрепления церковно-государственного союза как преграды против возможных революционных потрясений. Ни один епископ не выступил против вызвавшего негодование большей части городского населения страны протекционистского хлебного закона 1815 г., ограничивавшего, в интересах землевладельцев, импорт иностранного зерна. Поддержали прелаты и правительственные меры, направленные на борьбу с возобновившимся после окончания наполеоновских войн движением за парламентскую реформу («Акт о мятежных митингах», 1817 г., «Шесть актов», 1819 г.).

Нельзя сказать, что во второй половине 1820-х гг. в Англии присутствовало ощущение конца эпохи. Первый акт конституционной революции был сыгран достаточно неожиданно. В 1828 г. молодой вигский политик Дж. Рассел внес в Парламент предложение об отмене «Акта о проверке» и «Акта о корпорациях». Последний раз аналогичный билль обсуждался еще в 1790 г., и был решительно отвергнут нижней палатой, не в последнюю очередь по причине поддержки диссентерами начавшейся во Франции революции. Теперь ситуация изменилась. Подозрения по поводу нелояльности диссентеров остались в прошлом, а их численность и влияние значительно выросли¹.

Торийское правительство герцога Веллингтона, пришедшее к власти в январе 1828 г., после некоторых колебаний не сочло необходимым активно сопротивляться отмене «Актов». Министр внутренних дел Р. Пиль вступил в активную переписку со своим университетским наставником Ч. Ллойдом, в 1827 г. занявшим пост епископа Оксфордского. Тот призвал Пиля не идти сразу на уступки диссентерам и узнать мнение епископов². Вскоре Ллойд сообщил Пилю точку зрения двух архиепископов — Кентерберийского и Йоркского — и четырех епископов (Дарэмского, Лондонского,

¹ Подробнее см.: [3, с. 38–41].

² *Memoirs of the Right Honourable Sir Robert Peel*. London, 1856. Vol. 1, p. 64–65.

Честерского и Ллэндафского), склоняющихся к замене обязательного причастия как «проверки» на декларацию о признании «установленного» статуса Церкви Англии¹. Встречи и переговоры Пиля с англиканскими прелатами продолжились и в дальнейшем. Этот факт даст возможность Честерскому прелату Ч. Бломфилду охарактеризовать замену «Актов» на декларацию как «меру епископов»², а лорду Элдону, лидеру так называемых ультра-тори, противившихся любым политическим реформам, заметить: «администрация уговорила архиепископов и большинство епископов... к их стыду, поддержать этот революционный билль»³.

В конечном счете, билль достаточно легко прошел как в нижней (большинство в 44 голоса), так и в верхней палате, где на голосование ставились только отдельные поправки к законопроекту. Дебаты свелись в основном к обсуждению формулировок декларации о верховенстве Церкви Англии, включавшей положения об отсутствии намерений лишить ее привилегий и государственного статуса. Декларацию должны были подписывать все состоящие в органах местного управления, все государственные служащие и члены Парламента.

Замена обязательного причащения, предусмотренного «Актами», на декларацию означала, по меткому наблюдению Дарэмского епископа У. Ван Милдерта, «политическую проверку вместо религиозной»⁴. Ни один из епископов Церкви Англии не оказал активного сопротивления отмене «Актов».

Гораздо более драматично разворачивались события, связанные с осуществлением второго акта «конституционной революции» — принятия билля об эмансипации католиков. Если диссентеры долгое время подозревались в политической неблагонадежности, то католики, начиная с Реформации XVI в., рассматривались в качестве прямых врагов, угрожающих самому существованию государства. Отсюда проистекали как суровое антикатолическое законодательство, начавшее смягчаться только во второй половине XVIII в., так и идеология, в рамках которой Британия представлялась защищающей свои политические и гражданские свободы от поползновений связанного с деспотизмом «папизма».

Законопроект, предусматривавший наделение всех британских католиков пассивным избирательным правом (возможность заседать в законодательном органе), а английских и шотландских (ирландские католики им уже пользовались) — также и активным (возможность участвовать в голосовании) избирательным правом, был внесен в парламент 5 марта 1829 г. правительством Веллингтона. На протяжении длительного времени подавляющее большинство тори придерживалось концепции «протестантской конституции». Виги, выступавшие за расширение религиозных свобод, неоднократно вносили в Парламент билли об эмансипации, но они, даже в случае прохождения в нижней палате, неизменно проваливались в верхней. Изменение позиции тори было связано с обострением ситуации в преимущественно католической Ирландии, где лидер «Католической ассоциации» Д. О'Коннел в июле 1828 г. одержал победу на выборах в Британский Парламент, но занять в нем место, будучи католиком, не имел права. Веллингтон и Пиль предпочли разрядить ситуацию, прибегнув к уступке, каковой и явилось предложение об эмансипации.

Прелаты оказались в весьма затруднительном положении. На протяжении нескольких десятилетий епископат решительно противился эмансипации. В дебатах по католическому вопросу обычно участвовало четыре–пять прелатов, приводивших скорее политические (опасения по поводу «папизма»), нежели собственно религи-

¹ Ibid. P. 73–74.

² A Memoir of Charles James Blomfield. Vol. 1. London, 1864. P. 102.

³ Twiss H. The Public and Private Life of Lord Chancellor Eldon with Selections from His Correspondence. Vol. 3. London, 1844. P. 37

⁴ The Parliamentary Debates. New Series. Vol. 18. London, 1828. P. 1495

озные аргументы в пользу недопустимости эмансипации. Лишь два епископа: Норвичский Г. Батхэрст и Рочестерский У. Кинг, а затем сменивший его Дж. Мюррей голосовали за эмансипацию. От 17 (в 1821 г.) до 24 прелатов Церкви Англии (в 1825 г.) подавали голоса против. Поскольку разрыв между противниками и сторонниками эмансипации составлял обычно около 40 голосов (в 1821 г. — 39, в 1825 г. — 48, в 1828 г. — 44), то позиция епископов имела очень существенное значение. Поэтому Веллингтон, к концу 1828 г. уже принявший решение о необходимости осуществления эмансипации, в декабре 1828 г. встретился с тремя прелатами — архиепископом Кентерберийским У. Хоули, У. Ван Милдертом и Ч. Бломфилдом, только что занявшим пост епископа Лондонского. Ни один из них не поддержал намерение премьера, который в заключение заметил, что альтернативой эмансипации является гражданская война в Ирландии¹. В этот момент, полагает К. Льюис, был разорван союз между Церковью Англии и правительством, существовавший с конца XVII в. [8, р. 34]. Однако дальнейший ход событий позволяет поставить это утверждение под сомнение.

Во время дебатов об эмансипации архиепископ Йоркский Э. Вернон-Харкорт заявил, что не может пока сказать, поддерживает он билль или нет, епископ Ллэндафский У. Коплстон не согласился с мнением авторов представленной им петиции о том, что любое изменение в антикатолическом законодательстве будет посягательством на конституцию². Епископ Глостерский К. Бефелл посвятил большую часть своего выступления опровержению факта наличия в одной из антикатолических петиций слов о необходимости встать на защиту принципов, «попираемых нынешним правительством»³. Ч. Бломфилд выступил против эмансипации, но выразил уверенность в прохождении билля, подчеркнув свое сожаление по поводу расхождения во мнениях с правительством⁴.

Все эти факты, на наш взгляд, являются свидетельством того, что значительная часть англиканских епископов, даже из числа противников эмансипации, во-первых, никоим образом не стремилась любой ценой добиться сохранения антикатолического законодательства. Во-вторых, епископы явно боялись испортить отношения с торийским кабинетом. С учетом почти полного отсутствия сторонников эмансипации в прошлом, число епископов Церкви Англии, поддержавших билль во втором и третьем чтениях (8 человек, против, соответственно, 15 и 16) кажется достаточно внушительным. Ни один прелат не счел нужным поставить свою подпись под протестами, зафиксированными в журнале Палаты лордов уже после прохождения билля.

Католическая эмансипация имела важное последствие: в партии тори произошел раскол, и оставшиеся верными принципам «протестантской конституции» ультра-тори во главе с лордом Элдоном перестали поддерживать правительство Веллингтона. В ноябре 1830 г. кабинет ушел в отставку, и король Вильгельм IV поручил формирование правительства одному из вигских лидеров, графу Грею. Тот согласился, но при условии поддержки королем идеи парламентской реформы. С этого момента на протяжении почти двух лет вся политическая жизнь Англии вращалась вокруг реформы избирательного права, завершившей «долгий XVIII в.» и «конституционную революцию». Содержание реформы сводилось к серьезному изменению принципов комплектования Палаты общин: ликвидации 56 «гнилых местечек» (утратившие значительную часть населения города и сельские населенные пункты, продолжавшие направлять представителей в Палату общин), сокращению представительства небольших населенных пунктов, обретению права посылать депутатов

¹ A Memoir of Charles James Blomfield. Vol. 1. London, 1864. P. 110.

² The Parliamentary Debates. New Series. Vol. 20. London, 1829. P. 671, 725

³ Ibid, p. 926–927

⁴ The Parliamentary Debates. New Series. Vol. 21. London, 1829. P. 119–122

в Вестминстер крупными промышленными городами, ранее не имевшими такой возможности (Бирмингем, Лидс, Манчестер, Шеффилд), появлению новых избирательных округов, многие из которых были расположены в индустриальных районах, общему расширению круга избирателей [5, р. 397–405].

В отличие от реформ 1828–1829 гг. вопрос об изменении комплектования Палаты общин не имел очевидного религиозного измерения. Но именно в этом случае сопротивление епископата оказалось наиболее упорным и достаточно последовательным. Когда осенью 1831 г. законопроект, пройдя все чтения в нижней палате парламента, поступил в верхнюю, в дебатах принял участие только один прелат — архиепископ Кентерберийский У. Хоули, заявивший, что билль имеет «вредную направленность, и будет крайне опасен для конституционной системы»¹. 7 октября 17 епископов Церкви Англии и 4 епископа англиканской Церкви Ирландии, также имевшей государственный статус, проголосовали против билля. Законопроект поддержали только 2 епископа: недавний, и в тот момент единственный, вигский назначенец епископ Чичестерский Э. Малтби и епископ Норвичский Г. Батхерст.

Таким образом, за билль о реформе проголосовало в четыре раза меньше епископов, чем за эмансипацию. Осложнение отношений с партией тори не помешало большинству прелатов поддержать ее борьбу с парламентской реформой. Поскольку законопроект был отвергнут большинством в 41 голос, то позицию епископов можно было рассматривать как во многом определившую его судьбу. Тесная связь Церкви Англии со «старым порядком» в ситуации, когда колебались его основы, а огромное большинство общества, особенно в городах, активно поддерживало идею реформы Парламента, неизбежно влекла за собой расплату. Радикалы (сторонники всеобщего избирательного права) и часть вигов возложили основную вину за провал законопроекта именно на прелатов. В октябре–ноябре 1831 г. последовала такая вспышка антиклерикализма, которой Англия еще не знала. Изображения епископов сжигались, на улицах городов они подвергались нападениям толпы, в домах священников били стекла. В Бристоле 29–30 октября толпа сожгла городскую виселицу и епископский дворец. На стене собора в Ворчестере появилась надпись, отождествлявшая местного епископа с Иудой Искариотом.

Эти события произвели на многих прелатов достаточно сильное впечатление. На первый план выдвинулся Лондонский епископ Ч. Бломфилд — талантливый администратор, склонный к достаточно трезвой оценке сложившейся в стране ситуации. Он отсутствовал в Палате лордов во время голосования 7 октября, но спустя четыре дня в своем выступлении заверил кабинет министров, что падение нынешнего правительства не отвечает интересам церкви². Именно к Бломфилду Грей вначале обратился с письмом, в котором содержалась завуалированная просьба оказать влияние на епископат, склонив его к поддержке билля, а потом и встретился с ним лично. Были предприняты и другие шаги с целью завоевать голоса прелатов.

Это дало определенный результат: во время обсуждения новой версии билля о реформе 13 апреля 1832 г. «за» проголосовало 12 англиканских епископов, тогда как «против» — 15. В итоге законопроект прошел большинством в 9 голосов, а появление 10 новых, по сравнению с октябрём 1831 г., епископов, готовых поддержать реформу, сыграло решающую роль в утверждении билля. В то же время 5 англиканских епископов оказались в числе тех, кто поставил свою подпись под протестом в журнале Палаты лордов уже после голосования.

Те, кто выступал в пользу билля (Ч. Бломфилд, Э. Коплстон, епископ Линкольнский Дж. Кайе), говорили о том, что он является «меньшим злом», способным

¹ Hansard's Parliamentary Debates. Vol. 8. London, 1831. P. 304.

² Hansard's Parliamentary Debates. Vol. 8. London, 1831. P. 473

«успокоить страсти», поскольку общественное настроение в пользу реформы приобрело устойчивый характер¹. Зато противники билля в своих гораздо более про- странных выступлениях именовали его «революционным» (Г. Филпотс)², «разрушающим конституцию» (епископ Глостерский Дж. Монк)³. Наиболее откровенно высказался епископ Рочестерский Дж. Мюррей, подчеркнувший, что «низшие классы» не должны принимать участие в законодательном процессе. В подтверждение своих слов он процитировал крылатое латинское выражение — «ne sutor ultra crepidum» («сапожник, суди не выше сапога») ⁴. Таким образом, многие епископы по-прежнему разделяли представления о незыблемости иерархического устройства общества, на которых базировалась идеология «старого порядка».

Часть епископов не удержалась от соблазна поддержать предложение комитета верхней палаты — отложить рассмотрение первых двух статей законопроекта о парламентской реформе, в которых говорилось о временном лишении представительства некоторых «гнилых местечек», что было, как отмечает М. В. Жолудов, равнозначным отклонению билля [2, с. 72]. Во время голосования 7 мая 1832 г. 13 епископов проголосовало за предложение комитета, 4 — против. Откладывание билля привело к внутривластному кризису: отставке правительства, безуспешной попытке Веллингтона сформировать кабинет, возвращению Грея к власти и окончательному прохождению билля о реформе, подписанному королем Вильгельмом IV 7 июня 1832 г.

Так завершился последний акт «конституционной революции». Поскольку все изменения осуществлялись в рамках парламентских процедур, имели ненасильственный характер, радикального слома английского «старого порядка» не произошло, но произошедшие перемены были чрезвычайно существенными. По замечанию Дж. Беста «конституционная революция» способствовала постепенному превращению «аристократического полуконфессионального государства», основанного в том числе на привилегированном положении Церкви Англии и ее членов, в «полудемократическое либеральное государство» [4, р. 229]. Следует отметить, что англиканский епископат наиболее спокойно отнесся к отмене «Актов», означавшей уравнивание, хотя и не полное, в правах всех протестантов. Согласиться с уравниванием в правах (также неполным) уже всех христиан, что фактически означала католическая эмансипация, смогла лишь треть епископата. Наиболее серьезное сопротивление прелаты оказали парламентской реформе. Однако, несмотря на органическую связь со «старым порядком», англиканский епископат все-таки не представлял собой единого ультраконсервативного монолита. Невозможно не отметить готовность части епископата, иногда — большей, а иногда — меньшей, согласиться с доводами о целесообразности проводимых реформ.

В последующие десятилетия позиция прелатов, среди которых было уже немало вигских ставленников, подверглась заметной коррекции. Безусловной политической ориентации на тори и землевладельцев пришел конец. В 1846 г. 17 англиканских прелатов из 26 поддержало отмену хлебных законов, означавшую подрыв позиций землевладельцев и переход к свободе торговли. Прежняя проповедь незыблемости общественной иерархии сменилась интересом к решению социальных проблем. Такие черты английской политической элиты XIX в., как способность учитывать интересы общественного мнения, умение снижать градус конфликтов путем уступок и компромиссов, были присущи и епископату, составлявшему ее достаточно значимую часть. Во многом благодаря этому масштабные антиклерикальные выступления более не повторились, а вопрос об утрате Церковью Англии государственного статуса перешел в разряд маргинальных.

¹ Hansard's Parliamentary Debates. Vol. 12. London, 1831. P. 244–246, 268–271, 288

² Ibid, p. 275

³ Ibid, p. 405.

⁴ Ibid, p. 401.

Литература

1. Айзенштат М. П. Власть и общество Британии 1750–1850 гг. М., 2009.
2. Жолудов М. В. Идеология и политика либеральной партии Великобритании в 30-е годы XIX века. Рязань, 1997.
3. Соловьева Т. С. Религиозная политика либеральных тори в Англии (20-е гг. XIX века). М., 2000.
4. Best G. F. A. *The Constitutional Revolution, 1828–1832, and its consequences for the Established Church* // *Theology*. 1959. Vol. 62. № 468.
5. Brock M. *The Great Reform Act*. London, 1973.
6. Clark J. *English Society 1660–1832: Religion, Ideology and Politics During the Ancien Regime*. Cambridge, 2000.
7. Hole R. *Pulpits, Politics and Public Order in England, 1760–1832*. Cambridge, 1989.
8. Lewis C. J. *The Disintegration of the Tory-Anglican Alliance in the Struggle for Catholic Emancipation* // *Church History*. 1960. Vol. 29.
9. O’Gorman F. *The Long Eighteenth Century: British Political and Social History 1688–1832*. London, 1997.
10. Ravitch N. *The Social Origins of French and English Bishops in the Eighteenth Century* // *The Historical Journal*. 1965. Vol. 8. №3.
11. Soloway R. A. *Prelates and People. Ecclesiastical Social Thought in England, 1783–1852*. London, 1969.

References

1. Ajzenshtat M. P. *Power and Society in Britain 1750–1850* [Vlast' i obshchestvo Britanii 1750–1850 gg.]. M., 2009.
2. Zholudov M. V. *Ideology and politics of Liberal party of Great Britain in 1830-ies of the XIX century*. [Ideologija i politika liberal'noj partii Velikobritanii v 30-e gody XIX veka]. Rjazan', 1997.
3. Solov'eva T.S. *Religious policy of the liberal Tories in England (20-ies of the XIX century)*. [Religioznaja politika liberal'nyh tori v Anglii (20-e gg. XIX veka)]. M., 2000.
4. Best G. F. A. *The Constitutional Revolution, 1828–1832, and its consequences for the Established Church* // *Theology*. 1959. Vol. 62. N 468.
5. Brock M. *The Great Reform Act*. London, 1973.
6. Clark J. *English Society 1660–1832: Religion, Ideology and Politics During the Ancien Regime*. Cambridge, 2000.
7. Hole R. *Pulpits, Politics and Public Order in England, 1760–1832*. Cambridge, 1989.
8. Lewis C. J. *The Disintegration of the Tory-Anglican Alliance in the Struggle for Catholic Emancipation* // *Church History*. 1960. Vol. 29.
9. O’Gorman F. *The Long Eighteenth Century: British Political and Social History 1688–1832*. London, 1997.
10. Ravitch N. *The Social Origins of French and English Bishops in the Eighteenth Century* // *The Historical Journal*. 1965. Vol. 8. N 3.
11. Soloway R. A. *Prelates and People. Ecclesiastical Social Thought in England, 1783–1852*. London, 1969.

Участие народов Дагестана в Великой Отечественной войне

Гущ Владимир Владимирович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Аспирант кафедры истории и политологии
guschv107@rambler.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается тема участия народов Кавказа в Великой Отечественной войне. Дается анализ событиям, происходившим на Северном Кавказе в 1942–1943 гг. Выделена особая роль народов Дагестана в борьбе против фашистских захватчиков. Затрагивается такая сложная тема как коллаборационизм.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Великая Отечественная война, Северный Кавказ, Республика Дагестан, участие народов Кавказа и Дагестана в войне, героизм и предательство

Gushch V. V.

The Participation of the Peoples of Dagestan in the Great Patriotic War

Gushch Vladimir Vladimirovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Graduate Student of the Chair of History and Political Sciences
guschv107@rambler.ru

ABSTRACT

The article deals with the topic of participation of the peoples of the Caucasus in the Great Patriotic War. The analysis of the events that took place in the North Caucasus in 1942–1943. Highlighted the special role of the peoples of Dagestan in the fight against the Nazi invaders. Involved in such a complex topic as the collaboration.

KEYWORDS

The Great Patriotic War, the North Caucasus, Dagestan republic, the participation of the peoples of the Caucasus and Dagestan in the war, heroism and betrayal

Тема участия северокавказских народов в Великой Отечественной войне сложна, мало исследована и в литературе, как правило, имеет однобокое освещение. Нельзя дать объективную оценку событиям, развернувшимся на Северном Кавказе в военные годы, без учета исторической ретроспективы. Причины таких явлений, как коллаборационизм и дезертирство, распространенных среди народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны, сложнее и глубже, чем просто «трусость» и просто «предательство». Поэтому эти явления нельзя рассматривать в отрыве от трагедии, постигшей горские народы в период трех войн — Кавказской, Первой мировой и Гражданской; революционного переворота и последовавшего за ним крушения империи; неоправданных надежд, связанных с ленинской декларацией «О праве наций на самоопределение»; массовых сталинских репрессий, в том числе по национальному признаку; вражеской оккупации и последовавшей за ней в 1943–1944 гг. депортации целых народов.

В советский период в связи с остротой и «закрытостью» рассматриваемой темы, недостаточностью материалов, находившихся в свободном доступе, создать объ-

активную картину событий на Кавказе в годы Второй мировой войны не представлялось возможным. Освещение данной темы в литературе постсоветского периода имеет два полярных подхода: авторы из национальных автономий рассматривают события Великой Отечественной войны, в первую очередь, через призму многочисленных подвигов и героизма, проявленных представителями их народов; другая группа авторов, в свете последних событий, происходящих в северокавказских республиках, сосредоточивают свое внимание на негативных аспектах — дезертирстве и коллаборационизме представителей кавказских народов в годы Великой Отечественной войны [4; 5; 6]. Оба этих взгляда, безусловно, отражают действительность, но каждый со своей стороны, поэтому для воссоздания целостной картины событий требуется всестороннее комплексное исследование. Попытки такого исследования нашли отражение в книге А. Ю. Безугольного, Н. Ф. Бугая и Е. Ф. Кринко «Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [1].

В рамках данной статьи попробуем хотя бы приблизительно и схематично воссоздать события, происходившие на Северном Кавказе в 1941–1945 гг., попытаемся выделить в них роль народов Дагестана, рассказать о некоторых подвигах героев-дагестанцев и их вкладе в Великую Победу, 70-летие которой мы будем отмечать в 2015 гг.

Великая Отечественная война явилась тяжелым испытанием для всех народов Советского Союза. С первых же дней войны дагестанцы откликнулись на всеобщий мобилизационный призыв. Из Дагестана на войну (по разным источникам) ушло около 130 тыс. чел.¹, т. е. каждый седьмой, так как население Дагестана в то время составляло 930 416 чел.² По данным на 22 июня 1941 г., из Дагестана было призвано 54 675 чел., в том числе обученных — 16 631 чел. [1, с. 122].

В многонациональном составе Советского Союза Гитлер усматривал слабость своего противника, он делал ставку на застарелые раны и обиды, неостывшие с времен Кавказской и Гражданской войн. С 1933 г. в Германии велась разработка концепции по управлению и освоению восточных регионов Советского Союза, в эту группу входили и республики Северного Кавказа. В апреле 1941 г. под руководством А. Розенберга было создано бюро для разработки восточных проблем, а в июле того же года он был назначен руководителем имперского министерства по делам оккупированных восточных территорий.³

Теоретическая база для управления Кавказским регионом была продумана с немецкой основательностью, активно использовались агентурно-пропагандистские рычаги. По всему миру агентами германской разведки велась «охота» за бывшими белыми офицерами-эмигрантами. Особое внимание уделялось представителям казачества, выходцам с Кавказа, боевым генералам, героям и участникам Первой мировой и Гражданской войн, в том числе служившим в «Дикой дивизии», которым не нашлось места в коммунистической России. Примерами могут служить: генерал Клыч Султан-Гирей; активный участник «белого движения» генерал П. Н. Краснов; кубанский казак, генерал-лейтенант А. Г. Шкуро и др. [2, с. 60].

¹ В разных источниках эта цифра колеблется от 120 до 146 тыс. чел.

² Всесоюзная перепись населения 1939 г.: численность наличного населения СССР по союзным республикам, краям, областям и автономным республикам [Электронный ресурс] // Институт демографии НИУ ВШЭ. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_pop_39_1.php (дата обращения: 04.11.2014)

³ Альфред Эрнст (Вольдемарович) Розенберг — государственный и политический деятель Германии, один из наиболее влиятельных членов НСДАП с момента ее основания и ее идеолог, начальник управления внешней политики НСДАП с 1933 г., рейхсминистр по делам восточных территорий. Родился в Ревеле (Российская империя) в 1893 г. в семье немца-башмачника (по другим данным купца) и эстонки, в 1918 г. эмигрировал в Мюнхен, в 1946 г. на Нюрнбергском процессе был приговорен к смертной казни через повешение.

Кем были эти люди — отважными героями Первой мировой, активными участниками «белого движения», до конца верными присяге, или предателями отечества? Трагедия в том, что каждая эпоха оценивает их по-своему. Но их «подвиги» ни в коем случае не могут быть сопоставимы с подвигами истинных героев — защитников отечества, погибших на фронтах Великой Отечественной войны. Предательство не может быть оправдано ни личностными подвигами, ни прошлыми заслугами, особенно в современной ситуации идеологической войны, развернутой против российского исторического информационного поля. Но и отгораживаться от исторической реальности нельзя, поскольку неведение — это первая ступень к идеологическому проигрышу, и не может способствовать развитию нравственного иммунитета, защищающего общество от информационно-идеологических искажений.

Диверсанты-агитаторы, заброшенные на территорию Северного Кавказа, занимались вербовкой местного населения в ряды вермахта. Вершиной идеологической нацистской работы на Северном Кавказе явилось создание (по инициативе шефа военной разведки адмирала Канариса) в октябре 1941 г. кавказского батальона специального назначения «Бергманн» («Горец»), предназначенного для подрывной работы на Кавказе, имевшего в своем составе штаб с группой пропаганды и пять стрелковых рот: 1-я — грузины и немцы; 2-я — северокавказцы; 3-я — азербайджанцы и немцы; 4-я — грузины и армяне; 5-я — штабная (около 30 чел. из белоэмигрантов всех национальностей) [5].

Основной набор в ряды этого воинского формирования был осуществлен за счет пленных и перебежчиков, а также добровольцев из числа местного населения, оказавшихся на оккупированных территориях.

В табл. 1 приводятся численные показатели кавказских народов, состоявших на германской военной службе.

Данные таблицы получены из отчета Гиви Габлиани¹ от 26 марта 1945 г. «О Кавказских добровольческих соединениях в Германском Вермахте» [5, с. 352—355].

Из приведенной выше таблицы видно, что северокавказцев, состоявших в годы войны на службе в вермахте (приведены суммарные показатели по всем народам Северного Кавказа) меньше, чем тех же из закавказских республик. Отсюда можно сделать вывод, что коллаборационизм и дезертирство в процентном отношении, учитывая еще и тот факт, что большая часть Северного Кавказа находилась в зоне фашистской оккупации, несколько не выше, чем у других народов Кавказа.

Нагрузка на людские ресурсы Северного Кавказа многократно усилилась, когда защищавшие его войска летом 1942 г. оказались отрезанными от центра страны, и им пришлось рассчитывать в основном на свои силы. В тяжелый 1942 г., в момент, когда гитлеровская агрессия достигала своего апогея и генерал Э. Манштейн рвался на Кавказ, дагестанские женщины и старики вышли на строительство оборонительной линии, целью которой было остановить продвижение гитлеровцев в азербайджанские районы нефтедобычи [7].

В ожесточенной битве за Кавказ Гитлер руководствовался не только геополитической важностью региона. В первую очередь, он рассматривал его как энергетическую базу для дальнейшего продвижения вглубь территории противника. Проще говоря, Гитлер рвался к грозненским и бакинским нефтяным месторождениям (грозненская нефть славилась своим качеством и относительно не сложным способом ее добычи и переработки). Директивой немецкого командования № 45 от

¹ Габлиани Гиви Игнатъевич, 1914 г. р., грузин, житель Тбилиси, военврач 1-го ранга Красной Армии, добровольно сдался в плен в 1941 г. и активно занимался политической деятельностью на службе в Вермахте. Г. Габлиани создавал грузинские легионы и так называемый грузинский, а затем «Кавказский национальный комитет», начальник военного отдела Грузинского штаба связи в Берлине [5].

**Численные показатели кавказских народов,
состоявших на германской военной службе на март 1945 г.**

Народы Кавказа	В легионах и пехотных батальонах (чел.)	В строительных и снабженческих частях (чел.)	В германских частях; в войсках СС, СД и Люфтваффе	Всего
Грузины	14 000	6800	–	20 800
Азербайджанцы	13 600	4795	–	18 395
Армяне	11 000	7000	–	18 000
Северокавказцы	10 100	3000	–	13 000
Итого	48 700	21 595	32 000	102 295

23 июля 1942 г. на проведение операции под кодовым названием «Эдельвейс» группе армий «А» была поставлена задача — овладеть Северным Кавказом и выйти в район Баку.¹

Существует интересный факт — когда Гитлеру сообщили, что над Эльбрусом установлен немецкий флаг (21 августа 1942 г.), он раздраженно закричал: «Идиоты, мне не нужна эта ваша дурацкая гора, мне нужна нефть, нефть!»²

Нефтяным компаниям, которые взяли на себя обязательства по освоению северокавказских и закавказских нефтяных месторождений, были предоставлены существенные льготы, а также гарантии безопасности. Контроль над нефтяными ресурсами планировалось осуществлять по линейному колониальному типу. Гитлер планировал создать небольшие нефтяные поселения из специалистов, которые находились бы под охраной войск СС и сил вермахта. Советское руководство прекрасно понимало, чем грозит захват кавказских нефтеносных районов, поэтому были приняты меры, не позволяющие врагу осуществить их планы.

Метод воздействия Сталина на специалистов-нефтяников, участвующих в подготовке скважин к их полной блокировке, был лаконичным и радикальным. Вызвав к себе наркома нефтяной промышленности СССР Николая Байбакова, он сказал: «Вылетайте на Северный Кавказ, и имейте в виду: если вы оставите хоть каплю нефти немцам, мы вас расстреляем. Но если вы уничтожите промыслы, а немец не придет, и мы останемся без нефти, мы вас тоже расстреляем!... Учтите, Гитлер сказал, что если он не захватит кавказскую нефть, он проиграет войну. Поэтому летите и принимайте меры. Будете отвечать головой!»³

План, разработанный и осуществленный Байбаковым⁴, был прост и надежен —

¹ Лота В. Почему не расцвел «Эдельвейс»: ко дню военного разведчика // Красная звезда. 5 ноября 2008. [Электронный ресурс] URL: http://old.redstar.ru/2008/11/05_11/3_01.html (дата обращения: 30.11.2014).

² Султанов Ч. А. История не имеет сослагательного наклонения, и все же. Баку : Чашиоглы, 2011. 686 с. [Электронный ресурс] URL: http://sultanov.azeriland.com/istoria_neimeet/page_12.html (дата обращения: 10.11.2014).

³ Байбаков Н. К. Это было суровое время: Сталинский нарком вспоминает // Красная звезда. 5 марта 2003. [Электронный ресурс] URL: http://old.redstar.ru/2003/03/05_03/1_07.html (дата обращения: 07.11.2014).

⁴ Байбаков Николай Константинович — родился в 1911 г. в селении Сабунчи Бакинской губернии. Окончил Азербайджанский нефтяной институт; с 1940 г. — заместитель, с 1942-го — первый заместитель народного комиссара нефтяной промышленности; в 1944-м назначен наркомом, затем — министром нефтяной промышленности. В 1955–1957 и 1965–1985 гг. — заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Госплана СССР.

более 1000 нефтяных скважин были дезактивированы и заминированы, в результате в немецких воинских формированиях разразился топливный кризис. В январе 1943 г. на Кавказе началось наступление советских войск, отступая, фашисты были вынуждены бросить все завезенное ими нефтедобывающее оборудование, в том числе качественные немецкие трубы, которые использовались в Советском Союзе вплоть до 90-х гг.

Сражаясь на фронтах Великой Отечественной войны, дагестанцы продемонстрировали мужество и героизм, они проявили себя во всех родах войск. Были герои-летчики, сбившие более 30 фашистских самолетов в личном и 15 в групповом бою, например, летчик — дважды Герой Советского Союза Ахмет-Хан Султан. На вопрос, какой он национальности, так как его мать была крымская татарка, а отец лакея, он ответил: «Я — Герой Советского Союза» [8], так выразилась в советских людях имперская идентичность. Были отважные герои-подводники (М. И. Гаджиев), вступавшие в бой одновременно с пятью фашистско-германскими судами. Десятки тысяч дагестанцев-фронтовиков отдали свою жизнь за Родину. Вот только несколько примеров славных подвигов героев-дагестанцев.

Магомед Имадутдинович Гаджиев родился в 1907 г. в крестьянской семье в ауле Магёб Гунибского района Дагестана. С детства мечтал служить в Военно-морском флоте, как его двоюродный брат-моряк, убитый белогвардейцами. Его военная карьера — пример того, как служба в рядах РККА являлась мощным социальным лифтом для представителей из национальных республик. В 1932 г. Магомед Гаджиев окончил Ленинградское военно-морское училище имени М. В. Фрунзе. Свою офицерскую карьеру он начал с командира боевой части на подводной лодке «А-2» и дослужился до командира 1-го дивизиона бригады подводных лодок Северного флота. Его прозвали «человеком войны» — без сна и отдыха, не сходя на берег, переходя с одной лодки своего дивизиона на другую, он участвовал в 12 боевых походах и за 8 месяцев (до своей гибели) потопил 10 боевых судов противника. В мае 1942 г. погиб в бою, звание Героя Советского Союза присвоено посмертно. Его именем назван город (Гаджиево) в Мурманской области, где расположена военно-морская база Северного флота России. Подвиг выдающегося советского моряка — сына дагестанского народа известен каждому российскому подводнику, ему принадлежат такие слова: «Нет и никогда не будет такого равенства в бою перед лицом славы и смерти, как у экипажа подводной лодки, где все либо побеждают, либо погибают» [3].

Магомедзагид Абдулманатов — разведчик, его подвиг замечателен тем, что является примером той межнациональной духовной скрепы, о которой в своих выступлениях часто говорит президент В. В. Путин. Попав в плен к фашистам, разведчик был подвергнут пыткам, фашисты требовали, чтобы он предал своих товарищей, назвал часть, где он служит. Помимо физических пыток на него было оказано мощнейшее идеологическое давление: «Они же русские, а ты кто?», — говорил немецкий офицер. Магомедзагид ответил: «Они все мои братья. Мы все дети одной матери — Родины!»¹ Эта фраза является олицетворением восприятия дагестанцами имперской национальной идентичности, которую они ценят ничуть не меньше, чем свою национальную принадлежность. Звание Героя Советского Союза М. Абдулманатову присвоено посмертно.

Когда в 1942 г. по Северному Кавказу был отменен массовый призыв, в Дагестане существовала добровольческая мобилизация, есть огромное количество сел, из которых на фронт уходили целыми семьями — отцы со всеми своими сыновьями,

¹ История участия дагестанцев в Великой Отечественной войне 1941–1945 г. [Электронный ресурс] // Лезгинский исторический портал Alpan 365.ru. URL: <http://alpan365.ru/istoriya-uchastiya-dagestancev-v-velikoj-otechestvennoj-vojne-1941-1945-godov/> (дата обращения: 10.11.2014).

Герои Советского Союза по кавказским национальностям

Народы Кавказа	Количество Героев Советского Союза	% от общей численности народа	Общая численность народов по Всесоюзной переписи населения 1939 г.*
Грузины	90	0,00400	2 249 636
Армяне	89	0,00413	2 152 860
Азербайджанцы	43	0,00189	2 275 678
Северокавказцы, всего — 108, в том числе:			
Дагестанцы	57	0,00665	857 499
Осетины	31	0,00874	354 818
Кабардинцы	8	0,00487	164 185
Чеченцы	6	0,00147	407 968
Адыги	6	0,00651	88 115

* Всесоюзная перепись населения 1939 г.: национальный состав населения по республикам [Электронный ресурс] // Институт демографии НИУ ВШЭ URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_39.php (дата обращения: 04.11.2014).

и не раз случалось, что ни один не возвращался домой. Участие народов Дагестана в Великой Отечественной войне выделяется еще и тем, что «добровольческий призыв» носил массовый характер — в отличие от других северокавказских народов, дагестанцы сами являлись на призывные пункты, а не уходили в труднодоступные горные районы. Свидетельством этого являются некоторые примеры: А. Абдулгамидов из аула Урхучимахи Акушинского района отправил на фронт 12 сыновей и внуков; Т. Таирова из селения Ахты проводила на фронт 7 сыновей; из семьи Эфендиевых из села Кумух пятеро защищали Родину, а из селения Арчо Ахвахского района 7 братьев Магомедовых ушли на фронт, 5 из них не вернулись¹. Из Дагестана вышло 57 Героев Советского Союза, десятки тысяч фронтовиков награждены орденами и медалями, 7 человек стали полными кавалерами ордена Славы.

В табл. 2 представлены данные о количестве Героев Советского Союза Великой Отечественной войны по кавказским народностям (информационные данные получены с сайта «Военное обозрение»²), и нами вычислено их процентное отношение к общей численности кавказских народов по Всесоюзной переписи населения 1939 г.

На основании указанных данных сделаем вывод, что народы Дагестана по количеству героев «на душу населения» занимают второе место после осетин, и именно эти народы не были подвергнуты массовым депортациям.

Анализируя события, развернувшиеся на Кавказе в годы Великой Отечественной, можно сделать вывод, что народы Дагестана в борьбе против фашистских захватчиков сплотились в единый нерушимый союз с другими народами СССР, а также утверждать, что планы Гитлера о расколе Советского Союза по национальному признаку на Кавказе не реализовались. Одной из причин этого была слабо проработанная теоретическая и методологическая база фашистских идеологов в таких вопросах,

¹ История участия дагестанцев в Великой Отечественной войне 1941–1945 г. [Электронный ресурс] // Лезгинский исторический портал Alpan 365.ru/ URL: <http://alpan365.ru/istoriya-uchastiya-dagestancev-v-velikoj-otechestvennoj-vojne-1941-1945-godov/> (дата обращения: 10.11.2014)

² Герои Советского Союза разных национальностей [Электронный ресурс] // Военное обозрение. URL: <http://topwar.ru/4553-geroi-sovetskogo-soyuza-chechency-i-tatary.html> (дата обращения: 10.11.2014).

как использование исламского фактора, демонизация русского присутствия на Кавказе и преувеличенная ненависть к коммунистической идеологии. Не учитывалась поликультурность Северокавказского региона, влияние дагестанского фактора на Северном Кавказе. Во многом именно дагестанский фактор не допустил полного захвата Гитлером Кавказа в 1942 г. Полиэтничность Дагестана и укоренившаяся коммунистическая идеология, внедренная через связующий этносы русский язык, позволила его народам интегрироваться в социокультурное российское пространство, к тому же народы Дагестана не участвовали в коллаборационистском движении, за исключением отдельных случаев, и служили Родине на фронтах Великой Отечественной войны. Это явилось одной из причин того, что народы Дагестана не были подвергнуты массовым репрессиям и депортациям по национальному признаку.

Напоминанием о тех трагических и героических днях служат обелиски погибшим воинам в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, установленные почти в каждом дагестанском селе. У немногочисленных туристов вызывает удивление количество имен, запечатленных на этих обелисках, для таких небольших селений. Примером может служить памятник погибшим горцам-солдатам в ауле Штул Курахского района.

Литература:

1. Безугольный А. Ю., Бугай Н. Ф., Кринко Е. Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: проблемы истории, историографии и источниковедения. М. : Центрполиграф, 2012. 479 с.
2. Бугай Н. Ф. Репрессированные народы: Казаки // Шпион, 1994. № 1. С. 38–68.
3. Касатонов В. Ф. Мы из подводного космоса. Karlovy Vary : Skleneny mustek, 2014. 611 с.
4. Кринко Е. Ф. Коллаборационизм в СССР в годы Великой Отечественной войны и его изучение в российской историографии // Вопросы истории. 2004. № 11.
5. Мамулия Г. Г. Грузинский легион вермахта: Враги и союзники. М. : Вече, 2011. 420 с.
6. Соцков Л. Ф. Неизвестный сепаратизм: на службе СД и Абвера: из секретных досье разведки. М.: Рипол классик, 2003. 336 с.
7. Тюленев И. В. Через три войны. Воспоминания командующего Южным и Закавказским фронтами. 1941–1945. М. : Центрполиграф, 2007. 57 с.
8. Чикин А. М. Человек, который хотел быть орлом // Морской архив. 2013. № 1(5).

References:

1. Bezugolny A. Y., Bugay N. F., Krynka E. F. *Highlanders of the Northern Caucasus in the Great Patriotic War of 1941–1945. : problems of history, historiography and source* [Gortsy Severnogo Kavkaza v Velikoi otechestvennoi voine 1941–1945 gg.: problemy istorii, istoriografii i istochnikovedeniya]. M. : Tsentrpoligraf, 2012. 479 p.
2. Bugay N. F. *Repressed Peoples: The Cossacks* [Repressirovannye narody: Kazaki] // Spy [Shpion], 1994, № 1. P.60
3. Kasatonov V. F. *We of underwater space* [My iz podvodnogo kosmosa]. Karlovy Vary: Skleneny mustek, 2014. 611 P.
4. Krynka E. F. *Collaboration in the Soviet Union during World War II and its study in Russian historiography* [Kollaboratsionizm v SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny i ego izuchenie v rossiiskoi istoriografii]. // Questions of history [Voprosy istorii]. 2004. № 11.
5. Mamulia G. G. *Georgian Legion of the Wehrmacht: Enemies and allies* [Gruzinskii legion vermakhta: Vragi i soyuzniki]. M. : Veche, 2011. 420 p.
6. Sotskov L. F. *Unknown Separatism: In the Service of SD and Abwehr: From secret intelligence dossiers* [Neizvestnyi separatizm: Na sluzhbe SD i Abvera: Iz sekretnykh dos'e razvedki]. M. : Ripol Klassik, 2003. 336 P.
7. Tyulenev I. V. *Through three wars. Memories commander of the Southern and Transcaucasian Front. 1941–1945* [Cherez tri voiny. Vospominaniya komanduyushchego Yuzhnyh i Zakavkazskim frontami. 1941–1945]. M. : Tsentrpoligraf, 2007. 57 P.
8. Chikin A. M. *The man who wanted to be an eagle* [Chelovek, kotoryi khotel byt' orlom] // Sea Archive [Morskoi arkhiv]. 2013. № 1(5).

Особенности корпоративного управления МОНГОЛЬСКИМИ КОМПАНИЯМИ

Бор Амарсанаа

Финансово-экономический институт Монголии (г. Улан-Батор)
Преподаватель
amarsanaa.b@ifed.edu.mn

РЕФЕРАТ

В работе автор отмечает актуальность исследования национальных моделей корпоративного управления под влиянием глобализации, развития сетевого бизнеса и интеграции. Проводится анализ современных моделей корпоративного управления, описываются особенности монгольских корпораций. Автор предлагает построить адаптивную модель современной монгольской системы управления крупными корпорациями.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Монголия, корпоративное управление, организационная культура, модели управления, глобализация

Bor A.

Features of Corporate Management Mongolian Companies

Bor Amarsanaa

Institute of Finance and Economics (Ulaanbaatar, Mongolia)
Lecturer
amarsanaa.b@ifed.edu.mn

ABSTRACT

The author notes the relevance of the study of national models of corporate governance under the influence of globalization, the development of e-business and integration. The analysis of modern models of corporate governance, and describes the features of Mongolian corporations. The author proposes to build an adaptive model of the modern Mongolian system of management of large corporations.

KEYWORDS

Mongolia, corporate governance, organizational culture, management models, globalization

Сегодня в мировой практике одной из основных форм организации и управления процессами хозяйствования стала корпорация, которая формируется как результат объединения заинтересованных сторон. Это связано с тем, что с начала 2000-х гг. в современной экономике произошли существенные изменения. Прежде всего, они характеризуются, такими факторами, как глобализация, интенсивное развитие сетевой экономики, интеграция и конвергенция, когда объединяются ранее разрозненные отрасли промышленности [6; 7]. В современных условиях глобализации и интеграции в экономике многих стран имеют место интенсивный обмен знаниями и опытом; создание совместного капитала с иностранными партнерами; развитие транснациональных корпораций, аутсорсинга.

Если на ранних этапах развития корпоративного бизнеса процесс корпоративного управления в основном был сосредоточен в руках собственников и акционеров, то в условиях современной глобальной экономики происходит разделение прав собственности и контроля; углубление несовпадения интересов собственников и наемных менеджеров (создается так называемая агентская проблема, или проблема агентских издержек [5]); актуализация различных форм интегрирования корпоратив-

ного бизнеса, которые защищают и согласовывают интересы всех участников (стейкхолдеров) бизнеса (инвесторов-собственников, акционеров, наемных работников).

Под термином «корпорация» (от *лат.* — «corporatio») нами понимаются такие понятия, как союз, общество, объединение. В результате проведенных исследований И. А. Храброва [9] отмечает, что наиболее удачное определение корпорации формулирует американская экономико-правовая система, в которой корпорация определяется как «организация, действующая на постоянной основе и на общественное благо, несущая ограниченную ответственность, являющаяся юридическим лицом, обладающая определенными правами и поставившая перед собой определенные цели». Некоторые авторы к корпоративным организациям относят все коммерческие организации, другие — акционерные общества, третьи — товарищества и хозяйственные общества. Каждая из этих позиций имеет свое право на существование и рациональную основу.

В странах с развитой рыночной экономикой под корпорацией понимается широко распространенная форма предпринимательской деятельности, предусматривающая юридический статус, долевую собственность и сосредоточение функций корпоративного управления в руках верхнего эшелона профессиональных исполнительных управляющих, работающих по контракту [3]. Анализ теоретических подходов к определению корпоративного управления позволяет отметить, что для успешного функционирования корпорации обязательно наличие нескольких принципиальных условий:

- 1) предпринимательская грамотность населения;
- 2) развитость экономики;
- 3) наличие профессиональных менеджеров (управляющих);
- 4) наличие собственности, существующей в различных формах (уважаемых населением и защищаемых государством);
- 5) наличие мотивированного и эффективно работающего коллектива (персонала), с которым связаны национальные особенности.

Выполнение этих условий обеспечит социальные и экономические предпосылки для эффективной реализации модели корпоративного управления и дальнейшей успешной деятельности корпорации. Специфика экономических условий, особенности законодательной базы, норм, а также стандарты и правила, сформировавшиеся в результате формальных и неформальных соглашений, привели к тому, что в разных странах получили развитие различные формы и методы корпоративного контроля и организационные модели корпоративного управления.

На примере монгольских корпораций можно отметить, что, несмотря на относительно короткий период развития процесса перераспределения прибыли, ошибки и заблуждения, можно найти и предложить пути их преодоления и определить разные этапы структурного формирования модели управления корпорации. В современной теории и практике менеджмента существуют различные модели корпоративного управления, которые были основаны на особенностях конкретных стран. Эти модели являются следствием влияния соответствующей национальной организационной культуры на корпорацию.

Англо-американская (американская, рыночная) модель корпоративного управления получила наиболее широкое распространение в США, Великобритании, Канаде, Австралии, Новой Зеландии и ЮАР. Одним из специфических факторов данной модели является распыленность акций корпораций. Участниками американской модели являются саморегулируемые организации, биржи, правительственные структуры, акционеры, директора, управляющие, предоставляющие консультационные услуги акционерам и корпорациям по вопросам голосования по доверенности и корпоративного управления, консалтинговые фирмы. Основными участниками являются менеджеры, директора и акционеры.

Японская модель управления корпорацией характеризуется такими чертами, как пожизненный найм персонала; подключение главных (ключевых) банков; организация сетевой системы (финансово-промышленной сети) или кэйрецу для внешних взаимодействий компаний; особая роль экономической политики государства в корпоративном управлении, предполагающая представительство правительства в Совете корпорации, когда она находится в затруднительном положении.

Немецкая (европейская) модель корпоративного управления является продуктом исторического развития страны, которая была феодально-раздробленной вплоть до последней трети XIX в. «Банки и крупные корпорации играют большую роль в организации экономики, чем государство, и это представляется как пример организованного капитализма», — определяют эту модель специалисты [4]. У немецкой (европейской) модели свои уникальные особенности. Они отличают ее от других моделей управления тем, что правление советов двухпалатное, в нем выделяются исполнительный (менеджеры и инсайдеры корпорации) и наблюдательный (представители акционеров, служащих и рабочих корпорации) советы; численность наблюдательного совета установлена законом и не может быть изменена акционерами; относительно голосования имеются законные ограничения в правах акционеров; это модель с доминирующим положением акционеров в процессе осуществления контроля над корпорацией. Ее используют многие страны, такие как Германия, Австрия, Франция и Бельгия.

Переходная (предпринимательская) модель корпоративного управления, как правило, характерна для стран с переходной экономикой, где еще не сложились устойчивые развитые рыночные отношения. Такая модель корпоративного управления характерна для многих стран, прежде всего для Монголии, Китая и России. Единственной структурой, которая сможет запустить и развить рыночный механизм, является само государство. Модель корпоративного управления в переходных культурах характеризуется тем, что формально присутствуют все элементы рыночных отношений, но в них реально нарушен принцип разделения собственности и контроля. Например, на практике могут встречаться такие ситуации:

- собственник управляет всеми менеджмент-процессами в корпорации, в том числе занимается оперативным управлением;
- менеджеры, принимая, что механизмы контроля недостаточно развиты, гипертрофированно пользуются своими властными полномочиями [1].

Ни в одной стране с переходной экономикой пока не существует устойчиво сложившейся модели корпоративного управления. Отсутствие устойчивости в корпоративном управлении можно объяснить влиянием следующих факторов:

- фондовые рынки в странах с переходной экономикой все еще слабо развиты, рынок ценных бумаг не отражает реальной стоимости корпораций;
- нет эффективного государственного регулирования и согласованной с бизнесом экономической политики;
- не развито коммерческое законодательство, его применение неэффективно (например, в части определения процедуры банкротства);
- роль банковского сектора в обеспечении деятельности корпораций незначительна;
- сосуществуют инсайдерская и аутсайдерская система корпоративного управления, но четко определенной системы нет [Там же].

Наконец, модель трансформационного корпоративного управления, которую предложили американские исследователи Р. Лессем и А. Шифер [10]. Авторы выделяют четыре мировые модели корпоративного управления, сформировавшиеся в зависимости от специфики природно-климатических условий, местоположения стран, территориальных особенностях и т. д. Они считают, что современной моделью успешного корпоративного управления в условиях глобализирующегося мира является модель управления преобразованиями корпорации (трансформационная модель),

объединяющая особенности различных национальных моделей управления. Такая корпорация представляет собой модель интеграционного предприятия.

Включение в модель управления национальных особенностей и учет культурологических аспектов является особенностью этой теории. Этот подход актуален для нашего исследования. Следует отметить, что возможны изменения спирального движения, которые позволяют корпорациям трансформироваться от одной позиции к другой. Модель весьма интересна тем, что авторы предлагают ее не только на корпоративном уровне, но и на уровнях национального, группового и даже индивидуального (личностного) управления.

Итак, проанализировав теоретические аспекты моделей управления корпорации в условиях современной экономики, мы можем отметить, что ведущим фактором в корпоративном управлении является фактор культуры (национальной и организационной). Это факт особенно четко прослеживается в системе управления современными монгольскими корпорациями, которые появились в 90-х гг. прошлого века, а к настоящему времени выросли до национальных корпораций, способных оказывать влияние на национальном уровне управления. Несомненно, монгольские компании имеют свою специфику управления в зависимости от фактора культуры.

Говоря о культуре организации, уместно уделить внимание принципам и ценностям достижения успеха в корпорации [8]. Так как монгольским корпорациям еще предстоит создать свою систему управления, этот вопрос особенно актуален. В последнее время в компаниях Монголии идет осознание того, что слабая модель корпоративного управления, которая, по гипотезе автора, основывается на недостаточном высоком уровне корпоративной культуры, сдерживает приток международных и внутригосударственных инвестиций. В настоящее время большинство монгольских корпораций финансируют свой бизнес в основном за счет собственной прибыли, кредитов, полученных от банков, и, в отдельных случаях, инвестиций зарубежных партнеров или государства.

Таким образом, общие черты и особенности монгольской модели корпоративного управления и моделей управления других национальных культур позволяют отметить, что в монгольской системе управления корпорацией имеют место схожие черты, характерные для зарубежных компаний, в частности, для немецких, такие как структура владения акциями и долгосрочный контроль. Но существуют и отличия между ними, например, для монгольской модели характерно право изменять размер Совета директоров. По Закону «О компаниях»¹, в монгольской корпорации генеральный директор не имеет право одновременно быть председателем Совета директоров, а для американской модели таких требований не существует. По сравнению с японской моделью, корпорации Монголии не дают гарантий по пожизненному найму для своих специалистов, что способствует высокому уровню текучести кадров. Развитие экспорта сельскохозяйственных товаров и добыча полезных ископаемых привлекают зарубежных инвесторов, что способствует расширению национальных корпораций Монголии.

Нами были выявлены и раскрыты черты национальной модели корпоративного управления монгольскими компаниями, которую можно охарактеризовать на данный момент как переходную. Для нее характерны: неустойчивое распределение прав и ответственности между собственниками и менеджерами корпораций в силу сосуществования традиционной («прошлой»), смешанной («настоящей») и глобализированной («будущей») культур; отсутствие четкой иерархии соподчинения в корпорациях из-за низкого уровня дистанции и индивидуализма, которые свидетельствуют о недостаточном уровне развития рыночных отношений, об их хаотичности;

¹ Компаний тухай хууль, 2011. (На монгольском языке)

высокая степень способности персонала работать в команде, принимать решения и нести ответственность коллективно [2]. Монгольские корпорации отличаются высоким уровнем взаимодействия с зарубежными деловыми партнерами, способностью активно вступать в экспортно-импортные взаимоотношения.

Выявление этих черт помогает построить адаптивную модель современной монгольской системы управления крупными корпорациями, которая может эффективно вписаться в систему мировой глобализации и способствовать интенсивному развитию деловых взаимоотношений с зарубежными партнерами, построить новую модель национальной экономики Монголии, опирающуюся на принципы международного сотрудничества, обмена новыми знаниями, опытом, навыками, технологиями, товарами и услугами между странами.

Литература

1. Антонов В. Г., Крылов В. В., Кузьмичев А. Ю. Корпоративное управление. М. : ИНФРА-М, 2006. 288 с.
2. Бор А. Влияние национальной культуры на менеджмент организации (на примере монгольской культуры) // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2012. № 1. С. 88–91.
3. Блази Дж. Р., Круз Д. Л. Новые собственники (наемные работники — массовые собственники акционерных компаний). М. : Дело Лтд, 1995.
4. Деметьева А. Г. Модели корпоративного управления в условиях глобализации. М. : МГИМО-Университет, 2011.
5. Михайлов Д. М. Эффективное корпоративное управление (на современном этапе развития экономики РФ). М. : КноРус, 2010. 448 с.
6. Сулейманкадиева А. Э. Оценка образовательного потенциала и перспектив развития системы непрерывного образования // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2008. № 1. С. 100–108.
7. Сулейманкадиева А. Э. Управление непрерывным образованием в условиях экономики знаний : Автореф. дис. ... д-р экон. наук. СПб., 2012. 42 с.
8. Сулейманкадиева А. Э. Методологические подходы к оценке организационной культуры фирмы // Известия Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета ЛЭТИ. 2006. № 8. С. 45–47.
9. Храброва И. А. Корпоративное управление: вопросы интеграции. М. : Альпина Паблишер, 2007.
10. Lessem R., Schieffer A. Transformation management, towards the integral Enterprise. MPG Books Group, UK, 2009.

References

1. Antonov V. G., Krylov V. V., Kuzmichev A. Yu. *Corporate management* [Korporativnoe upravlenie]. M. : INFRA-M, 2006. 288 p.
2. Bor A. *Influence of national culture on management of the organization (on the example of the Mongolian culture)* [Vliyanie natsional'noi kul'tury na menedzhment organizatsii (na primere mongol'skoi kul'tury)] // News of the St. Petersburg State Economic University [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2012. N 1. P. 88-91.
3. Blasi J. R., Kruse D. L. *New owners (hired workers — mass owners of joint stock companies)* [Novye sobstvenniki (naemnye rabotniki — massovye sobstvenniki aktsionernykh kompanii)]. M. : Delo Ltd., 1995.
4. Dementeva A. G. *Model of corporate management in the conditions of globalization* [Modeli korporativnogo upravleniya v usloviyakh globalizatsii]. M. : MGIMO University, 2011.
5. Mikhaylov D. M. *Effective corporate management (at the present stage of development of economy of the Russian Federation)* [Effektivnoe korporativnoe upravlenie (na sovremennom etape razvitiya ekonomiki RF)]. M. : KnoRus, 2010. 448 p.
6. Suleymankadiyeva A. E. *Assesment of the educational potential and prospects of development of system of continuous education* [Otsenka obrazovatel'nogo potentsiala i perspektiv razvitiya

- sistemy nepreryvnogo obrazovaniya] // News of the St. Petersburg State Economic University [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2008. N 1. P. 100–108.
7. Suleymankadieva A. E. *Management of continuous education in the conditions of economy of knowledge* [Upravlenie nepreryvnym obrazovaniem v usloviyakh ekonomiki znaniy]: Doctoral dissertation abstract. SPb., 2012. 42 p.
 8. Suleymankadieva A. E. *Methodological approaches to an assessment of organizational culture of firm* [Metodologicheskie podkhody k otsenke organizatsionnoi kul'tury firmy] // News of the St. Petersburg state electrotechnical university [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo elektrotekhnicheskogo universiteta LETI]. 2006. N 8. P. 45–47.
 9. Hrabrova I. A. *Corporate management: questions of integration* [Korporativnoe upravlenie: voprosy integratsii]. M.: Alpina Pablisher, 2007.
 10. Lessem R., Schieffer A. *Transformation management, towards the integral Enterprise*. MPG Books Group, UK, 2009.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ К РАССМОТРЕНИЮ РЕДАКЦИЕЙ

Предлагаем Вам разместить статьи в научно-практическом журнале «Управленческое консультирование», адресованном специалистам в различных отраслях государственного управления, ученым и преподавателям.

Журнал «Управленческое консультирование» включен ВАК Минобрнауки РФ в Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук. Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН. Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека).

Издание выходит ежемесячно. Все статьи проходят научное рецензирование.

Правила оформления статей, принимаемых к рассмотрению редакцией

В соответствии с рекомендациями ВАК, редакцией устанавливаются требования к содержанию и оформлению публикуемых в нем статей.

Для публикации в журнале Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ «Управленческое консультирование» принимаются оригинальные научные материалы, соответствующие основной направленности издания, преимущественно связанной с исследованием процессов управления социально-экономическими и политическими системами, актуальных проблем государственного и муниципального управления, экономики, общества и реформ.

Требования к направляемым в редакцию материалам

1. Автор представляет в редакцию:
 - ◆ распечатанный экземпляр статьи, подписанный автором, а также электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Бумажный вариант должен полностью соответствовать электронному; в конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником, материал не содержит сведений ограниченного распространения»
 - ◆ две рецензии — внешнюю и внутреннюю, заверенные печатью.
2. Все представленные статьи проходят научную экспертизу. В случае если по результатам экспертной оценки получена отрицательная рецензия (статья рекомендуется к доработке или отклоняется от опубликования), автору направляется аргументированный отказ или рекомендации по доработке.
3. Рецензии хранятся в архиве редакции в течение одного календарного года с момента их представления и могут быть представлены по запросу авторов и ВАК Министерства образования и науки РФ.
4. Плата с аспирантов за публикацию рукописей статей не взимается.

Требования к оформлению материалов

1. Каждая статья должна быть сопровождается:
 - **сведениями об авторах** (на русском и английском языках), которые указываются в первой подстрочной ссылке — сноске (для нее следует использовать символ *) и включают в себя фамилию, имя, отчество полностью; ученую степень; ученое звание; место работы; должность; адрес электронной почты. После указания места работы в скобках указывается город;
 - ◆ **кратким рефератом на русском и английском языках**, раскрывающим основное содержание статьи (≈ 200–300 слов);
 - ◆ **ключевыми словами на русском и английском языках.**
2. Технические требования к материалу:
 - поля — 2,5 см везде;
 - ◆ номера страниц — в низу страницы, выравнивание — справа, номер на первой странице не указывается;
 - ◆ шрифт — Times New Roman;
 - ◆ аннотации, ключевые слова — 12 кегль, межстрочный интервал — 1;
 - ◆ основной текст — 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5;
 - ◆ ссылки — затекстовые (вынесенные за текст документа и оформленные как список использованной литературы **в алфавитном порядке**), 12 кегль, межстрочный интервал — 1. **Ссылки на электронные ресурсы, правовые и законодательные акты, архивные материалы и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи!**
3. Порядок расположения материалов:
 - ◆ инициалы и фамилия автора(-ов). Расположение — по центру, кегль — 12. Ссылка на сведения об авторе(-ах);
 - ◆ название статьи (на русском и английском языках). Расположение — по центру, кегль — 14, полужирный шрифт;
 - ◆ краткий реферат на русском языке;
 - ◆ краткий реферат на английском языке (идентичный реферату на русском языке);
 - ◆ ключевые слова на русском языке;
 - ◆ ключевые слова на английском языке;
 - ◆ основной текст статьи.
4. Требования к оформлению:
 - ◆ абзацный отступ — 1,25 см (меню «Формат» → «Абзац». Табулятор «Tab» не используется);
 - ◆ расстановка переносов не применяется;
 - ◆ все примечания, в том числе сведения об авторе, оформляются как подстрочные ссылки, или сноски, вынесенные из текста в низ полосы документа;
 - ◆ все лишние пробелы убираются, между словами должен быть только один пробел; знаки препинания (за исключением тире) ставятся сразу же за предваряющим его словом без пробела;
 - ◆ выделения внутри текста набираются только курсивом (подчеркивания, слова, набранные прописными буквами, полужирным шрифтом, не допускаются);
 - ◆ нумерованный список пунктов дается в обычном порядке (1, 2, 3 и т. д.), причем каждый пункт начинается с нового абзаца;
 - ◆ маркированный список пунктов оформляется только с помощью тире.
5. Оформление ссылок (**ВАЖНО!!!**):
 - ◆ ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 (требования к кратким затекстовым ссылкам);
 - ◆ краткая затекстовая ссылка содержит следующие элементы: фамилия и инициалы автора (курсив) издания, основное заглавие, сведения об издании, место

издания, издательство (если название издательства отсутствует хотя бы в одной публикации, то необходимо опустить названия издательств в других публикациях, либо указать название издательства во всех ссылках, т. е. привести к единообразию), год издания, сведения о местоположении объекта ссылки (если ссылка дается на часть документа), обозначение и порядковый номер тома или выпуска, физическая характеристика (полный объем издания либо конкретные страницы). Области библиографического описания разделяются точкой;

- ◆ для связи с текстом порядковый номер библиографической записи в затекстовой ссылке указывают в отсылке, которую приводят в квадратных скобках в строку с текстом. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста, в отсылке указывают порядковый номер источника и диапазон страниц, на которых помещен объект ссылки. Сведения разделяют запятой. Если отсылка содержит сведения о нескольких затекстовых ссылках, группы сведений разделяют знаком «точка с запятой»;
- ◆ список литературы в конце статьи дается **в алфавитном порядке**.

Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов Word Art в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в форматах *.tiff или *.jpg.

Примеры оформления материалов

1. Сведения об авторе

Иванов Иван Иванович
Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Заведующий кафедрой
Доктор философских наук, профессор.
E-mail:
Телефон:

2. Краткие затекстовые ссылки

В тексте:

«А. В. Виленский называет его «своего рода „золотым легионом“ постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире : политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М. : Наука, 2004.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках

- ◆ *Монографии:*
Филиппов Г. Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008.
- ◆ *Статьи в научных сборниках:*
Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М. : Прогресс, 1972.
- ◆ *Публикации в многотомных изданиях:*
Ирвинг В. Собр. соч. В 5 т. : пер. с англ. М. : ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.
Карамзин Н. М. История государства Российского : в 12 т. М. : Мир книги, 2003. Т. 7.
- ◆ *Статьи в научных журналах:*
1. Кириленко В. П., Дронов Р. В. О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба: Вестник Координаци-

онного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.
2. Шамахов В. А. К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.

◆ *Статьи в газетах:*

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.

◆ *Правовые акты:*

О науке и государственной научно-технической политике: Федеральный закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.

◆ *Архивные документы* (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.

◆ *Электронные ресурсы оформляются следующим образом:*

1. Манойло А. В. Объекты и субъекты информационного противоборства [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: Сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии. Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm> (дата обращения: 23.02.2013).

2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: <http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/> (дата обращения: 20.09.2012).

Ссылки на таблицы и рисунки приводятся внутри текста: (табл. 2, рис. 1). Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

2015. № 4(76)

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно
Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий отделом научной периодики
Е. В. АНТОНОВА

Сдано в набор 15.04.2015.
Подписано к печати 27.04.2015.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 16,77. Тираж 650 экз.
Заказ № 4/15.

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ
д. э. н., профессор Л. С. САВЧЕНКО

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Аннотации статей и перевод
на английский язык В. В. ПОЛЯХ

Корректор Н. Б. НЕНАХОВА
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Индекс по Объединенному каталогу «Пресса России» 82909, по каталогу
Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» 70107

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления – филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В. О., д. 61
Тел. (812) 335-94-97